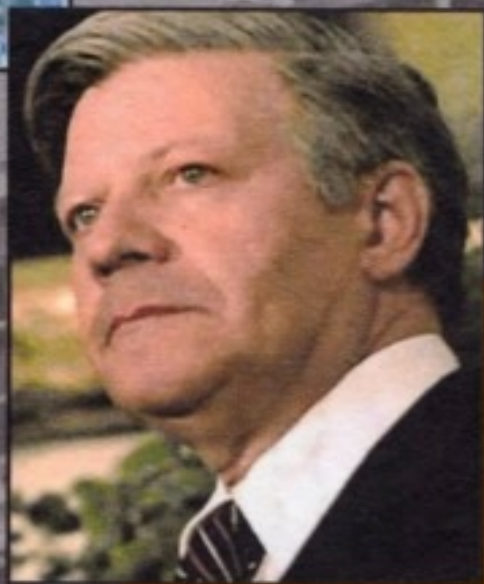


# ИСТОРИЯ зарубежной журналистики



1 9 4 5 — 2 0 0 8

## Annotation

В хрестоматию вошли произведения зарубежных журналистов, публицистов и общественно-политических деятелей, оказавшие влияние на развитие журналистики в странах Запада в 1945—2008 гг. Тексты расположены в хронологической последовательности и предваряются кратким очерком о развитии средств массовой информации после Второй мировой войны до наших дней.

Для студентов факультетов и отделений журналистики вузов и всех, кто интересуется историей зарубежной журналистики второй половины XX — начала XXI века.

- [История зарубежной журналистики](#)
  - [Предисловие](#)
  - [Особенности развития зарубежной журналистики после 1945 года](#)
  - [Журналистика и публицистика США](#)
    - [Джозеф Маккарти](#)
      - [Речь Джозефа Маккарти](#)
      - [Джозеф Маккарти — президенту Гарри Трумэну](#)
    - [Ричард Никсон — Джон Кеннеди](#)
      - [Первые теледебаты Никсон—Кеннеди](#)[2]
    - [Мартин Лютер Кинг](#)
      - [У меня есть мечта](#)[4]
      - [Я был на вершине](#)[7]
    - [Журналистика войны во Вьетнаме](#)
      - [У «красных» заключенных падает дух](#)
      - [Давление Вьетнама](#)
    - [Трумэн Капоте](#)[8]
      - [Хладнокровное убийство](#)[9]
    - [Том Вулф](#)[10]
      - [Электропрохладительный кислотный тест](#)[11]
    - [Хантер Стоктон Томпсон](#)[12]
      - [Ангелы ада](#)[13]
    - [Роберт Крайстго](#)

- [Элвис Пресли: взрослеющий рок](#)
- [Карл Бернстин, Боб Вудворд](#)
  - [Пять человек обвиняются в прослушивании штаб-квартиры демократов](#)
  - [Среди пяти арестованных по делу прослушивания — помощник республиканской партии по безопасности](#)
  - [Подозреваемый в подслушивании получил деньги штаба переизбрания](#)
  - [Митчелл контролировал секретный фонд республиканской партии](#)
  - [ФБР подозревает помощников Никсона в саботаже демократического лагеря](#)
  - [Совершенно секретно — кто и для чего нанял шпионов](#)
  - [Никсон знал о плане заговора, утверждает Дэн](#)
  - [Записку о краже со взломом отправляли Эрлихману](#)
  - [Никсон обсуждает выплаты шантажистам и милосердие](#)
- [Билл Клинтон](#)
  - [Я согрешил\[32\]](#)
- [Журналистика и публицистика Великобритании](#)
  - [Уинстон Черчилль](#)
    - [Сухожилия мира](#)
  - [Маргарет Тэтчер](#)
    - [Пробудись, Британия!\[33\]](#)
  - [Пресса о принцессе Диане](#)
    - [Интервью с принцессой Дианой на BBC](#)
    - [Богатый и могущественный Доли идеально подходил Диане](#)
    - [Послания с соболезнованиями заполнили веб-сайты](#)
    - [Смерть прекрасного](#)
    - [Принцесса и монахиня](#)
    - [Секретная служба Соединенных Штатов прослушивала телефонные разговоры Дианы в ночь автокатастрофы](#)

- [Журналистика и публицистика Германии, Франции и Италии](#)
  - [Рудольф Аугштайн](#)
    - [Коммунисты и остальные немцы](#)
    - [Лекс Шпрингер\[38\]](#)
  - [Ульрика Мария Майнхоф](#)
    - [Поджог универмага\[39\]](#)
  - [Гельмут Шмидт](#)
    - [Нам необходимо мужество\[42\]](#)
  - [Морис Лесан\[48\]](#)
    - [Большой развод](#)
  - [Индро Монтанелли\[49\]](#)
    - [Левый морж](#)
- [Журналистика и публицистика Восточной Европы](#)
  - [Адам Михник](#)
    - [Возрожденная независимость и бесы Бархатной революции\[50\]](#)
  - [Вацлав Гавел](#)
    - [Символы Литомишля](#)
    - [Зачем же нам нужен радар?](#)
  - [Деян Анастасиевич](#)
    - [Гаагский дневник](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)

- [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
-

**История зарубежной журналистики  
1945—2008**

**Хрестоматия**

**Под редакцией доктора  
филологических наук, профессора Я. Н.  
Засурского**

**Составитель кандидат филологических  
наук, доцент Г. В. Прутцков**

# Предисловие

Хрестоматия «История зарубежной журналистики (1945—2008)» — первое в своем роде издание. Подавляющее большинство текстов переведено специально для хрестоматии и публикуются на русском языке впервые [вынужден отметить, что почти все эти переводы откровенно слабы, местами ужасны, часто искажают смысл и дают лишь отдаленное представление об исходном тексте]. Подбор произведений обусловлен требованиями программы курса «История зарубежной журналистики», предназначенного для студентов факультетов и отделений журналистики университетов.

В хрестоматию включены произведения известных западных журналистов, публицистов и политиков второй половины XX — начала XXI века, оказавшие влияние на развитие средств массовой информации.

Составитель выражает глубокую благодарность президенту факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующему кафедрой зарубежной журналистики и литературы, заслуженному профессору Я. Н. Засурскому за постоянную поддержку в работе, за многочисленные ценные советы и замечания, которые были учтены в подготовке хрестоматии.

*Составитель*

## **Особенности развития зарубежной журналистики после 1945 года**

После окончания Второй мировой войны зарубежная журналистика претерпела существенные изменения. На ее развитие повлияли как политическая ситуация, сложившаяся в мире после войны, так и дальнейшее развитие техники и технологий. Начиная с 1917 года на журналистику оказывала серьезное (а порой и решающее) воздействие политика. И наступившая после 1945 года эпоха также характеризуется исключительным влиянием идеологии на развитие средств массовой информации.

В своем послевоенном развитии журналистика прошла три этапа: первый — с 1945 по 1948 год, второй — с 1948 по 1989 год и третий — с 1989 года и по настоящее время. В 1945 году мир был освобожден от фашизма. Практически во всех странах потерпела крах и фашистская пресса. Вместе с тем, в Европе значительно усилилось влияние левой и, в частности, коммунистической прессы: авторитет Советского Союза, победившего нацистскую Германию, был велик как никогда прежде. Запрещенные оккупантами и выходившие в подполье периодические издания вышли на свободу и обрели массового читателя. Так, тираж органа Французской коммунистической партии газеты «Юманите» в 1945—1946 годах иногда достигал 500—600 тыс. экз., в Италии социалистическая газета «Аванти!» имела в эти годы тираж 200 тыс. экз., коммунистическая «Унита» — 100—150 тыс. экз.

Во многих освобожденных от нацизма странах произошло становление новой системы прессы. Например, во Франции после освобождения страны в 1944 году было принято решение о запрещении всех периодических изданий, в той или иной степени сотрудничавших с оккупационными властями. Таким образом, было закрыто подавляющее большинство французских газет (из 206 газет, выходивших в стране до начала второй мировой войны, возобновили свой выход лишь 28). В Италии после падения фашистского режима Муссолини были запрещены периодические издания фашистской партии, газеты и журналы, поддерживавшие прежнюю власть, распущен фашистский профсоюз журналистов. В Германии,



освобожденной от нацизма, по распоряжению оккупационных властей была полностью запрещена вся периодика, издававшаяся в годы Третьего рейха, и, таким образом, система печати была воссоздана заново. Именно поэтому послевоенную германскую прессу называют «газетами часа ноль».

Первые послевоенные годы характеризуются и дефицитом бумаги, поэтому в большинстве европейских государств как тиражи, так и само издание газет и журналов были подвергнуты государственным ограничениям.

В странах Восточной Европы, попавших после войны в зону влияния Советского Союза, активно насаждалась коммунистическая печать. Новая модель прессы в этих государствах создавалась под влиянием и по примеру СССР. В некоторых странах (например, Болгарии, Югославии) коммунистические идеи и, соответственно, печать были по-настоящему популярны в народе. Но в большинстве восточноевропейских стран коммунистическая пресса оставалась очень слабой, коммунистическая идеология не пользовалась особой популярностью у населения.

В первые послевоенные годы началось возрождение телевидения. До Второй мировой войны оно было доступно только небольшому кругу зрителей. В годы войны телевидение не развивалось, и только после 1945 года оно быстро и уверенно вошло в жизнь миллионов людей и стало средством массовой информации. Кстати, и само понятие «средства массовой информации» (СМИ) появилось именно с развитием телевидения в послевоенные годы.

Страны антигитлеровской коалиции все еще продолжали оставаться союзниками. В 1945 году государствами-победительницами была создана Организация Объединенных Наций (ООН). Но противоречия между прежними союзниками уже носили принципиальный характер. Одним из первых об этом официально заговорил бывший премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль (1874—1965). Будучи отставным, но вместе с тем авторитетным и хорошо информированным политическим деятелем, он выступил 5 марта 1946 года перед студентами Вестминстерского колледжа в американском городе Фултоне, штат Миссури (см. в хрестоматии его речь «Сухожилия мира»). Черчилль ввел в политический лексикон такие понятия, как «холодная война»,

«железный занавес», которые на десятилетия вперед стали яркими символами наступавшей эпохи.

Формально «холодная война» началась в 1948 году. Четыре последующие десятилетия развития средств массовой информации вошли в историю как журналистика эпохи «холодной войны». Этот период характеризуется крайней степенью идеологизации журналистики — как в Советском Союзе и подконтрольных ему странах Восточной Европы, так и в формально свободных от идеологии странах Запада. По сути, ни одно периодическое издание — по обе стороны «железного занавеса» — не смогло быть в стороне от идеологических битв и продолжать оставаться неангажированным. Журналистика стала служанкой политики.

Самый сложный период развития средств массовой информации в эпоху «холодной войны» пришелся на конец 1940-х — начало 1950-х годов. Это был период поисков и разоблачений внутренних врагов не только в СССР, но и в странах Запада. Так, журналистика США, и в частности, молодое телевидение, включилась в «охоту на ведьм», т.е. в поиск секретных агентов Кремля. Эту борьбу начал сенатор-республиканец Джозеф Реймонд Маккарти (1908—1957), выступивший в феврале 1950 года на заседании Конгресса США с сенсационными разоблачениями в тайном сотрудничестве многих конгрессменов с Советским Союзом (которые, правда, спустя три года были признаны не соответствующими действительности). По имени сенатора эпоха крайнего разгула «охоты на ведьм» и получила название «маккартизм».

Во второй половине 1950-х годов, после смерти Сталина (1953) и XX съезда КПСС (1956), провозгласившего курс на мирное соревнование со странами капиталистического мира, в международных отношениях наступила «оттепель». Она существенно отразилась и на средствах массовой информации, которые стали уходить от стереотипов эпохи маккартизма и черно-белых оценок в освещении политической жизни. Тем не менее «холодная война» в журналистике продолжалась еще несколько десятилетий.

К концу 1950-х — началу 1960-х годов аудитория телевидения сравнялась и затем превзошла аудиторию традиционных средств массовой информации. Влияние телевидения на общественно-политическую жизнь уверенно продолжало расти. Так, осенью 1960

года в США впервые были проведены теледебаты между кандидатами в президенты Р. Никсоном и Дж. Кеннеди, причем победу на выборах Кеннеди во многом обусловило его превосходство над Никсоном в телеэфире. А репортажи с полей боевых действий во Вьетнаме, которые передавали американские тележурналисты, вызвали в конце 1960-х — начале 1970-х годов мощное антивоенное движение по всем Соединенным Штатам и, в конечном счете, способствовали прекращению войны.

Особое развитие телевидение получило с началом космической эры. Так, в 1964 году стала возможна прямая трансляция Олимпийских игр из Токио.

В конце 1970-х — первой половине 1980-х годов западная журналистика включилась в новый, последний виток «холодной войны», вызванный вводом советских войск в Афганистан, и активно способствовала распространению выдвинутого президентом США Р. Рейганом лозунга «Советский Союз — империя зла».

Во второй половине 1980-х годов, после прихода к власти в СССР М. С. Горбачева и первых успехов его политики гласности, началась постепенная деидеологизация журналистики — как в Советском Союзе, так и на Западе. Из средств массовой информации стал исчезать образ врага, долгие десятилетия господствовавший в ней, постепенно отпала антикоммунистическая риторика. В 1988 году советские читатели впервые за всю историю советского государства получили возможность покупать западные газеты и журналы и открыто слушать передачи западных радиостанций, которые до этого глушились. «Холодная война» подходила к логическому концу.

В это же время начало развиваться кабельное и спутниковое телевидение. Его отличие от традиционного, эфирного телевидения состоит в том, что телезритель может не только получать информацию, но и общаться с распространителем этой информации (например, заказывать программы, покупать товары и т.п.). Развитие интерактивного телевидения привело к некоторому снижению тиражей газет. В 1989 году потерпели поражение просоветские коммунистические режимы в странах Восточной Европы. Эти государства стали строить новую систему средств массовой информации. В восточноевропейскую журналистику хлынул западный медиакапитал. Создавались новые газеты, телеканалы и радиостанции.

Вместе с тем, газеты, бывшие в годы социализма рупорами коммунистических партий, не закрылись и не потеряли читателя, но сохранили свои позиции в новой системе СМИ. Эти газеты поменяли названия (так, бывший орган Польской объединенной рабочей партии газета «Трибуна люду» стала называться «Трибуна», газета «Руде право» — бывший орган компартии Чехословакии — была переименована в «Право», бывшая газета Болгарской коммунистической партии «Работническо дело» сменила название на «Дума»), отказались от коммунистической идеологии и остались на левом фланге разнообразного спектра средств массовой информации в своих странах. Например, «Нойес Дойчланд», бывшая главная коммунистическая газета ГДР, сегодня является одним из самых популярных в восточных землях Германии периодическим изданием.

Таким образом, с 1989 года, т.е. с окончанием «холодной войны» и с распадом социалистической, просоветской системы в Восточной Европе, начался новый период развития журналистики, который продолжается и по сей день.

На рубеже 1980—1990-х годов западная журналистика вступила в эпоху глобализации. Одна британская и три американских газеты вышли за рамки национальных границ и стали глобальными: «Файнэншл таймс», «Уолл-стрит джорнэл», «Ю.Эс.Эй. тудэй» и «Интернэшнл геральд трибьюн». Эти газеты издаются на всех континентах. В это время сильнейшее влияние на традиционную прессу оказало телевидение: в периодических изданиях появился цвет, в системе верстки начали использовать телевизионные приемы, получила популярность инфографика (например, статистические данные в виде цветных графиков, диаграмм), стали публиковаться цветные карты погоды и т.д.

После избрания в ноябре 1992 года президентом США Билла Клинтона по инициативе вице-президента Альберта Гора был рассекречена глобальная сеть интернет (World Wide Web) и выдвинута идея создания информационной супермагистральной. По замыслу А. Гора, информационная супермагистраль должна предоставить всеобщий доступ к различным информационным услугам торговых предприятий, коммерческим базам данным, электронным версиям периодических изданий, библиотечным каталогам, правительственным документам и т.д. Эта супермагистраль предусматривает развитие концепции

удаленного общения. Появляется возможность при помощи сети дистанционно работать на дому, учиться, участвовать в конференциях и даже совершать финансовые сделки, не прибегая к наличным деньгам. Таким образом, информационная супермагистраль существенно изменяет жизнь всего общества.

Информационные сети приобретают все большее влияние на развитие общества. Появляется термин «информационное общество», который обосновал известный британский социолог Фрэнк Уэбстер (р. 1950 г.) в книге «Теории информационного общества» (1995). С развитием интернета, внедрением в журналистику новых технологий характер глобализации журналистики меняется: теперь глобальным можно считать любое периодическое издание, которое имеет свою электронную версию.

1990-е годы характеризуются и постепенным стиранием граней между классической качественной и массовой прессой. Газеты, долгие десятилетия и даже столетия позиционировавшие себя качественными, стали допускать все больше и больше отхождений от традиционной модели. В них изменилась верстка, стали публиковаться иллюстрации больших размеров, начали появляться кроссворды, астрологические прогнозы, разнообразные тематические приложения, посвященные здоровью, спорту, досугу и т.п., т.е. те приемы, которые прежде использовала исключительно массовая пресса. Качественные газеты все активнее расширяли тематику, охотно обсуждали сенсации (например, развод принца Чарльза и принцессы Дианы летом 1996 года в Великобритании, процесс 1995 года по делу чернокожего американского футболиста Симпсона, которого обвиняли в убийстве жены, сексуальный скандал 1996—1998 годов вокруг президента США Билла Клинтона). Многие качественные газеты, соревнуясь друг с другом, стали проводить розыгрыши призов, различные лотереи, конкурсы среди читателей. И лишь единицы газет сохраняют, несмотря ни на что, традиционную качественность (к примеру, «Уолл-стрит джорнэл» в США, «Франкфуртер альгемайне цайтунг» в Германии, «Монд» во Франции).

Эпоха информационного общества, становление которой приходится на рубеж XX—XXI веков, отмечена появлением и развитием таких новых направлений и понятий в журналистике, как дигитализация, конвергенция, мультимедиатизация. Дигитализация —

это оцифровка, перевод всех форм средств массовой информации (текстовой, графической, звуковой) в цифровой формат. Газеты полностью перешли на компьютерный набор, в интернете существуют их электронные версии. Благодаря развитию цифрового радио увеличилось количество частот. Радио можно теперь слушать и через подключенный к Интернету компьютер. То же относится и к цифровому телевидению. Таким образом, дигитализация объединяет, унифицирует все средства массовой информации. Такие извечные барьеры развития традиционных СМИ, как, например, необходимое для публикации время, финансовые издержки, географические границы распространения газет и журналов, могут быть сегодня преодолены с помощью новых информационно-коммуникационных технологий.

Конвергенция — процесс интеграции, сближения различных технологий, их объединение в единую технологическую платформу. Конвергенция может быть как объединением различных форматов (например, газета в интернете), так и экономическим объединением ранее изолированных друг от друга радио, кабельного телевидения и телефонии. Благодаря конвергенции стало возможным, сидя за персональным компьютером, смотреть телевизионные программы, слушать радио, читать электронные версии газет в интернете, вести переписку по электронной почте, разговаривать по телефону.

Мультимедиатизация — предложение потребителю одного и того же информационного продукта через максимально возможное количество каналов (т.е. не только через средства массовой информации, но и все средства современной индустрии) и на максимально возможном количестве носителей информации.

Важной особенностью современной западной журналистики является ее интерактивность. Благодаря интерактивности стало возможным осуществлять оперативную обратную связь средств массовой информации с получателем информации (читателем, слушателем, зрителем).

Таким образом, в конце XX — начале XXI века новые технологии определили облик мировой журналистики и ускорили доступ к информации. Появились возможности оперативно использовать эту информацию для развития экономики. Информация стала частью

производительных сил, что весьма характерно для информационного общества.

# Журналистика и публицистика США

Джозеф Маккарти

Ричард Никсон — Джон Кеннеди

Мартин Лютер Кинг

Журналистика войны во Вьетнаме

Трумэн Капоте

Том Вулф

Хантер Стоктон Томпсон

Роберт Крайстго

Карл Бернстин, Боб Вудворд

Билл Клинтон



# Джозеф Маккарти

## Речь Джозефа Маккарти

Уилинг, Западная Виргиния, 9 февраля 1950 года

Дамы и господа, сегодня мы празднуем сто сорок первый день рождения одного из самых великих людей в истории Америки, и я рад, что могу говорить об этом поистине знаменательном дне в истории всего мира. Мы празднуем день рождения человека, который всей душой ненавидел войну, поэтому я не могу не напоминать о мире в наши дни — в дни, когда война запрещена, когда весь мир разоружается. Об этом можно и должно говорить, потому как сегодня день рождения Авраама Линкольна.

Прошло пять лет с тех пор, как была выиграна мировая война, и сердца людей ждут мира, а разум — покоя и избавления от тяжелых воспоминаний. Но сейчас не то время — не время мира. Это время «холодной войны». Это время, когда мир расколот на два огромных, все более и более враждебных друг другу лагеря, время великой гонки вооружений.

Сегодня мы уже слышим рокот и громыхание крепнущего бога войны. Мы видим, чувствуем, осязаем весь его путь с холмов Индокитая, с берегов острова Формоза — в самое сердце Европы.

Обнадеживает только то, что «час икс» еще не наступил, что не раздается еще ружейная стрельба и взрывы бомб, которые приведут человечество к последней точке — самоуничтожению. Надежда еще остается, если мы, наконец, осознаем, что рискованно закрывать глаза на очевидные факты, <...> что грозящая нам война — не столкновение двух народов за земли или материальную выгоду, а конфликт двух по-настоящему враждебных идеологий. Глубочайшее противоречие между демократическим, христианским миром и атеистическим, коммунистическим не в политике, господа, а в морали. Например, марксистская идея национализации земли и заводов и создания монолитной экономики очень важна. Но ленинское однопартийное полицейское государство как способ воплощения в жизнь теории Маркса куда менее значительно. Сталинское лавирование между двумя

этими идеями, конечно, значительно повлияло на разделение мира. И все-таки, если бы существовали только эти два противоречия, Восток и Запад еще могли бы жить в мире.

Но главное, основополагающее различие заключается в «религии аморализма», <...> которую изобрел Маркс, активно проповедовал Ленин и довел до немыслимых размеров Сталин. Эта «религия аморализма», если победит «красная» половина мира — а это вполне может случиться, господа, — эта религия ранит глубже и вредит человечеству сильнее, чем любая возможная экономическая или политическая система.

Карл Маркс клеймил Бога как обман, а Ленин и Сталин ясным, не терпящим возражений языком объяснили, что ни одно государство, ни один народ, верующий в Бога, не может существовать бок о бок с их коммунистической страной.

К примеру, Маркс выгонял людей из коммунистической партии за одно только упоминание таких ценностей, как любовь, справедливость, человеколюбие и мораль. Он называл это «душевным бредом» и «слезливой сентиментальностью» <...>.

Сейчас мы участвуем в последней, решительной битве между коммунистическим атеизмом и христианством. Современные поборники коммунизма решили, дамы и господа, что жребий брошен — и он действительно брошен.

Чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, что момент уже выбран, давайте присмотримся к лидеру коммунистов — Иосифу Сталину. Вот что он сказал (не в далеком 1928 году, не накануне и не во время войны, а через два года после того, как она кончилась): «Думать, что социалистическая революция может пройти мирно, в рамках христианской демократичности, означает забыть или открыто отречься от идеи революции» <...>.

Дамы и господа, есть ли сегодня вечером здесь хоть кто-нибудь, кто настолько слеп, чтобы сказать, что война не идет в этот самый момент? Есть ли здесь кто-нибудь, кто еще не осознал, что коммунистический мир сказал «время пришло»? Что это время демонстрации силы демократического христианского и коммунистического атеистского мира?

Если мы не осознаем этот факт, мы заплатим ту высокую цену, какую платит всякий, кто слишком долго был слеп.

Шесть лет назад в советском мире жили 180 млн. человек. Антитоталитарный лагерь в общей сложности насчитывал примерно 1 млрд. 625 млн. человек. Сегодня, когда прошло всего шесть лет, под властью Советского Союза уже 800 млн. человек — это больше чем 400 процентов роста. Количество наших сторонников уменьшилось до примерно 500 млн. Другими словами, меньше чем за шесть лет соотношение изменилось с 9 к 1 до 8 к 5 не в нашу пользу. Эти цифры показывают, с какой быстротой приближаются коммунисты к победе, а американцы — к поражению в «холодной войне». Как сказал один из выдающихся исторических деятелей, «великая демократия будет разрушена врагами не извне, а вовне» <...>.

Мы оказались в таком беспомощном положении не потому, что наш возможный всемогущий враг вторгся на наши земли, а из-за вероломства тех, кому уже столь щедро заплатили эти люди. Предателями оказались не те, кому повезло меньше других, не те, кто принадлежит к социальным меньшинствам, которые всегда сочувствовали коммунистам, но те, кому достались все преимущества, которые только может предоставить человеку богатейшая в мире страна, — лучшие дома, образование и лучшие посты в правительстве.

Все это — горькая правда о нашем Государственном департаменте<sup>[1]</sup>. Там работают талантливые молодые люди, которые вытащили свой счастливый билет и которые же оказались самыми вероломными.

В моей руке — список из двухсот пяти человек. Это фамилии тех людей, кто, как известно государственному секретарю, являются членами коммунистической партии и тем не менее продолжают работать и формировать нашу внешнюю политику...

Как вы знаете, совсем недавно госсекретарь подтвердил свою лояльность человеку, который совершил самое гнусное преступление из всех (а ведь он предал людей, которые ему действительно доверяли) — он совершил государственную измену.

Он стал той искрой, которая вызвала нравственный бунт, а он закончится лишь тогда, когда от управления страной отстранят испорченных, извращенных политиков и мы сможем отпраздновать новое рождение честности и порядочности в правительстве.

Перевод *Александры Хоменок*

## Джозеф Маккарти — президенту Гарри Трумэну

11 февраля 1950 года

В день рождения Линкольна в своей речи в Уилинге я утверждал, что Государственный департамент стал прибежищем коммунистов и их приспешников, которые формируют внешнюю политику государства. Далее я сказал, что имею в своем распоряжении список из 57 коммунистов, которые в данный момент работают в Госдепе. Представитель Департамента сразу заявил, что в его ведомстве нет ни одного коммуниста. Вы можете сами очень легко убедиться в ложности заявления Госдепартамента. Вы вспомните, что Вы лично одобрили решение совета по проверке служащих министерства иностранных дел для того, чтобы его очистить от случайных попутчиков — людей, которых совет признает угрожающими безопасности нашего Отечества. Ваш совет проделал кропотливую работу и составил список из сотен имен людей, которые признаны опасными для безопасности нации из-за своих связей с коммунистами.

Пока эти данные недоступны мне, но я ознакомлен с перечнем приблизительно в триста фамилий, одобренных госсекретарем к увольнению. Фактически он освободил от должности всего примерно 80 человек. Я понимаю, что это было сделано после длительных консультаций с ныне осужденным изменником Эджером Хиссом. Поэтому я советую Вам, господин президент, просто снять телефонную трубку и спросить мистера Ачисона о том, скольких людей, которых Ваш совет признал опасными коммунистами, он так и не уволил. В день, когда Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности разоблачила Эджера Хисса в связях с международной коммунистической шпионской сетью, Вы подписали указ, запрещающий Государственному департаменту предоставлять Конгрессу какую-либо информацию о предательстве или связях с коммунистами.

Хотя Госдеп и скрывает сведения, нам удалось составить список из 57 коммунистов в министерстве иностранных дел. Он доступен Вам, но Вы можете получить и более обширный перечень, если распорядитесь, чтобы госсекретарь Ачисон предоставил в Ваше распоряжение эти данные. Я думаю, что в данном случае Вам следует сделать следующее.

1. Вы попросите Ачисона предоставить Вам и специальной комиссии Конгресса фамилии и полный отчет о тех чиновниках, которые были наняты Эджером Хиссом в Департамент, и тех, которые до сих пор там работают и упомянуты в списке риска, составленном Вашим советом.

2. Вы немедленно аннулируете свой указ, согласно которому комиссия Конгресса ни при каких обстоятельствах не может получать никакой информации или помощи в разоблачении коммунистов.

<...> Партию демократов будут клеймить за то, что она продалась коммунистам. Конечно, этот ярлык не заслужили сотни тысяч верных американских демократов по всей стране и значительное число преданных демократов как в Сенате, так и в Белом доме.

*Перевод Александры Хоменок*

## Ричард Никсон — Джон Кеннеди

### Первые теледебаты Никсон—Кеннеди<sup>[2]</sup>

26 сентября 1960 года

*Говард Смит.* Добрый вечер.

Телевидение и радиостанции Соединенных Штатов и их дочерние компании рады приветствовать двух главных кандидатов на пост президента США для обсуждения проблем текущей политической кампании.

Они не нуждаются в представлении. Кандидат от партии республиканцев — вице-президент Ричард М. Никсон, и кандидат от партии демократов — сенатор Джон Ф. Кеннеди.

Согласно правилам, установленным самими кандидатами, каждый кандидат выступит со вступительной речью в течение примерно восьми минут и с заключительной — в течение примерно трех минут.

Между ними кандидаты будут отвечать на вопросы или комментировать ответы на вопросы своих оппонентов, заданные журналистами.

Первые дебаты из четырех задуманных будут посвящены внутренней политике Соединенных Штатов.

И сейчас со своим вступительным словом выступит сенатор Джон Кеннеди.

*Джон Кеннеди.* Господин Смит, господин Никсон.

На выборах 1860 года Авраам Линкольн задал вопрос, может ли наша нация существовать наполовину рабской и наполовину свободной.

На выборах 1960 года, за которыми следит весь мир, мы зададим другой вопрос: может ли мир существовать наполовину рабским и наполовину свободным, пойдет ли он по пути, который выберем мы, — по пути свободы, или же он выберет для себя путь рабства.

Я думаю, в большей степени это будет зависеть от того, что мы делаем здесь, в США, от того, какое общество мы строим и какую силу мы представляем.

Сегодня вечером мы обсуждаем вопросы внутренней политики, тем не менее я не хотел бы ограничиваться только ими. Хотя, надеюсь, все, что мы скажем сегодня, не будет расценено непосредственно как еще один удар по г-ну Хрущеву и Советскому Союзу, с кем мы, можно сказать, ведем борьбу за выживание.

Г-н Хрущев находится в Нью-Йорке, и он, разумеется, непосредственно поддерживает коммунистическое наступление во всем мире в связи с возрастающей мощью Советского Союза.

Китайские коммунисты всегда отличались большой численностью населения, но они стали важны и опасны только теперь, когда они стали копить силы в пределах собственной страны. Страна же, где живем мы, общество, которое мы строим, силы, которые мы наращиваем в Соединенных Штатах, — все это во имя свободы.

Если мы преуспеем здесь, если мы выполним наши обязательства, если мы будем двигаться вперед, то я думаю, что свобода будет в безопасности во всем мире. Если же мы потерпим неудачу в этом нелегком деле, то и свобода, возможно, будет потеряна.

Поэтому я задам вам вопрос еще раньше, чем вы только задумаетесь над этим: делаем ли мы для этого столько, сколько реально можем сделать? Так ли мы сильны, как должны быть? Достаточно ли мы сильны, как должны быть, если мы собираемся сохранить нашу независимость и если мы готовы протянуть руку дружбы тем, кто обратится к нам за помощью, тем, кто обратится к нам, чтобы выжить? Я хочу сделать это очевидным, однако боюсь, что мы прикладываем недостаточно усилий, и лично я, как американец, не удовлетворен тем, что мы делаем сейчас.

Америка — великая страна, но, я думаю, она могла бы стать еще более великой! Америка — сильная страна, но я думаю, что она могла бы быть еще сильнее!

Я недоволен тем, что 50% мощностей наших сталелитейных заводов остаются невостребованными!

Я недоволен тем, что в Соединенных Штатах в прошлом году показатели экономического роста были самыми низкими среди главных промышленно развитых стран мира. А ведь экономический рост — это сила и способность выживать. Высокие его показатели говорят о том, что мы обороноспособны и в состоянии выполнять наши обязательства за границей.

Я недоволен тем, что многие из 9 млрд. долларов, которые могли бы пойти на еду, попросту сгнивают! И это притом, что существует голодный мир, а 4 млн. американцев ждут ежемесячных пайков продовольствия от Правительства по средней цене 5 центов в день на человека!

Мне известны случаи в штате Западная Виргиния, здесь в Соединенных Штатах, когда дети приносили домой часть школьного завтрака, с целью хоть как-то накормить членов их семей. И я не думаю, что мы выполняем наши обязательства по отношению к этим американцам.

Я недоволен тем, что в Советском Союзе в два раза больше ученых и инженеров, чем у нас!

Я недоволен тем, что многие наши преподаватели получают поистине смешные деньги или наши дети идут в школу не на полный учебный день. Я думаю, мы должны иметь первоклассную образовательную систему!

Я недоволен тем, что вижу людей вроде Джимми Хоффа, отвечающего за крупнейший профсоюз в Соединенных Штатах, все еще на свободе.

Я недоволен тем, что мы не в состоянии полностью использовать собственные природные ресурсы. Мы, Соединенные Штаты, которые развивали долину штата Теннесси и которые построили Гранд-Кули и другие дамбы на Северо-Западе страны, мы по существующему рейтингу производства гидроэлектроэнергии, являющейся признаком промышленно развитого общества, к 1975 году будем производить меньше этой энергии, чем Советский Союз!

Вот все те вещи, которые, я думаю, могут сделать наше общество сильным и стабильным.

Я не буду доволен до тех пор, пока каждый американец не будет наслаждаться полным исполнением его конституционных прав. У негритянского ребенка (это верно так же и о пуэрториканцах и мексиканцах в некоторых из наших городов) вдвое меньше шансов пойти в школу, чем у белого малыша. У него втрое меньше шансов поступить в колледж, чем у белого студента. А в дальнейшем у него втрое меньше шансов стать профессионалом своего дела и приобрести собственный дом. Наконец, у него в четыре раза больше шансов остаться безработным, чем у белого человека. Я думаю, мы способны



на лучшее. Я не желаю, чтобы таланты любого американца пропадали впустую!

Я знаю, есть те, кто хочет повесить всю ответственность на правительство. Я абсолютно не согласен с таким подходом. Я хочу, чтобы индивидуумы были в ответе за свои обязанности, а штаты — за свои. Но я думаю также, что существует и национальная ответственность.

За прошедшие 25 лет каждая часть социального законодательства подверглась бурному обсуждению. Однако граждане Соединенных Штатов по отдельности, возможно, никогда бы не развили долину штата Теннесси. Коллективным же трудом они сделали это.

Хлопковый фермер из Джорджии (или арахисовый фермер, или молочный фермер в Висконсине и Миннесоте) не в состоянии защитить себя от гнетущего взаимодействия сил спроса и предложения на рынке, но, работая на базе эффективных правительственных программ, он может сделать это.

Семнадцать миллионов американцев, которым за 65, живут за счет социальных дотаций в размере в среднем 78 долларов в месяц и не способны содержать себя самостоятельно, но они могут содержать себя через систему социального обеспечения.

Я не верю в большое правительство, но я верю в эффективное правительственное действие, и я думаю, что это — единственный путь, пойдя по которому, Соединенные Штаты смогут сохранить свою свободу. Это единственный путь, которым мы должны двигаться вперед. Я думаю, мы можем достигнуть большего. Я думаю, мы оказываемся перед необходимостью работать лучше, если мы собираемся выполнять те обязанности, с которыми столкнули нас обстоятельства и время.

Никто другой не сделает это за нас! Если Соединенные Штаты потерпят неудачу, то и сама свобода потерпит неудачу. И я думаю, все будет зависеть в большей мере именно от того, что мы сделаем здесь, в нашей стране.

Причина того, что Франклин Рузвельт имел добрососедские отношения с Латинской Америкой, состояла в том, что латиноамериканцы чувствовали: американское общество было снова на подъеме. Я хочу, чтобы мы возвратили тот образ США. Я хочу, чтобы латиноамериканцы, африканцы и азиаты снова начали

обращаться именно к Америке, подражали именно нам во всех наших начинаниях, задавались вопросом, что делает Президент Соединенных Штатов, а не Хрущев или китайские коммунисты. Вот в чем обязанность нашего поколения!

В 1933 году Франклин Рузвельт сказал в своей инаугурационной речи, что его поколение американцев имело свидание с судьбой. Я думаю, у нашего поколения такое же свидание. Однако вопрос теперь такой: может ли свобода быть выстояна в случае самого серьезного нападения из тех, что она когда-либо знала? Я думаю, может. И я думаю, наконец, все будет зависеть от того, что мы сделаем здесь. Я думаю, пришло самое время Америке снова начать шевелиться!

*Г-н Смит.* А сейчас вступительное слово вице-президента Ричарда М. Никсона.

*Ричард Никсон.* Г-н Смит, сенатор Кеннеди. Со многим, что сказал только что сенатор Кеннеди, можно согласиться. Нет сомнений, что мы можем обсуждать нашу внутреннюю политику, признавая то, что она во многом опирается на наше международное положение. Нет сомнений, что наша нация не может оставаться в стороне от всего этого, так как сегодня мы находимся в состоянии гонки, исход которой может быть фатальным, — гонки не только с Кремлем, но и с Пекином. Сейчас мы ведем в этом соревновании, что и подразумевал, думаю, сенатор Кеннеди. И когда вы находитесь в состоянии гонки, единственный способ оставаться впереди состоит в том, чтобы продолжать двигаться вперед. Поэтому я полностью согласен с сенатором Кеннеди в этом отношении.

Но с чем, в таком случае, мы не согласны?

Я думаю, наши взгляды расходятся в вопросе о том, каково состояние Америки сейчас. Мы не согласны со многими замечаниями сенатора в отношении США, которые он высказал сегодня и высказывал на протяжении всей своей кампании, — замечаниями о том, что Соединенные Штаты остановили свое развитие.

Мы слышали сегодня вечером, например, заявление о том, что рост нашей экономики и валового продукта был на низшем уровне по сравнению со всеми остальными индустриальными странами мира.

Мы же, говоря о прошедшем году, подразумеваем, конечно, 1958-й. Это был год спада. Но когда мы смотрим на рост ВВП в этом году — году восстановления, — мы находим, что он составляет 6,9% и

является одним из наиболее высоких в мире сегодня. Позже я вернусь к этому вопросу.

Возвращаясь к проблеме того, как Соединенные Штаты должны двигаться вперед и куда они двигаются, я думаю, будет неплохо воспользоваться советом одного известного человека: «Давайте обратимся к отчетам!»

Соединенные Штаты останавливаются?

Верно ли то, что сегодняшняя администрация, как заявлял сенатор Кеннеди, была администрацией отступления, поражения, застоя?

Верно ли то, что в области электроэнергии и во всех других областях, которые он упомянул, мы не продвинулись вперед, чем, несомненно, обеспокоена страна?

Думаю, нам следовало бы сравнить отчеты о росте экономики во время семи лет правления президента Трумэна и семи лет правления Эйзенхауэра.

Когда мы сравниваем эти два отчета в областях, которые сенатор Кеннеди затронул сегодня вечером, думаю, мы находим, что Америка сильно продвинулась вперед.

Возьмем школы. Мы построили больше школ за эти семь лет, чем за предыдущие годы, — столько, сколько до Эйзенхауэра было построено в течение 20 лет.

Возьмем гидроэлектрическую отрасль. За эти семь лет мы так развили эту отрасль, как никогда до этого в истории.

Возьмем больницы. Мы обнаружим, что их также было построено больше, чем при прежней власти. То же самое верно и о дорогах...

Давайте положим это на сроки, и всем все станет очевидно.

Мы часто слышим об уменьшении валового национального продукта, но в этом отношении я позволю себе утверждать, что, когда мы сравниваем рост ВВП при нынешней администрации с ростом во времена предыдущей, то видим, что если тогда за семь лет он составил всего 11%, то сегодня — 19.

Все это — показатели того, что при нынешней власти рост экономики был больший, чем при предыдущей. Но давайте рассмотрим это на примере одной семьи.

Что случилось конкретно с вами?

При Эйзенхауэре ваша заработная плата возросла в пять раз по сравнению с временем правления Трумэна.

А что скажете о налогах, которые вы платите?

При Эйзенхауэре они в пять раз ниже, чем при Трумэне.

Что в результате?

В результате средний доход семьи повысился на 15% при Эйзенхауэре против двух процентов при Трумэне.

Таким образом, это никакая не остановка. Однако каким бы хорошим отчет ни был (и я хотел бы это подчеркнуть), этого все же недостаточно.

Никогда нельзя останавливаться на достигнутом. Отталкиваясь от него, необходимо стремиться к новым вершинам. Верю, в этом и есть весь секрет прогресса.

Мы знаем способ, как достичь прогресса, и, думаю, прежде всего, наш собственный отчет доказывает, что мы знаем и путь.

Сенатор Кеннеди утверждает, что он верит, что знает этот путь.

Я уважаю ту искренность, с которой он делает это предположение, но, с другой стороны, если мы вглядываемся в различные программы, которые он предлагает, они нам кажутся вовсе не новыми. Они кажутся просто возвращением программы трумэнской администрации, ему предшествующей. И я полагаю, в течение вечера он все-таки укажет нам на новые пути, которые помогут нам достичь большего, чем прежде.

Какую программу предлагаем мы?

Мы — за ту программу, которая расширит образовательные возможности, которая даст всем американцам равный шанс на получение образования и всех других вещей, необходимых и дорогих сердцам наших людей.

Мы — за ту программу, кроме того, которая сделает медицинское обслуживание пенсионеров намного лучше того, что мы имеем сейчас.

Здесь, позволю себе заметить, мы с сенатором Кеннеди снова преследуем одну и ту же цель. Мы хотим помочь старикам. Мы хотим видеть, что они имеют действительно адекватное медицинское обслуживание. Весь вопрос в средствах достижения этой цели.

Думаю, средства, которые избрали мы, достигнут ее лучше, нежели средства, избранные им.

Я мог бы привести лучшие примеры, но что бы то ни было — будь то жилье, или здравоохранение, или медицинское обслуживание,

или школы, или развитие электроэнергии, — у нас есть программа, которая, верим, расшевелит Америку, продвинет ее вперед.

Для сравнения программ, я так полагаю, мы обычно предпочитаем сравнивать затраты, нужные для их реализации. Я подсчитал, сколько денег потребуется демократам для проведения своей программы — на 13,2—18 млрд. долларов в год больше, чем мы тратим сейчас.

Республиканцам это также обойдется дороже — на 4—4,9 млрд. долларов в год больше, чем требуется сейчас.

Но разве это значит, что его программа лучше нашей?

Нисколько! Вопрос не в том, насколько больше денег потратит Федеральное правительство. Вопрос в том, чья администрация будет проводить правильные реформы. И в нашем случае, я верю, именно наша программа задействует творческий потенциал 180 млн. американцев.

Я считаю, программа, которую собирается проводить сенатор Кеннеди, задушит весь этот творческий потенциал.

Я считаю, другими словами, что его программы приведут нас к застою, а не прогрессу.

В заключение я хотел бы обратить внимание вот на что. Сенатор Кеннеди заметил в его речах, что мы недостаточно сострадаем бедным, пожилым и другим несчастным людям.

Хотелось бы, чтобы вы понимали в течение этой кампании, что его и мои мотивы искренние. Я знаю, что значит быть бедным. Я знаю, что значит видеть безработных людей.

Я знаю, что сенатор Кеннеди так же глубоко понимает проблемы, как и я. Наши цели одни — средства различны.

*Г-н Смит.* Спасибо, г-н Никсон.

На этом заканчиваются вступительные речи. И теперь кандидаты ответят на вопросы журналистов или прокомментируют ответы друг друга.

Корреспонденты:

*Г-н Ванокер.* Я — Сандер Ванокер, NBC News.

*Г-н Уоррен.* Я — Чарльз Уоррен, Mutual News.

*Г-н Новине.* Я — Стюарт Новине, CBS News.

*Г-н Флеминг.* Боб Флеминг, ABC News.

*Г-н Смит.* И первый вопрос сенатору Кеннеди от г-на Флеминга.

*Г-н Флеминг.* Сенатор, вице-президент в его кампании сказал, что вы наивны и время от времени незрелы. Он поднял вопрос лидерства.

В связи с этим ответьте, пожалуйста, почему, по вашему мнению, люди должны голосовать за вас, а не за вице-президента?

*Г-н Кеннеди.* Вице-президент и я вместе вошли в Конгресс в 1946-м.

Мы оба служили в трудовом комитете. Я состоял там в течение четырнадцати лет, то есть столько же, сколько и он. Так что наш опыт в правительстве сопоставим.

Во-вторых, думаю, нужно задать вопрос: «Какие программы мы собираемся проводить?»

К каким партиям мы принадлежим?

Я из Демократической партии, которая в этом столетии дала Америке Вудро Вильсона, Франклина Рузвельта и Гарри Трумэна и которая всегда поддерживала и вела те программы, о которых я рассказал сегодня вечером.

Г-н Никсон же выходит из Республиканской партии. Он был выдвинут ею. И нельзя отрицать тот факт, что в течение прошлых 25 лет республиканские лидеры выступили против федеральной помощи образованию, медицинского обслуживания пенсионеров, развития штата Теннесси, развития наших природных ресурсов.

Думаю, г-н Никсон достойный лидер его партии, и надеюсь, он сказал обо мне то же самое.

И главный вопрос, стоящий перед нами: какую программу и какую партию мы хотим видеть в качестве лидирующей в Соединенных Штатах?

*Г-н Смит.* Г-н Никсон, хотели бы вы прокомментировать услышанное?

*Г-н Никсон.* У меня нет комментариев.

*Г-н Смит.* Следующий вопрос — г-н Новине.

*Г-н Новине.* Г-н вице-президент, ваша кампания подчеркивает ценность вашего восьмилетнего опыта, и вопрос возникает относительно того, являлись ли вы наблюдателем, участником или инициатором политических действий?

Расскажите, пожалуйста, какие ваши предложения, что вы сделали за прошедшие восемь лет, были приняты администрацией?

*Г-н Никсон.* Было бы достаточно трудно охватить их все в течение всего двух с половиной минут.

Я полагаю, что эти предложения можно просто перечислить.

Прежде всего, после каждой из моих иностранных поездок я давал рекомендации, которые были приняты.

Например, после моей первой поездки за границу я настоятельно рекомендовал, чтобы мы тщательнее развивали наши программы по обмену, поскольку они имели отношение к обмену лидерами в трудовой и в информационной областях.

Я делал и другие рекомендации после каждой из других поездок.

Например, после моей поездки в Венгрию я сделал некоторые рекомендации насчет ситуации с венгерскими беженцами, что было принято и президентом, и Конгрессом, который потом внес некоторые поправки в закон.

В пределах администрации, как председатель президентского комитета по ценовой стабильности и экономическому росту, я также имел возможность давать рекомендации, которые были приняты в пределах администрации и которые, я думаю, были разумно эффективны.

Насколько мне известно, сенатор Кеннеди в его речи в Кливленде вчера предположил, что тот комитет не был особенно эффективен. Я же позволю себе заметить, что с тех пор, как комитет был создан, в пределах Соединенных Штатов цены оставались на должном уровне.

*Г-н Кеннеди.* Мне хотелось бы заметить, что и сейчас, и в своей вступительной речи вы несколько ложно оперировали цифрами, г-н Никсон. Когда вы говорили об администрации Трумэна, вы забыли, что г-н Трумэн пришел к власти в 1945 году — в конце войны, в переходный период, когда возникали вынужденные трудности, с которыми сталкивались Соединенные Штаты, а ценовой контроль был поднят. Так что я считаю достаточно некорректным такое использование статистики, когда сравниваются прошедшие восемь лет и предшествующие им семь лет. Я бы предпочел взять полный статистический отчет прошлых 20 лет правления демократов и восемь лет республиканцев, чтобы показать весь период роста.

Что касается ценовой стабильности, я не уверен, что тот комитет действительно когда-нибудь давал Конгрессу какие-либо рекомендации для изменения законодательства в отношении

управления ценами. Что же до обмена студентами и профсоюзами, как председатель подкомиссии по Африке я считаю, это было одним из самых неудачных наших политических мероприятий в отношении Африки и Латинской Америки. Мы действительно предложили так называемый обмен для студентов Конго. Однако их оказалось немногим больше 300, что, в то же время, превышало число студентов, принятых федеральным правительством в прошлом году.

Так что не думаю, что мы сильно продвинулись в этих двух областях. По крайней мере, мы не двигались с должной энергией.

*Г-н Смит.* Следующий вопрос сенатору Кеннеди от г-на Уоррена.

*Г-н Уоррен.* Сенатор Кеннеди, в течение вашей краткой речи несколько минут назад Вы упоминали проблемы ферм.

*Г-н Кеннеди.* Это так.

*Г-н Уоррен.* Я хотел бы спросить вот что. Я полагаю, это факт, что кандидаты в президенты традиционно дают обещания фермерам. Многие люди, думаю, не понимают, почему правительство платит фермерам и за недостаточное производство зерновых, и за их перепроизводство. В таком случае позвольте мне спросить, сэр: почему фермер не может работать подобно руководителю завода? Если автокомпания перепроизводит некоторые машины, Дядя Сэм не приходит и не скупает излишек. Чем же, в таком случае, лучше фермеры?

*Г-н Кеннеди.* Думаю, потому, что если бы федеральное правительство вышло из программы и перестало ее поддерживать, то, думаю, у нас был бы полный экономический хаос. Фермер сеет весной и собирает урожай осенью. Их сотни тысяч. Фермеры действительно не в состоянии управлять собственным рынком в достаточной степени хорошо. Они выводят свои зерновые культуры или домашний скот на рынок, как правило, одновременно. У них есть лишь несколько покупателей, которые покупают их молоко или свинину, — как правило, несколько больших компаний. Поэтому фермер заключает сделки на рынке неэффективно.

Я думаю, опыт 1920-х годов показал, как свободный рынок может повлиять на сельское хозяйство. И если произойдет сельскохозяйственный крах экономики, то и остальная экономика Соединенных Штатов рано или поздно разрушится.



Фермеры — рынок сбыта номер один для автомобильной промышленности Соединенных Штатов. Автомобильная промышленность — рынок сбыта номер один для стали. Таким образом, если экономический рост фермерского рынка продолжит снижаться так резко, как в последние годы, тогда, я думаю, спаду подвергнутся и другие отрасли экономики.

Так что полагаю, правительство должно вмешиваться в фермерское хозяйство.

Во-вторых, я возражаю против предоставления фермам полной самостоятельности в связи с тем, что нет никакого более эффективного контроля над удержанием спроса и предложения в балансе. Понижение цены предложения для ограничения производства не сработало, и теперь у нас имеются огромные излишки в размере 9 млрд. долларов, высокие фермерские налоги и самые низкие доходы от фермерства за многие годы. Таким образом, думаю, эта политика в отношении фермерства потерпела неудачу. Насколько я могу судить, единственная программа, которая будет работать и которая создаст эффективный баланс спроса и предложения, может быть осуществлена только за счет вмешательства правительства.

Поэтому я думаю, что федеральное правительство после одобрения фермерами их товаров должно попытаться привести спрос и предложение на основные предметы потребления к балансу, и в дальнейшем оно должно эффективно контролировать их производство, чтобы исчез 5—6%-ный профицит, приводящий к 15—20%-ному изменению в цене.

Я думаю, что программа г-на Бенсона потерпела неудачу, и я прочитав речь вице-президента перед фермерами, как и он читал мою, должен сказать, что не считаю ее сильно отличающейся от г-на Бенсона. Не думаю, что это обеспечит эффективный правительственный контроль. Я думаю, что цены предложения привязаны к среднерыночной цене прошлых трех лет, что соответствует теории Бенсона. Поэтому я не верю, что это будет сильно разниться с прошлым, а значит, и вряд ли принесет успех в будущем.

*Г-н Смит.* Г-н Никсон, прокомментируете сказанное?

*Г-н Никсон.* Я, конечно, не согласен с сенатором Кеннеди по поводу его предложения относительно ферм.

Он предположил, что нам необходимо двигаться в этом отношении в направлении правительственного контроля, что означало бы также взлет цен, которые и так высоки для потребителей.

Я считаю, что это ложное направление. Не думаю, что это сработало в прошлом; не думаю, что это будет работать в будущем.

Программа, которую проводил бы я, отличается от существующей программы в этом отношении. Она подразумевает, что правительство ответит за то, чтобы вытащить фермеров из нужды, в которой они сейчас находятся по вине правительства же (это главная причина, по которой мы не можем позволить фермеру остаться одному). Фермерство создало профицит урожая, поскольку правительство потребовало этого от него посредством закона, принятого во время войны.

Теперь же, когда оказалось много лишнего урожая, именно на нас лежит ответственность избавить фермера от этих излишков. Пока же мы не снимем этот тяжкий груз со спины фермера, необходимо действовать согласно программе (вроде той, о которой говорил я), которая поможет фермеру не быть в убытке. Но я предложил бы поддерживать фермеров не через такую программу, что предложил сенатор Кеннеди, который поднял бы цены, но через такую программу, что возместила бы фермеру убытки, заплатила бы ему столько, сколько он получил бы за свой излишек.

*Г-н Смит.* Следующий вопрос вице-президенту Никсону от г-на Ванокера.

*Г-н Ванокер.* Г-н вице-президент, с тех пор как г-ном Новинсом был задан вопрос об исполнительном лидерстве, я хотел бы продолжить эту тему.

Многочисленные республиканские слоганы (мы видим их на баннерах по всей стране) гласят, что надо учитывать опыт (это написано под изображениями непосредственно вас, сэр), подразумевая, что у вас было больше правительственного исполнительного опыта принятия решений, чем у вашего оппонента.

На пресс-конференции 24 августа Президента Эйзенхауэра попросили привести пример главной вашей идеи, которую он принял. Его ответ был (цитирую): «Если вы дадите мне неделю, я назову. Я не помню».

С тех пор прошел месяц, но президент так и не вернулся к этому вопросу. И теперь я задаюсь вопросом, сэр, чья версия правильной: ваших республиканских коллег или же Президента Эйзенхауэра?

*Г-н Никсон.* Зная президента, г-н Ванокер, полагаю, что с его стороны имела место остроумная шутка. Кроме того, полагаю, было бы неправильно для президента Соединенных Штатов раскрывать случаи, в которых члены его партии давали рекомендации, поскольку я давал их в течение многих лет и он их принимал или отклонял.

Президент всегда утверждал, и весьма четко, что он имеет право сам решать, принимать или не принимать совет, не раскрывая источник никому, включая и представителей Конгресса.

Я могу сказать сейчас только следующее: в течение многих лет я состоял в Совете национальной безопасности. Я был в Кабинете. Я встречался с законодательными лидерами. Я встречался с президентом, когда он принимал сложные решения в отношении Ливана.

Президент спрашивал моего совета, я давал его. Иногда мой совет был реализован, иногда нет. Я не заявляю, что сам принимал решения. Напротив, я считаю, никакой президент не должен когда-либо позволить кому-либо еще принимать ключевые решения. Только он должен делать это. У советников одна обязанность — совещательная, и то, когда их об этом просят. Что касается моего опыта в качестве политического исполнителя, не мне оценивать его объемы.

Я могу лишь добавить: мой опыт оценят люди, так же как и опыт сенатора Кеннеди оценят люди.

Как только президент указал нам на Конгресс, мы стали его членами. Наш опыт отличается лишь тем, что я работал в качестве исполнителя, он — в качестве законодателя.

И вот, люди теперь имеют возможность сравнить его опыт с моим. И уверен, он, так же как и я, будет готов согласиться с тем, что решит народ, независимо от его решения.

*Г-н Смит.* Сенатор Кеннеди?

*Г-н Кеннеди.* Да, я лишь только скажу, что вопрос действительно не только в опыте, но и в том, как оценит нас будущее, и в том, каких целей мы достигнем для США, да и будем ли мы вообще способны их достигнуть.

Авраам Линкольн стал Президентом в 1860 году. Будучи побежденным на выборах в Сенат в 1858-м, он вскоре стал выдающимся президентом. Определенной дороги к президентству не существует. Нет никаких гарантий, что, если вы выберете одну дорогу или другую, вы станете успешным Президентом.

Я состоял в Конгрессе в течение 14 лет. Я голосовал за прошлые восемь лет, и вице-президент осуществлял контроль над Сенатом и выполнял свои другие обязанности; я вынес решения более чем по 800 вопросам, в том числе будучи членом Сенатской комиссии по иностранным делам, по вопросам, которые затрагивают не только внутреннюю безопасность Соединенных Штатов, но и нашу внешнюю политику.

Вопрос на самом деле таков: какой кандидат и какая партия сможет решить проблемы, которые возникнут перед Соединенными Штатами в 1960-х?

*Г-н Смит.* Следующий вопрос сенатору Кеннеди от г-на Новинса.

*Г-н Новине.* Сенатор Кеннеди, в связи с теми проблемами будущего, о которых вы говорите, и программой, что вы излагали ранее в вашей речи, вы призываете к расширению некоторых из программ социального обеспечения, например школ, увеличению жалования преподавателей, улучшению медицинского обслуживания и так далее, но вы одновременно призываете и к сокращению федерального долга. Отсюда я задаюсь вопросом, если бы вы стали президентом в январе, где бы вы нашли деньги на все это?

*Г-н Кеннеди.* Я не говорил об этом! Я не говорил о сокращении федерального долга, потому что, вы и сами понимаете, просто нереально сократить его в 1961 году в 2-3 раза.

Я думаю, у нас есть обязательства перед страной в сфере безопасности в связи с проблемами, с которыми мы вынуждены сталкиваться в этом отношении. И поэтому я никогда не предлагал существенно уменьшить долг в 1961 году в 2 или...

*Г-н Новине.* Сенатор, я основываюсь на одной из ваших же речей...

*Г-н Кеннеди.* Нет, я такого никогда...

*Г-н Новине (продолжая)* ...Вы предположили, что сокращение процентной ставки поможет привести к сокращению федерального долга и...

*Г-н Кеннеди.* Нет, нет. Ни сокращение процента, ни сокращение процентной ставки...

Насколько я могу судить, трудности с деньгами — результат напряженной денежной политики государства. Финансовая политика нынешних властей содействовала замедлению развития нашей экономики, из-за чего спад 1958 года превысил даже спад 1954-го и замедлил нашу экономическую активность в 1960-м.

Однако о чем я говорил, так это о том, что те программы, о которых я вел речь, насколько я могу судить, совершенно оправданы в финансовом отношении. Медицинское обслуживание пожилых людей я поместил бы под программу социального обеспечения. Вице-президент и я расходимся во мнениях на этот счет. Программа Явите—Никсон, или Никсон—Явите, потребует 600 млн. долларов от правительства и столько же от штатов. Программа же, которую защищаю я и которая провалилась в сенате из-за пяти голосов, обеспечила бы медицинское обслуживание пенсионеров через программы социального обеспечения и оплачивалась бы через эту систему, а также через социальный налог.

Во-вторых, я поддерживаю федеральную помощь образованию и подкрепление зарплат преподавателей из федерального бюджета. Думаю, это — хорошие инвестиции. Я считаю, нам необходимо сделать это. И я думаю, из-за непосильного для многих бремени налога на собственность большинство из наших детей будут малообразованны, а преподаватели получают недостаточное вознаграждение за их труды.

Нет большего дара экономике и обществу, чем первоклассная образовательная система.

Я верю, что мы сможем построить сбалансированный бюджет и лишь серьезный кризис или спад смогут нарушить это равновесие. Как-то на встрече г-на Никсона с г-ном Рокфеллером по вопросам экономического роста Рокфеллер заметил, что пятипроцентный экономический рост принес бы к 1962 году налоговый доход в бюджет в размере 10 миллиардов долларов. Как бы там ни было, уверен, мы сможем финансировать необходимые программы в пределах сбалансированного бюджета, если бизнес в стране останется на должном уровне.

*Г-н Смит.* Г-н Никсон, ваш комментарий?

*Г-н Никсон.* Да. Я думаю, г-н Новине обращался не к одной из речей сенатора Кеннеди, но ко всей демократической платформе, которая действительно собиралась сократить национальный долг.

Я думаю также, и хочу подчеркнуть это особо, что в принципе невозможно, как того желает сенатор Кеннеди, в короткий срок сократить национальный долг или уменьшать налоги. Фактически необходимо, наоборот, поднять налоги.

Сенатор Кеннеди указывает на то, что можно было бы проводить медицинское обслуживание пенсионеров за счет социального обеспечения. Однако в таком случае поднимутся налоги для тех, кто платит за социальную безопасность.

Итак, что касается сделанных сенатором Кеннеди предложений, я думаю, будет два варианта развития событий: или необходимо будет все-таки поднять налоги, или же бюджет так и не достигнет равновесия. А отсутствие баланса означает инфляцию, которая, естественно, нанесет жесткий удар по тем самым пенсионерам, о которых мы говорили выше.

Что до поддержки школ, я одобряю это, как одобрил и сенатор Кеннеди в январе этого года, сказав, что строительство новых школ возымеет больший эффект, чем прибавка к жалованью преподавателям. Я одобряю это, так как считаю это наилучшим способом реально помочь школам. При этом мы избежим контроля (влияния) федерального правительства за учителями.

*Г-н Смит.* Следующий вопрос вице-президенту Никсону от г-на Уоррена.

*Г-н Уоррен.* Г-н вице-президент, вы упоминали школы. Думаю, буквально вчера вы говорили о безнадежной программе поднятия образовательных стандартов. И вот сегодня вы уже рассуждаете о преимуществах образования.

Г-н вице-президент, вы также говорили в 1957 году, что жалованья школьных учителей были не чем иным, как национальным позором. Вы требовали повысить их зарплату, добавляя, что, если ситуация не изменится, все это может привести к национальному бедствию.

И все же вы отказались утверждать в Сенате закон об увеличении зарплаты учителей, будто боясь ответом «да» скомпрометировать себя. Что вы скажете на этот счет, сэр?

*Г-н Никсон.* Я ужасно рад, что вы задали этот вопрос, потому что, как вы знаете, я как раз только что ответил на него, отвечая на предыдущий вопрос, но, как видно, не смог закончить мысль. [Смех.]

Думаю, причина того, что я голосовал против назначения федеральным правительством большего жалования преподавателям, такая же, как и у сенатора Кеннеди, когда он в январе этого года на своей пресс-конференции заявил, что хотя он и ратовал за строительство новых школ, но он сомневался в необходимости увеличения зарплаты учителям. По крайней мере, так я понял его слова.

Теперь же сенатор Кеннеди вдруг стал выступать за увеличение федеральным правительством жалования преподавателям. Почему сенатор Кеннеди все-таки переменял свою позицию по данной проблеме? Почему я делаю это сейчас? Потому что я за высокое жалование учителей, но против зависимости нашего образования от федерального контроля.

Если федеральное правительство получит власть платить преподавателям, оно также неизбежно, по моему мнению, получит власть устанавливать образовательные стандарты и сможет диктовать, что можно преподавать, а что — нет. Полагаю, это было бы плохо для страны; полагаю также, это было бы плохо для учителей.

Мы можем поступить по-другому. Мы можем увеличить жалование преподавателей другим способом. Как высказался сенатор Кеннеди на той же пресс-конференции в январе, чтобы обеспечить повышение зарплат учителям, необходимо поддерживать строительство школ. В итоге, все местные школы сохраняют часть денег, которые и смогут потратить на увеличение жалования преподавателям.

Я должен также подчеркнуть следующее: как только ответственность о зарплате учителям возьмет на себя федеральное правительство, местные организации и руководство штата тотчас же перестанут этим заниматься. Другими словами, я считаю, что отвечать за это должны все-таки местные власти. Зарплаты учителям за прошедшие восемь лет повысились, однако, на 50%. Но этого все равно недостаточно. Необходимо делать больше. Но я не верю, что нет иного способа достичь этого, кроме как перепоручить ответственность за зарплату учителей федеральному правительству с его массивной программой.

Я возражаю тут не из соображения денег. Я возражаю против контроля федерального правительства за образованием и, в конечном счете, за свободой американцев, так как в контроле над образованием во многом заключается и сила правительства.

*Г-н Смит.* Комментарий сенатора Кеннеди.

*Г-н Кеннеди.* Вице-президент цитирует мои слова, произнесенные в январе 1960-го, и я правда не считал разумными выплаты жалованья преподавателям из федерального бюджета. Но в феврале в Сенате обсуждался другой вопрос.

Вопрос обсуждался такой: деньги будут отдаваться в штаты, которые сами определяют, на что их тратить — на строительство новых школ или на выплату жалованья учителям.

В этом вопросе наши с вице-президентом мнения разошлись. Я голосовал в пользу этого предложения (и в дальнейшем поддержал его настоятельно), потому что думаю, что это обеспечило материальную помощь нашим преподавателям безо всякого федерального контроля. Г-н Никсон же считал иначе. И именно из-за его голоса мое предложение проиграло<sup>[3]</sup>.

Я не хочу, чтобы федеральное правительство выплачивало жалованье преподавателям непосредственно; но если деньги будут идти в штаты и сами штаты смогут определить, пойдут ли они на строительство школ или на материальную поддержку учителей, по моему мнению, будет обеспечена защита и местным властям, и школьным комитетам. Отсюда следует, что мое предложение базируется на здравом смысле, и именно поэтому я так старался пролоббировать его в Сенате. Очень жаль, что не получилось.

Во-вторых, были сделаны заявления, что демократическая платформа потребует огромных средств из бюджета и что я якобы буду ратовать за его дисбаланс.

Это абсолютно неверно, полностью ошибочно.

Я не высказываю вам здесь свою личную точку зрения. Все очевидно из отчетов.

Моя точка зрения — можно провести все эти программы, о которых мы только что говорили, но растянув их во времени. Тогда мы останемся в пределах сбалансированного бюджета, а наша экономика продвинется вперед.



*Г-н Смит.* Следующий вопрос сенатору Кеннеди от г-на Ванокера.

*Г-н Ванокер.* Сенатор, вы обещали избирателям, что, если станете президентом, вы будете стараться протолкнуть в Конгрессе законопроекты о медицинской помощи пенсионерам, введении повсеместно минимального размера оплаты труда, федеральной помощи образованию.

Теперь, на августовской сессии в Конгрессе — когда вы, по крайней мере, рассматривали возможность того, что станете президентом, и когда, в частности, у вас было подавляющее большинство в Сенате — вы все равно не смогли сдвинуть эти законопроекты с мертвой точки.

Как же вы теперь можете быть уверены в том, что будете способны протолкнуть их в январе...

*Г-н Кеннеди.* Давайте рассмотрим законопроекты...

*Г-н Ванокер (продолжает)* ...Если вы не были способны сделать это в августе?

*Г-н Кеннеди.* Давайте возьмем законопроекты.

Во-первых, мы действительно продвигали в Сенате закон, обеспечивающий минимальную зарплату в размере 1,25 доллара в час. Он потерпел неудачу, потому что его не поддержал парламент и 11 голосов. На самом деле две трети республиканцев в парламенте голосовали против минимальной заработной платы в размере доллара и двадцати пяти центов, но большинство демократов поддержало закон. Почти две трети из них голосовало за доллар двадцать пять. Однако нам угрожало бы вето, если бы мы все-таки установили такой минимальный размер оплаты труда.

Чрезвычайно трудно продвинуть какой-либо законопроект, когда ему противостоит такой человек как президент, имеющий огромную власть.

Президенту требовалась лишь поддержка его вето на любой закон одной третью голосов или в Сенате, или в парламенте.

Во-вторых, мы и правда пытались продвинуть закон «О федеральной помощи образованию» в Сенате. Но он также потерпел неудачу, провалился из-за Палаты представителей. Закон был задушен и Правовым комитетом. И это факт, что во время августовской сессии четверо членов комитета от Республиканской партии объединились с

двумя демократами и не дали возможности закону «О федеральной помощи образованию» даже пройти в парламент.

Четыре демократа голосовали за это. Каждый республиканец в Правовом комитете голосовал против посылки того законопроекта в Палату представителей.

В-третьих, что касается медобслуживания пенсионеров, здесь была та же самая борьба, которая продолжалась в течение 25 лет в секторе социального обеспечения.

Мы хотели связать это с социальным обеспечением. Мы предложили поправку, чтобы сделать так. 44 демократа голосовали за; 1 республиканец голосовал за! Но мы сразу были информированы о том, что если закон будет нами одобрен, сам Президент Соединенных Штатов наложит на него вето.

В моем представлении, энергичный президент-демократ, поддержанный демократическим большинством в парламенте и Сенате, способен провести все эти программы в жизнь. Но если вы — демократическое большинство при республиканском президенте, то угроза вето постоянно висит над вами. Если все так и останется, нас ждет такое же столкновение сторон и отсюда бездействие, как во время августовской сессии.

*Г-н Смит.* Г-н Никсон, комментарий?

*Г-н Никсон.* Думаю, очевидно, что мои взгляды несколько другие.

Я хотел бы добавить, что, когда сенатор Кеннеди апеллирует к Правовому комитету, он упускает деталь, что там вообще-то восемь демократов и всего четыре республиканца. И снова я сказал бы, что как-то нелогично винить этих четырех республиканцев, когда, даже будучи в большинстве, демократы не могут пролоббировать что-то через этот комитет.

Я сказал бы далее, что обвинение президента в его власти наложить вето из-за неспособности сенатора и его коллег реально действовать во время специальных сессий даже не стоит комментировать.

Когда президент использует свое право вето, он должен иметь сторонников не только среди трети Конгресса, но и среди обычных людей. Поэтому давайте рассмотрим следующее.

Если большинство членов Конгресса чувствовало, что эти специфические предложения могли бы разрешить некоторые

проблемы, почему же тогда это самое большинство — представленное демократами, — почему же они не принимали те законы, а оставляли решение их судьбы за президентом, который и накладывал вето?

Причина, по которой эти упомянутые конкретные законы не прошли, не в том, что президент был против них, а в том, что народ был против них. Потому что они были чересчур экстремальные; и я убежден, что те альтернативные пути решения проблем в области здравоохранения, в области образования и в области благосостояния, которые предлагаю я вместе с республиканцами, пройдут в Конгрессе, так как они не такие экстремальные и не будут стоить американцам денег или свободы.

*Г-н Смит.* Следующий вопрос вице-президенту Никсону от г-на Флеминга.

*Г-н Флеминг.* Г-н вице-президент, а как вы считаете, сможете ли вы лучше работать с демократическим большинством в парламенте и Сенате, чем это делал сенатор Кеннеди?

*Г-н Никсон.* Я бы вот что сказал: мы, конечно, ожидаем обеспечить себе еще несколько мест и в парламенте, и в Сенате.

Мы надеемся контролировать парламент, получив на грядущих выборах большинство мест в нем, однако мы, конечно, понимаем, что не сможем управлять Сенатом.

Я сказал бы, что президент способен править! Президент способен провести свою программу в жизнь, если он будет обладать поддержкой страны, поддержкой людей.

Иногда мы ошибочно считаем, что проведение тех или иных законов в Сенате или парламенте зависит лишь от законодательного большинства и всего в этом роде.

На самом деле все не так. Всякий раз, когда большинство людей за программу, парламент и Сенат вторят этому. И не важно, будет ли парламент или Сенат демократическим или республиканским! Если страна голосует за кандидата в президенты и за те предложения, что он делает, я полагаю, вы обнаружите, что даже президент-республиканец (как в моем случае) сумеет провести свою программу через Конгресс.

Теперь я также хотел бы сказать, что, какими бы ни были предложения сенатора Кеннеди, проблема не в том, что президент может наложить вето. Проблема в доверии людей к этим предложениям. И вы должны всегда помнить, что президент не может

ничего остановить, если он не будет иметь людей позади него. И причина того, что вето Президента Эйзенхауэра были поддержаны, а Конгресс старался не посылать к нему те законопроекты, на которые вето было как бы наложено априори, в том, что люди и Конгресс, большинство из них, знали, что страна поддерживает президента.

*Г-н Смит.* Сенатор Кеннеди?

*Г-н Кеннеди.* Хорошо, давайте в таком случае получше рассмотрим те законопроекты, которые вице-президент посчитал «чересчур экстремальными».

Один касался одного доллара и двадцати пяти центов в час для тех, кто работает на компании, имеющие миллион долларов прибыли в год. Я совершенно не считаю этот закон чересчур экстремальным. И все же почти две трети к трем четвертям республиканцев в Палате представителей голосовали против этого предложения.

Второй законопроект был посвящен федеральной помощи образованию. Из-за провала закона о зарплате учителям можно предположить, что он попросту не учитывал потребностей людей. Дело в том, что это был закон, который был значительно меньше того, который вы, г-н Никсон, нам сегодня рекомендовали.

Это не был экстремальный законопроект, и все же мы не смогли заставить ни одного республиканца поддержать его; по крайней мере, я думаю, четверо из восьми демократов голосовали за то, чтобы послать его в парламент. Ни одного республиканца! Они все присоединились к демократам, которые были против.

Я не говорю, что демократы объединены в их поддержке программы, но я действительно говорю, что большинство из них все-таки объединено. Но я говорю о том, что большинство республиканцев настроено противоположным образом.

Третьим законопроектом было медицинское обслуживание для пенсионеров, которое мы хотели связать с социальным обеспечением, так как, будучи финансируемым из фондов социального обеспечения, медицинское обслуживание не развивало бы дефицит казны.

Предложение же, продвинутое вами и г-ном Явитсом, стоило бы 600 млн. долларов. Г-н Рокфеллер отклонил ваше предложение в Нью-Йорке; он сказал, что он в корне не согласен с принципом такого финансирования; сказал, что оно должно основываться на социальном обеспечении.

Так что все эти три программы весьма умеренные. Я думаю, просто все это показывает различие между нашими двумя партиями.

*Г-н Смит.* Вопрос г-на Уоррена к сенатору Кеннеди.

*Г-н Уоррен.* Сенатор Кеннеди, к другой теме.

Коммунизм часто описывается как идеология или вера, которая существует где-нибудь в другом месте, но не в Соединенных Штатах. Позвольте мне спросить вас, сэр: насколько все-таки сегодня серьезную угрозу для нашей национальной безопасности представляют коммунистические подрывные действия в Соединенных Штатах?

*Г-н Кеннеди.* Думаю, они вполне серьезны. Я считаю, к этому вопросу мы должны подходить с большим вниманием и осторожностью.

Мы должны поддержать все те законы, которые Соединенные Штаты проводят, чтобы защитить нас от... м-м-м-м... тех, кто был бы рад уничтожить нас изнутри.

Мы должны поддерживать министерство юстиции и ФБР в их усилиях, и мы всегда должны быть начеку.

Я думаю, являясь государством, поддерживающим сильное общество, Соединенные Штаты могут сразиться с любой внутренней угрозой. Но самая главная угроза — внешняя, и она все еще существует.

*Г-н Смит.* Г-н Никсон, прокомментируете?

*Г-н Никсон.* По большому счету, я согласен с оценкой сенатора Кеннеди в этом отношении.

Вопрос коммунизма в пределах Соединенных Штатов волновал нас в прошлом. Но он также будет проблемой и в течение многих последующих лет.

Мы должны помнить, что «холодная война», которую г-н Хрущев и его коллеги ведут, распространилась на весь мир. Она прямо здесь, в Соединенных Штатах.

Именно поэтому мы должны продолжить всегда быть начеку.

Но мы также должны быть и справедливы. Справедливы потому, что, будучи справедливыми, мы поддерживаем те самые свободы, которые коммунисты хотели бы уничтожить.

Мы поддерживаем стандарты поведения, которые они никогда не примут. И в этой связи, я думаю, мы должны смотреть в будущее, имея

в виду тот факт, что мы боремся с коммунизмом дома не только согласно нашим законам, которые направлены против коммунистов (то есть против тех немногих, кто действительно становится ими или сочувствующими), но мы также боремся с коммунизмом, восставая против той повсеместной несправедливости, которая существует в нашем обществе, так как на ней кормятся коммунисты. И в этой связи я снова сказал бы, что, в то время как сенатор Кеннеди говорит, что мы — статус-кво, я действительно полагаю, что он согласится с тем, что я так же искренне верю в улучшения в области федеральной помощи образованию и здравоохранению, как и он.

Опять же, вопрос не в целях. Мы оба преследуем одни и те же цели. Вопрос в средствах.

*Г-н Смит.* Вопрос г-на Ванокера к вице-президенту Никсону.

*Г-н Ванокер.* Г-н вице-президент, в одном из ваших более ранних заявлений вы сказали, что мы продвинулись вперед, мы построили больше школ, мы открыли больше больниц.

Теперь, сэр, не правда ли то, что все эти строительства производятся за счет местного финансирования?

Вы утверждали, что администрация Эйзенхауэра была ответственна за строительство этих школ или же все-таки его проводили местные власти?

*Г-н Никсон.* Вовсе нет. Фактически ваш вопрос побудил меня акцентировать внимание на том, на чем я и сам хотел остановиться. Слишком часто при оценке того, движемся ли мы вперед или нет, мы обращаемся лишь к федеральному правительству — к тому, что оно делает.

Сегодня действия федерального правительства не являются показателями движения Америки. Необходимо рассматривать действия и федерального правительства, и правительства Штатов, и местных властей, и, более всего, индивидуальных предпринимателей. И лишь тогда мы сможем оценить, движется Америка или нет.

Например, наш валовой национальный продукт составляет приблизительно 500 миллиардов долларов. Примерно 100-125 млрд. долларов из них — результат деятельности правительства. А 400 млрд. мы получили благодаря деятельности индивидуальных предпринимателей.

И если говорить о причинах того, что Америка продвинулась вперед в своем развитии при Эйзенхауэре, то, думаю, мы построили столько школ, больниц и шоссе именно благодаря поощрению администрацией Эйзенхауэра индивидуальных предпринимателей. В итоге мы получили наибольшее расширение частного сектора экономики, какое было засвидетельствовано за этот восьмилетний период. И это рост. Это именно тот рост, который нам нужен. Это тот рост, который нынешняя власть поддерживала и всячески старалась стимулировать.

*Г-н Смит.* Сенатор Кеннеди?

*Г-н Кеннеди.* Я думаю, мы живем в богатой стране. Я думаю, мы живем в сильной стране. И я думаю, что главное, что нам необходимо сделать сейчас, — это выбрать достойного президента, выбрать достойную власть, если мы собираемся сохранить наше образование, наш экономический рост и развитие наших природных богатств.

Советский Союз имеет огромную прибыль. Недостаточно сравнивать то, что, возможно, было сделано 8, или 10, или 15, или 20 лет назад. Я хочу сравнить то, что мы делаем, с тем, что делают наши противники, для того чтобы к 1970 году Соединенные Штаты были впереди и в области образования, и в области здравоохранения, и в области строительства, и, конечно, в экономической сфере.

Я думаю, что это наша приоритетная задача и основная функция федерального правительства.

*Г-н Смит.* Полагаю, пришло время для финальных речей.

Мы закончили с вопросами и комментариями. Теперь время подытожить сказанное.

*Голос.* На это каждому кандидату отводится по три минуты двадцать секунд.

*Г-н Смит.* Три минуты и двадцать секунд для каждого кандидата. Вице-президент Никсон, вы готовы произнести первую заключительную речь?

*Г-н Никсон.* Спасибо, г-н Смит.

Сенатор Кеннеди, прежде всего, я думаю, надо показать, где мы на самом деле стоим в развитии, при всем уважении к Советскому Союзу с его быстрым экономическим ростом.

Действительно, Советский Союз двигался быстрее, чем мы. Но причина этого очевидна. Они начинали движение с намного более

низкой ступени, нежели мы.

Хотя их рост и был быстрее, тем не менее сегодня их ВВП всего лишь 44%. У нас такие показатели были аж 20 лет назад! И, видя этот большой разрыв, можно с уверенностью сказать, что мы сейчас явно продвинулись дальше по сравнению с двадцатилетней давностью. Но разве это причина для самодовольства?

Вовсе нет, поскольку они просто фанатики. Мы же должны выжать все, что можно, из нашей экономики.

Я полностью согласен с сенатором Кеннеди в этом отношении.

Где мы не расходимся во мнениях, так это в средствах, которые мы готовы использовать для того, чтобы стать страной с наиболее развитой экономикой в мире.

Я с уважением утверждаю, что сенатор Кеннеди слишком часто полагался бы на федеральное правительство в решении вопросов, стимулирующих наш рост.

Я полагаю, что, когда мы исследуем демократическую платформу, когда мы исследуем предложения, которые он сделал сегодня, когда мы сравним их с предложениями, которые сделал я, то поймем, что эти предложения, сделанные им, не кончились бы большим ростом для нашей экономики, в отличие от программ, которые защищал я.

Есть еще много пунктов из его программы, которые я бы с удовольствием прокомментировал, но поговорим хотя бы о здравоохранении.

Наша программа здравоохранения, та, которую поддержали сенатор Джавитс и другие республиканские сенаторы, обеспечивает всех людей старше 65 лет медицинской страховкой, если они этого захотят. Она предоставит возможность пенсионерам самим выбирать страховую компанию — частную или государственную, но не заставит их непременно сделать это, если они не захотят.

Его программа, зависящая от социального обеспечения, требовала бы от всех людей, имеющих социальное обеспечение, получить и государственную страховку. А те слои населения, которые не охвачены социальным обеспечением, не вошли бы в эту программу вообще.

Вот как минимум одна сфера, где, я думаю, наша программа будет действовать лучше, чем его.

Другая вещь, которую бы я непременно сделал, — это понизил бы цены на рынке. Думаю, это поймут люди, жившие при администрации



Трумэна, когда правительство тратило много больше, чем получало.

Сбережения целого поколения были съедены инфляцией. Люди, которые могут себе позволить меньше всего: люди с низкими доходами, люди с фиксированными доходами, — все они будут неспособны погасить счета в конце месяца.

Естественно, тот, кто станет президентом, будет стоять за всякую программу, которая будет означать рост, и я стою за программы, которые принесут рост экономике и прогресс.

Но также естественно, что он не позволит тратить доллары менее эффективно, чем они могут быть потрачены.

*Г-н Смит.* Сенатор Кеннеди, ваше заключение?

*Г-н Кеннеди.* Г-н Никсон только что отметил, что советское производство составляет лишь 44% от нашего. Я же должен сказать, что эти 44% и эта советская страна могут принести нам большие неприятности сегодня же вечером. Я хочу быть уверенным, что эти 44% так ими и останутся. Я не желал бы видеть тот день, когда отношение будет составлять уже наших 60% против их 70, 75, 80 или 90%, когда они пустят в ход всю свою силу и мощь, какую только можно, чтобы уничтожить нас.

Во-вторых, вице-президент упоминал медицинское обслуживание для пенсионеров. Наша программа была поправкой к законопроекту Керра. Керр утвердил обеспечить помощью всех тех, кто не был на социальном обеспечении. Я думаю, это — очень понятный контраст.

В 1935 году, когда Акт социального обеспечения был написан, 94 из 95 республиканцев голосовали против него. И г-н Ландон поспешил в 1936 году аннулировать это.

В августе 1960 года мы пробовали провести его снова, но и на сей раз мы получили поддержку лишь одного республиканца в Сенате.

В-третьих, я думаю о решении вопроса прежде, чем американцы только начнут делать это. И поскольку мы смотрим на одну и ту же страну, поскольку мы одинаково видим мир вокруг нас, наши цели совпадают с целями всех американцев. Вопрос в средствах к достижению этих целей. Средства спорные.

Если вас удовлетворяет все, что сделано на сегодня, если вы думаете, что относительная мощь, и престиж, и сила Соединенных Штатов увеличиваются соразмерно коммунистической мощи и силе, что мы в достаточной безопасности, что мы как нация, достигаем

всего, чего мы должны достигнуть, что мы достигли лучшей жизни для наших граждан и могучей силы, тогда согласен — голосуйте за г-на Никсона.

Но если вы чувствуете, что мы должны двигаться дальше в шестидесятых, что задача президента — указать людям на то, что надо сделать еще, как Франклин Рузвельт сделал в тридцатых, поставить вопрос о том, что мы должны сделать как общество, чтобы удовлетворить наши потребности в этой стране, защитить нашу безопасность и обеспечить свободу, как я говорил в начале, то вопрос перед всеми нами — и республиканцами, и демократами стоит так: будет ли наше следующее поколение свободным, или же оно будет под игом коммунизма? И в этом кроется большая проблема.

И если мы выполним наши обязанности, то, я думаю, свобода победит. Если же мы потерпим неудачу, если мы будем не в состоянии двигаться вперед, если мы будем не в состоянии развить необходимые вооруженные силы, экономическую и социальную силу здесь, в этой стране, то, полагаю, все это обернется против нас. Я не хочу, чтобы историки спустя десять лет говорили, что наши годы были годами, когда закончилась эра Соединенных Штатов. Я хочу, чтобы они говорили, что это были годы подъема Соединенных Штатов, когда Соединенные Штаты начали двигаться снова. Вот главный вопрос, стоящий перед американцами. И только вам решать, что предпочесть, только вам решать, чем станет эта страна в будущем, только вам решать, что делать в будущем.

Я думаю, что мы готовы идти вперед. И именно к этой великой цели, если мы успешны, мы и должны обратиться.

*Г-н Смит.* Большое спасибо, господа.

Этот час пролетел слишком быстро. Большое спасибо вам за разрешение представить следующего президента Соединенных Штатов в нашей уникальной программе.

Кандидаты попросили меня поблагодарить американские телевизионные сети и присоединенные станции за то, что они предоставили время и деньги для сегодняшних теледебатов.

Информация о следующих дебатах будет объявлена позже. Это Говард К. Смит. Доброй ночи из Чикаго.

Перевод *Юлии Кузнецовой*

# Мартин Лютер Кинг

## У меня есть мечта<sup>[4]</sup>

Пятьдесят лет назад великий американец, под чьей символической сенью мы сегодня собрались, подписал Прокламацию об освобождении негров. Этот важный документ стал ярким лучом света надежды для миллионов темнокожих рабов, опаленных пламенем существующей несправедливости. Он стал радостным рассветом, завершившим долгую ночь пленения.

Но спустя столетие мы вынуждены признать трагический факт, что негр все еще не свободен. Спустя столетие жизнь негра, к сожалению, по-прежнему калечится кандалами сегрегации<sup>[5]</sup> и оковами дискриминации. Спустя столетие негр живет на пустынном острове бедности посреди огромного океана материального благополучия. Спустя столетие негр по-прежнему томится на дне американского общества и остается изгнанником на своей собственной земле. Поэтому мы сегодня сюда и пришли, чтобы обнажить всю правду бедственного положения.

В некотором смысле мы прибыли в столицу нашего государства, чтобы получить наличные по чеку. Когда законодатели нашей республики писали прекрасные слова Конституции и Декларации независимости, они подписывали тем самым многообещающий вексель, по которому каждый американец становился наследником. Согласно этому векселю, всем людям гарантировались неотъемлемые права на жизнь, свободу и равенство.

Сегодня стало очевидно, что Америка оказалась не в состоянии выполнить свои обязательства, чем и беспокоила своих цветных граждан. Вместо того чтобы выплатить этот святой долг, Америка выдала негритянскому народу фальшивый чек, который вернулся с пометкой «недостаток средств на счете». Но мы отказываемся верить, что банк правосудия разорился. Мы отказываемся верить, что в огромных хранилищах возможностей нашего государства не хватает средств. И мы пришли, чтобы получить по этому чеку — чеку, по которому нам будут выданы гарантии свободы и справедливости. Мы

прибыли сюда, в это священное место, также для того, чтобы напомнить Америке о безотлагательности выдвинутых нами требований сегодняшнего дня. Сейчас не время довольствоваться незначительными мерами или занимать стратегию поэтапного достижения желаемого результата. Настало время выйти из подземелья сегрегации и вступить на залитый солнцем путь расовой справедливости. Настало время открыть двери возможностей всем Божьим детям. Настало время вывести нашу нацию из зыбучих песков расовой несправедливости к твердой скале братства.

Для нашего государства было бы смертельно опасно проигнорировать особую важность данного момента и недооценить решимость негров. Знойное лето законного недовольства негров не закончится, пока не настанет бодрящая осень свободы и равенства. 1963 год — это не конец, а начало. Те, кто надеется, что негру нужно было выпустить пар и что теперь он успокоится, заблуждаются, что наша нация возвратится к обычному образу жизни. До тех пор пока негру не будут предоставлены его гражданские права, в Америке не будет ни порядка, ни спокойствия. Революционные бури будут продолжать сотрясать основы нашего государства до той поры, пока не наступит светлый день правосудия.

Но есть еще кое-что, что я должен сказать моему народу, стоящему на благодатном пороге у входа во дворец справедливости. В процессе завоевания принадлежащего нам по праву места мы не должны давать оснований для обвинений в противоправных действиях. Давайте не будем стремиться утолить нашу жажду свободы, вкушая из чаши горести и ненависти.

Мы должны всегда вести нашу борьбу с благородных позиций достоинства и дисциплины. Мы не должны позволить, чтобы наш созидательный протест вылился в физическое насилие. Снова и снова мы должны стремиться к достижению величественных высот, отвечая на физическую силу силой духа. Замечательная воинственность, которая овладела негритянским обществом, не должна привести нас к недоверию ко всем белым людям, поскольку многие из наших белых братьев осознали — о чем свидетельствует их присутствие здесь сегодня — что их судьба тесно связана с нашей судьбой и их свобода неразрывно связана с нашей свободой. Мы не можем идти в одиночку.

И, начав движение, мы должны поклясться, что будем идти вперед. Мы не можем повернуть назад. Есть такие, которые спрашивают тех, кто предан делу защиты гражданских прав: «Когда вы успокоитесь?» Мы никогда не успокоимся, пока наши тела, отяжелевшие от усталости, вызванной долгими путешествиями, не смогут получить ночлег в придорожных мотелях и городских гостиницах. Мы не успокоимся, пока основным видом передвижений негра остается переезд из маленького гетто<sup>[6]</sup> в большое. Мы не успокоимся, пока негр в Миссисипи не может голосовать, а негр в Нью-Йорке считает, что ему не за что голосовать. Нет, мы не успокоимся, мы не успокоимся до тех пор, пока справедливость не начнет струиться подобно водам, а правда не уподобится мощному потоку.

Я помню, что некоторые из вас приехали сюда, пройдя через великие испытания и страдания. Некоторые из вас прибыли сюда напрямую из тесных тюремных камер. Некоторые из вас прибыли из районов, в которых за ваше стремление к свободе на вас обрушились бури преследований и штормы полицейской жестокости. Вы стали ветеранами созидательного страдания. Продолжайте работать, веруя в то, что незаслуженное страдание искупается.

Возвращайтесь в Миссисипи, возвращайтесь в Алабаму, возвращайтесь в Джорджию, возвращайтесь в Луизиану, возвращайтесь в трущобы и гетто наших северных городов, зная, что так или иначе эта ситуация может измениться и обязательно изменится. Давайте не будем страдать в долине отчаяния.

Я говорю вам сегодня, друзья мои, что, несмотря на трудности и разочарования, у меня все еще есть мечта. Это мечта, глубоко укоренившаяся в американской мечте.

У меня есть мечта, что однажды настанет день, когда наше государство воспрянет и доживет до истинного смысла своего кредо: «Мы считаем очевидным, что все люди равны».

У меня есть мечта, что однажды на красных холмах Джорджии настанет день, когда сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев смогут сесть вместе за столом братства.

У меня есть мечта, что однажды настанет день, когда даже штат Миссисипи, пустынный штат, изнемогающий от накала

несправедливости и угнетения, будет превращен в оазис справедливости и свободы.

У меня есть мечта, что однажды настанет день, когда четверо моих детей будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету их кожи, а по тому, что они собой представляют.

Сегодня у меня есть мечта.

У меня есть мечта, что однажды настанет день, когда в штате Алабама, губернатор которого ныне заявляет о вмешательстве во внутренние дела штата и о непризнании действия принятых Конгрессом законов, будет создана ситуация, в которой маленькие черные мальчики и девочки смогут взяться за руки с маленькими белыми мальчиками и девочками и идти вместе, подобно братьям и сестрам.

Сегодня у меня есть мечта.

У меня есть мечта, что однажды настанет день, когда все низины поднимутся, все холмы и горы опустятся, неровные местности будут превращены в равнины, искривленные места станут прямыми, величие Господа предстанет перед нами и все смертные вместе удостоятся в этом.

Это — наша надежда. Это вера, с которой я возвращаюсь на Юг. С этой верой мы сможем вырубить камень надежды из горы отчаяния. С этой верой мы сможем превратить нестройные голоса нашего народа в прекрасную симфонию братства. С этой верой мы сможем вместе трудиться, вместе молиться, вместе бороться, вместе идти в тюрьмы, вместе защищать свободу, зная, что однажды мы будем свободны.

Это будет день, когда все Божьи дети смогут петь, вкладывая в эти слова новый смысл: «Страна моя, это я тебя, сладкая земля свободы, это я тебя воспеваю. Земля, где умерли мои отцы, земля гордости паломника, пусть свобода звенит со всех горных склонов».

Если Америке предстоит стать великой страной, это должно произойти. Пусть свобода звенит с вершин удивительных холмов Нью-Гэмпшира! Пусть свобода звенит с могучих гор Нью-Йорка! Пусть свобода звенит с высоких Аллегенских гор Пенсильвании!

Пусть свобода звенит с заснеженных скалистых гор Колорадо!

Пусть свобода звенит с изогнутых горных вершин Калифорнии!

Но не только там; пусть свобода звенит с каменной горы Джорджии!

Пусть свобода звенит с горы Лукаут в Теннесси!

Пусть свобода звенит с каждого холма и каждого бугорка Миссисипи! С каждого горного склона пусть звенит свобода!

Когда мы позволим свободе звенеть, когда мы позволим звенеть ей из каждого села и каждой деревушки, из каждого штата и каждого города, мы сможем ускорить наступление того дня, когда все Божьи дети, черные и белые, евреи и язычники, протестанты и католики, смогут взяться за руки и запеть слова старого негритянского духовного гимна: «Свободны, наконец! Свободны, наконец! Спасибо Всемогущему Господу, мы свободны, наконец!»

Перевод *Ольги Зиновьевой*

## **Я был на вершине<sup>[7]</sup>**

Как только я услышал красноречивое и великодушное выступление Ральфа Абернати, я сразу подумал о себе, мне было очень интересно, кого он, на самом деле, имеет в виду. Это всегда хорошо, когда у тебя есть близкий друг или союзник, который в любой момент может сказать о тебе что-то хорошее. Ральф — это лучший друг, который только может быть на свете.

Мне приятно видеть всех вас здесь этим вечером, несмотря на штормовое предупреждение. Вы доказали, что полны решимости действовать несмотря ни на что. Что-то происходит в Мемфисе, что-то происходит в нашем мире.

Знаете, если бы я находился у истоков зарождения мира и у меня была бы возможность увидеть панорамный обзор всей истории человечества вплоть до этого дня, и Всемогущий спросил меня: «Мартин Лютер Кинг, в какую пору хотел бы ты жить?», для начала я бы совершил воодушевленный полет через Египет или, скорее, через Красное море, через пустыню, к Земле обетованной. И несмотря на то что она поистине прекрасна, я бы там не остался. Я продолжил бы свое движение в сторону Греции, к горе Олимп. Я бы воочию увидел Платона, Аристотеля, Сократа, Еврипида и Аристофана, окружающих Парфенон и обсуждающих великие и вечные вопросы действительности.

Но я не задержался бы и там. Я бы двигался вперед, к самому расцвету Римской империи. И я бы увидел, как она развивалась во

времена правления разных императоров и правителей. Там бы я тоже не остался жить. Я перенесся бы в эпоху Возрождения и окинул бы быстрым взором то, что сделал Ренессанс для культурной и эстетической жизни человека. И двигался бы дальше. Я побывал бы даже там, где жил человек, именем которого я наречен. Я бы увидел, как Мартин Лютер написал свои девяносто пять тезисов на воротах церкви в Виттенберге.

Но там я тоже не остановился бы. Следующей моей остановкой стал бы 1863 год, я посмотрел бы на нерешительного президента Авраама Линкольна, который, в конце концов, принял решение подписать приказ об освобождении рабов. Но я продолжил бы свой путь. Я бы перенесся и в ранние тридцатые и стал бы свидетелем того, как человек сталкивается с проблемой крушения своей нации. И вопиюще восклицал, что нам нечего бояться, кроме самого страха.

Не хотел бы я жить и в этом времени. Довольно странно, но я бы обратился ко Всевышнему и сказал: «Если Ты позволишь мне пожить всего несколько лет во второй половине XX века, я буду счастлив». Теперь это действительно звучит очень странно, потому что все в мире перепутано. Нация больна. Беда заключается в самой земле. Кругом путаница. Такое заявление звучит странно. Но я, однако, знаю, что только тогда, когда достаточно темно, можно увидеть звезды. И я вижу Господа, исправляющего во втором столетии то, за что люди в какой-то степени несут ответственность, — что-то действительно происходит в нашем мире. Народные массы восстают. И где бы сегодня они ни собрались — в Йоханнесбурге, Южной Африке, Найроби, Кении, Аккре, Гане, Нью-Йорке, Атланте, Джорджии, Джексоне, Миссисипи или же в городе Мемфис, штат Теннесси, — скандировать они всегда будут одно и то же: «Мы хотим быть свободными!»

И вот еще одна причина того, почему я был бы рад жить в тот период, — мы вынуждены решать проблемы, с которыми человечество борется всю свою историю, но раньше потребности не принуждали их делать это. Просто стремление выжить теперь требует искоренить эти проблемы. Люди уже много лет рассуждают о войне и мире. Но сейчас пришло время перестать просто говорить об этом. Теперь мы уже не выбираем между насилием и «ненасилием» в мире; теперь это или «ненасилие», или «несуществование».



Вот где мы находимся сегодня. А именно в самом разгаре революции за права человека, и если в спешке мы еще что-то не сделали, если до сих пор мы не вывели цветные народы мира из долгих лет нищеты, долгих лет оскорблений и пренебрежения, то вся наша вселенная обречена. Теперь я просто счастлив, что Бог даровал мне возможность жить в эту пору, чтобы увидеть, к чему все это приведет. И я рад, что Он дает мне право быть в Мемфисе.

Я помню, я помню, когда негры просто слонялись кругом, как часто говаривал Ральф, уступая своим слабостям, и улыбались, когда их не грабили. Но это время прошло. Мы настроены серьезно, и мы полны решимости получить свое законное место в Божьем мире.

И ждать осталось недолго. Мы не просто устраиваем какие-то протесты или пытаемся кому-либо что-то доказать. Мы пытаемся сказать, что хотим быть настоящими мужчинами. Мы желаем быть просто людьми. Мы говорим, что все мы дети Божьи. И что мы не обязаны жить так, как мы вынуждены жить.

Итак, что бы все это значило в этот великий период в истории? Это означает, что мы должны оставаться вместе. Мы должны оставаться вместе и сохранять единство. Вы знаете, всякий раз, когда фараон хотел продлить период рабства в Египте, он всегда пользовался любимой, любимейшей формулой. Какова она была? Он сеял раздор среди самих рабов. Но всякий раз, когда рабы соединялись, что-то обязательно случалось на фараоновом судилище, и он не мог удержать рабов в узах рабства. Сохраняя единство, рабы делали первый шаг на пути к выходу из уз рабства. Давайте и мы будем держаться вместе.

Во-вторых, давайте решим все разногласия. В первую очередь, это несправедливость. Дело в том, что Мемфис не соглашается быть справедливым и честным в отношениях с государственными служащими, которым пришлось сегодня быть санитарными работниками. И сейчас самое время заострить на этом особое внимание. Проблема насилия волновала всех во все времена. Вы знаете, что случилось на днях, и это давление может сравниться только с разбиванием окна. Я читал много статей, и в них очень редко кто-нибудь удосуживается упомянуть тот факт, что одна тысяча триста санитарных работников бастуют, и что Мемфис к ним крайне несправедлив, и что мэр Лоэб нуждается в лечении. Они этого не касаются.

И теперь мы снова прибегнем к демонстрации, мы просто обязаны опять это сделать, чтобы все поставить на свои места. И мы заставим всех увидеть, что тринадцать сотен детей Божьих здесь страдают — иногда даже от голода, и особенно темными, угрюмыми ночами, тогда они постоянно задают себе один и тот же вопрос: как же со всем этим справиться? В этом-то и суть дела. И мы собираемся сказать народу: мы уверены, что это обязательно закончится. Ибо, когда человек стремится к тому, чтобы все было справедливо, и готов всем для этого пожертвовать, ничто не может встать на его пути, кроме победы.

Мы не допустим, чтобы нам помешали. Мы сами хозяева в нашем ненасильственном движении за разоружение полиции; они не знают, что и делать, — я видел их так часто. Я помню, как в Бирмингеме, что в штате Алабама, мы день за днем славно сражались и не хотели даже покидать улицу; усилием сотен соратников мы справились с ними. И Булл Коннор приказал направить собак для подкрепления, и вскоре они прибыли; но мы сумели их опередить. Затем Булл Коннор сказал: «Задействуйте пожарные шланги». И, как я сказал вам, прошлой ночью Булл Коннор не знал истории. Он немного знал физику, что никак не было связано с трансфизикой, которую знали мы. А дело было в том, что это был такой огонь, который никакая вода потушить не сможет. Но мы ушли еще до приезда пожарных; однажды мы уже успели узнать, что такое вода. Если бы мы были из баптистской или какой-либо иной конфессии, мы бы полностью были залиты водой. Если бы мы были методистами или же кем-либо еще, мы бы были только окроплены, но мы знали, что такое вода.

Но и это нас не остановило. Мы продолжали бастовать и при виде суровых собак, мы храбро смотрели им прямо в глаза, пожарные рукава тоже не стали преградой для нас, и, лишь взглянув на них, мы продолжили, распевая «Я уже вижу, как в небе витает свобода». А потом нас бросили в полицейские фургоны и уложили, как иногда бывало, точно сардин в банки. И они поспешили бросить нас туда, а старый Булл сказал: «Избавьтесь от них!» — они так и сделали; и мы шли в эти фургоны, распевая «Мы победим». И мы то и дело попадали в тюрьму и видели заглядывающих в окна тюремщиков, тронутых нашими молитвами, нашими словами и песнями. И это была сила, с которой Булл Коннор не смог справиться; и так, в конечном счете, мы взяли верх над Буллом, мы выиграли эту борьбу в Бирмингеме.

И вот теперь в Мемфисе история повторяется. Я призываю вас быть с нами в понедельник. А сейчас по поводу запретов: у нас есть запрет, и завтра утром мы отправимся в суд и будем бороться с этим незаконным, антиконституционным запретом. Вот что мы скажем Америке: «Будьте верны вашим словам, изложенным на бумаге». Если бы я жил в Китае или даже в России, или какой-либо другой тоталитарной стране, возможно, я бы смог понять отмену некоторых основных привилегий, внесенных Первой поправкой к Конституции США. Я где-то читал о свободе собраний. Где-то я прочитал о свободе слова. Где-то я прочитал и о свободе прессы. Где-то я читал, что величие Америки заключается в праве бороться за свои права. Так вот что я хочу сказать: мы не можем допустить, чтобы какой бы то ни было запрет заставил нас повернуть назад. Мы ни за что этого не сделаем.

Нам нужны вы все. А вы знаете, что это прекрасное зрелище — видеть всех глазами евангельских апостолов! Это чудесная картина. Кто, как ни апостол, должен четко изложить стремления и чаяния народа? Один пророк, должно быть, Амос, сказал: «Пусть справедливость падает как водопады, и правда будет подобна сильному потоку!» Так или иначе, апостол, должно быть, говорил с Иисусом: «Дух Господень со мной, потому что Он благословил меня заниматься проблемами бедных».

И я хочу поблагодарить проповедников под предводительством этих благородных мужчин: Джеймса Лоусона, который принимал участие в этой борьбе на протяжении многих лет; он даже попал в тюрьму из-за этой борьбы, но он до сих пор борется за права своего народа; Ральфа Джексона, Билли Килеса. Я могу перечислять эти имена еще долго, но, к сожалению, время не позволяет. Я просто хочу поблагодарить их всех. Я хочу, чтобы и вы их поблагодарили.

Это нормально — говорить о «длинных белых одеяниях» проповедников во всем их символическом значении. Но, в конце концов, люди хотят носить здесь и костюмы, и платья, и нормальную обувь. Абсолютно нормально говорить и об улицах, по которым текут молочные и медовые реки, но Бог заповедовал нам заботиться о местных трущобах и о его детях, которые каждый день недоедают. Это нормально — говорить о новом Иерусалиме, несмотря на то, что в один прекрасный день Божьи проповедники будут говорить о новом Нью-Йорке, Новой Атланте, Новой Филадельфии, Новом Лос-

Анджелесе, Новом Мемфисе, штата Теннесси. В этом-то и заключается наша основная задача.

Но есть и другое, о чем нам не следует забывать. В отдельности мы бедны, мы на самом деле бедны, если сравнивать нас с белыми в Америке. Мы бедны. Никогда не останавливаться, никогда не забывать о том, что в совокупности, а это значит все вместе, мы богаче всех стран мира, за исключением девяти. Вы когда-нибудь задумывались об этом? Даже если не считать Соединенные Штаты, Советский Союз, Великобританию, Западную Германию, Францию, негры будут все равно богаче, чем большинство стран. У нас годовой доход более тридцати миллиардов долларов, что больше, чем доходы от всего экспорта Соединенных Штатов, больше государственного бюджета Канады. Знаете ли вы об этом?

Мы не должны ни с кем спорить. Мы не должны проклинать или поливать грязью кого-либо. Нам не нужны кирпичи и бутылки, нам не нужны никакие зажигательные смеси, нам просто нужно лишь зайти в эти предприятия, в эти крупнейшие отрасли в нашей стране, и сказать: «Бог послал нас сюда сказать вам, что вы неправильно обходитесь с Его детьми. И мы пришли сюда, чтобы указать вам первый пункт повестки дня, для того чтобы справедливо рассудить то, о чем сыны Божьи беспокоятся. Если же вы теперь не готовы это сделать, у нас есть план, которому мы будем следовать. Мы намерены потребовать экономической поддержки от вас».

Но и это еще не все. Мы должны укрепить черные институты. Я призываю вас забрать свои деньги из центральных банков города и сдать их в Три-Стейт-банк — мы хотим создать банковскую систему внутри Мемфиса. Поэтому проходите мимо сберегательных и кредитных ассоциаций. Судья Хукс и другие расскажут вам о том, что у нас есть ссудно-сберегательная ассоциация. Мы просто настаиваем, чтобы вы сделали именно так. Положите свои деньги туда. У вас есть шесть или семь темных страховых компаний в Мемфисе. Теперь сделайте себе там страховку. Мы хотим, чтобы у нас была своя собственная страховая компания.

Теперь же поговорим о конкретных действиях. Мы начинаем процесс создания большой экономической базы. Прошу вас последовать нам и в этом.

Перед тем как перейти к заключению, я хочу сказать о том, какую выгоду мы получим, если доведем эту борьбу до победного конца. Ничего не может быть более трагичного, чем поставить точку сегодня, в Мемфисе. Мы должны довести этот бой до конца. Двигаться вперед до самого предела. Быть готовыми всегда оказать заботу своему брату. Конечно, вы можете и не приходить на забастовку. Но либо мы победим вместе, либо вместе падём.

Как-то раз один человек пришел к Иисусу, и он хотел задать Ему несколько жизненно важных вопросов. Он хотел обмануть Иисуса и доказать Ему, что он знал больше, чем сам Иисус, и за счет этого свергнуть Его. Теперь этот вопрос мог бы легко лечь в основу философской или теологической дискуссии. Но Иисус сразу рассказал об одном человеке, который попался в руки шайке воров. Вы, наверное, помните, как левит и священник, шедшие мимо по дороге, не остановились, чтобы помочь ему. В то же время мимо проходил человек другой национальности и веры — самаритянин. И он оказал нуждающемуся первую помощь. Он был благородным человеком, он был великим мужем, потому что у него была способность превращать «я» в «ты», и он имел сострадание к ближнему своему. И вот теперь мы используем все наше воображение, чтобы попытаться понять, почему священник и левит тогда не остановились. Можно, конечно, предположить, что они торопились на службу в церковь — на духовное собрание — и им нужно было еще вовремя добраться до Иерусалима, чтобы на него не опоздать. В то же время мы можем предположить, что здесь они следовали религиозному закону, который гласит, что тот, кто участвует в религиозных ритуалах, не должен двадцать четыре часа до церемонии прикасаться к человеческому телу. Но в то же время мы начинаем задумываться над тем, что, может быть, они и не шли в Иерусалим или в Иерихон, а просто хотели образовать ассоциацию по улучшению состояния дорог Иерихона. Есть и такая вероятность. Возможно, они считали, что лучше всего уничтожить проблемы на корню, вместо того чтобы потом застопориться на месте, совершая единичные попытки их решить.

Но я собираюсь рассказать вам то, что подсказывает мне мое воображение. Может быть, эти люди просто были напуганы. Судите сами: дорога в Иерихон — опасная дорога. Я помню то время, когда г-жа Кинг и я впервые были в Иерусалиме. Мы арендовали машину и

поехали из Иерусалима в Иерихон. И как только мы выехали на эту дорогу, я сказал своей жене: «Я теперь понимаю, почему Иисус в своей притче выбрал именно это место». Это ветреная, извилистая дорога. Она действительно подходит для засады. Вы начинаете путь в Иерусалим, который проходит на высоте 1200 миль, то есть, простите, 1200 футов над уровнем моря. И к тому времени, когда вы достигаете Иерихона, пятнадцать или двадцать минут спустя, вы находитесь уже на 2200 футов ниже уровня моря. Это действительно опасный путь. Во времена Иисуса он был известен как «Кровавое ущелье». И вы понимаете, что, возможно, священник и левит, увидев человека, лежащего на земле, могли подумать, что грабители все еще где-то рядом. Или, может быть, человек на земле всего лишь притворяется. И он ведет себя так, как будто он был ограблен и ранен, чтобы напасть на них, заманивает их туда, чтобы быстро и легко захватить их. И поэтому первый вопрос, который задал себе левит, был: «Если я остановлюсь, чтобы помочь этому человеку, что тогда произойдет со мной?» И в этот момент мимо шел тот добрый самаритянин. И он задался другим вопросом: «Если я не остановлюсь, чтобы помочь этому человеку, что будет с ним?»

Этот же вопрос стоит и перед вами сегодня. Не «что произойдет со мной в те часы, которые я, как пастырь, изо дня в день, из недели в неделю провожу в своем кабинете, если я остановлюсь, чтобы помочь санитарным работникам?». Вопрос не в том, «что случится со мной, если я остановлюсь помочь этому человеку?», а в том, «что случится с санитарными работниками, если я не остановлюсь, чтобы помочь им?». Вот в чем суть вопроса.

Давайте восстанем сегодня с высочайшей степенью готовности. И будем сражаться с еще большей решимостью. Давайте перейдем в это великое время, в то время, когда мы бросим вызов Америке, чтобы сделать ее такой, какой она должна быть. У нас есть возможность сделать Америку лучше. И я хочу еще раз поблагодарить Бога за предоставленную мне возможность быть сегодня здесь, с вами.

Вы знаете, несколько лет назад я был в Нью-Йорке и раздавал автографы в честь выхода в свет первой написанной мною книги. И пока я там сидел, подписывая обложки, ко мне подошла обезумевшая черная женщина. Единственный вопрос, который я от нее услышал, был: «Вы Мартин Лютер Кинг?»

И я, не поднимая глаз и не отрываясь от письма, сказал «да». И в следующий момент я почувствовал, как что-то ударило меня в грудь. Я и не понял сразу, что получил ножевое ранение от этой слабоумной женщины. Я был доставлен в больницу в Гарлеме. Это случилось пасмурным субботним днем. Лезвие прошло насквозь, рентгеновский снимок показал, что конец лезвия задел край аорты, главной артерии. И как только она прорывается, вы захлебываетесь в своей собственной крои—и вот, ваш конец уже настал.

На следующее утро в «Нью-Йорк Таймс» вышло сообщение о том, что, если бы я тогда чихнул, я бы умер. И вот, четыре дня спустя, после операции, после того, как моя грудь была вскрыта и лезвие было удалено, мне разрешили перемещаться в инвалидном кресле по больнице. Они позволили мне читать некоторые сообщения, которые приходили со всех штатов и со всего мира; это были очень теплые письма. Я прочел только несколько, но одно из них я никогда не забуду. Я получил письма от президента и вице-президента. И сейчас я уже не помню точно, что говорилось в этих телеграммах. Мне написал письмо и посетил меня губернатор Нью-Йорка, но я забыл, о чем шла речь в его письме. Но было и еще одно письмо, которое пришло от молоденькой девушки, которая была ученицей уайт-плейнской высшей школы. Я прочел это письмо, и теперь я никогда его не забуду. В нем просто было сказано: «Дорогой доктор Кинг, я учусь в уайт-плейнской высшей школе». Она продолжала: «Несмотря на то что это не имеет особого значения, я все равно хотела отметить то, что я белая девушка. Я прочла в газете о Вашей беде и Ваших страданиях. И я прочла, что если бы вы чихнули, Вы могли бы умереть. И я пишу Вам просто для того, чтобы сказать, что я так счастлива, что Вы тогда не чихнули».

И сегодняшним вечером я хочу сказать, что тоже счастлив, что я тогда не чихнул. Потому что, если бы я чихнул, меня не было бы здесь в 1960 году, когда студенты со всего Юга начинали собираться в буфетах. А я знал, что они начнут там собираться, они действительно отстаивали то лучшее, что есть в «американской мечте». И отослали целую нацию обратно к тем великим основам демократии, которые были глубоко заложены отцами-основателями в Декларации независимости и Конституции. Если бы я тогда чихнул, я бы не жил в 1962 году, когда негры в Олбани, штат Джорджия, решили разобраться во всем том, что им мешало. Если бы я чихнул, я не был бы здесь в

1963 году, когда черные люди из Бирмингема, штат Алабама, пробудили совесть нации и довели дело до создания Билля о гражданских правах человека. Если бы я чихнул, у меня бы не было возможности годом позднее, в августе, попытаться рассказать американцам о той мечте, которая у меня была. Если бы я чихнул, я не был бы в Сельме, штат Алабама, в Мемфисе, когда массы людей собираются вместе, чтобы помочь тем братьям и сестрам, которые страдают. Я так счастлив, что не чихнул тогда.

И они говорили мне, что сейчас это совершенно неважно. И действительно неважно то, что происходит теперь. Я покинул Атланту сегодня утром, как только мы поднялись в воздух — в самолете было шестеро «наших» — пилот по громкой связи объявил: «Приносим извинения за задержку рейса; у нас на борту доктор Мартин Лютер Кинг. И чтобы быть уверенными, что все сумки хорошо осмотрены, и иметь гарантию, что с самолетом ничего не может случиться, мы должны были тщательно все проверить. И теперь наш самолет защищен, он охранялся всю ночь».

И потом я прибыл в Мемфис. И некоторые начали угрожать или говорить об угрозах, которые были напечатаны в прессе. Но что могут сделать мне наши больные белые братья?

Я не знаю, что произойдет сейчас. У нас впереди трудные дни. Но сейчас мне это неважно. Поскольку я был на горной вершине. И я ни о чем не беспокоюсь. Как и все, я хотел бы прожить долгую жизнь. Долголетие играет свою роль. Но я не озабочен этим. Я просто хочу исполнить Божью волю. И Он позволил мне подняться на гору. И я посмотрел на все свысока. И я видел Землю обетованную. Я, возможно, не попаду туда с вами. Но я хочу, чтобы вы сегодня знали, что мы, люди, обязательно придем на Землю обетованную. И сегодня я счастлив. Меня ничего не волнует. Я не опасаюсь никого. Ибо я своими глазами видел славу пришествия Господня.

Перевод *Екатерины Давыдовой*



## Журналистика войны во Вьетнаме

### У «красных» заключенных падает дух

Чарльз Блейк, газета Enquirer, 23 января 1966 года

На плантации Катеке, с ее кустами чая, затененными переулками и воздухом, пропитанным цивилизацией и отчуждением от войны, есть уголок, полностью посвященный конфликту.

Подполковник Харлоу Кларк, первый командир бригады, управлял полевыми операциями больше трех недель, когда я увидел его, и он был все еще полон энергии.

Я узнал, что он был в своем вертолете, «срезал вершины деревьев». Перед зданием, которое он получил около взлетно-посадочной полосы, чтобы предоставить жилище своему штабу, было большое пространство, заполненное сотнями захваченного оружия и оборудования. Я знал, что очень важные клиенты постоянно приходили в этот штаб, и если их не потрясал вид всего этого оружия, то на меня он точно производил неизгладимое впечатление.

На маленьком участке было пять больших автоматов 50-го калибра, четыре винтовки 75 мм, по крайней мере, 100 легких автоматов и другого оружия, включая минометы на 82 мм и ракетные пусковые установки на 37 мм. Многие из них имели следы от пуль — свидетельства о боях.

Капитан Рональд Саммерс, офицер разведки помощника бригады, показал мне, чего достигла бригада к настоящему времени в ее неустанном преследовании 101-го и 66-го полков, которые напали на лагерь специальных сил Плей Ми.

Батальоны парашютистов убили 216 человек. Они захватили 117 заключенных, включая двух северовьетнамских чиновников.

В ходе засады на реке Йа Дренг кавалеристами были убиты 147 вражеских воинов, а защита в патрульном базовом лагере в течение ночи убила еще 78.

Капитан Саммерс сказал мне, что в ходе операции первой бригады с 26 октября по 9 ноября было захвачено больше северовьетнамских

пленных, чем во время любой предыдущей операции в истории этой войны, что дух врагов сломен.

Пленные были оставлены для предварительного допроса у дороги близ штаба бригады. Я пошел туда с капитаном Саммерсом.

Один из охранников, сержант Ральф Робертсон, махнул мне и указал на улыбающегося маленького вьетнамца, сидящего около ворот.

«Вот это уникум. Мы полагали, что эти коммунисты не будут петь ни за что. Слушайте», — сказал он.

Он махнул маленькому северовьетнамцу и сказал: «Jingle Bells!»

Мальчик — он выглядел на 17 лет или даже младше — счастливо улыбнулся и запел минорную версию «Jingle Bells». Затем он потрогал свой живот и что-то сказал переводчику.

«Он говорит, что он слишком сыт, чтобы петь хорошо, что он только что поел и поэтому не поет хорошо, но что он споет для вас вьетнамскую песню, если вы не будете возражать», — сказал сержант Ван Танх, переводчик.

Мальчик запел дрожащую и странно красивую мелодию. Несмотря на странность слов и мелодии, мы молча слушали, пока песня не кончилась.

«Это — очень грустная песня о молодом человеке, который ушел очень далеко от своего дома и никогда больше не увидит свою семью», — перевел сержант Ван Танх.

Вскоре пленные были помещены в грузовики и посланы в Плэйку, где южновьетнамская армия приняла их. У лейтенанта, молодого певца и другого чиновника позже брали интервью корреспонденты, и они рассказали, как шли через Лаос и Камбоджу, чтобы прибыть в Южный Вьетнам. Эта поездка заняла у них 57 дней. Каждый четвертый из их товарищей был поражен малярией или другой болезнью. Все они хотели есть и были утомлены.

«Засады, бомбы, вертолетная стрельба, снаряды артиллерии — это слишком много и жестоко», — сказал один из них.

Перевод *Ольги Архиповой*

## Давление Вьетнама

Журнал Time, 7 октября 1966 года

Чикагская компания по производству стали впервые после Второй мировой войны наняла на работу 233 женщины, а чайная компания взяла на работу женщин в качестве мясников, чтобы пополнить исчерпанные запасы рабочей силы. Питсбургские производители меди отправили большую часть своей продукции в Пентагон, поэтому они не в состоянии удовлетворить спрос простых граждан на слесарное оборудование. Производители техники, в надежде, что покупатели не заметят разницы, начали отрезать несколько дюймов от электрических шнуров. Сапожники сократили производство ковбойских сапог, чтобы заняться исключительно военным обмундированием. Это лишь малая доля изменений, вызванных Вьетнамской войной.

Меньше, чем Корея? Цена Вьетнамской войны может показаться маленькой в сравнении со всей экономикой: полная сумма, затраченная на военное оборудование, составляет только 8% от валового национального продукта. Все же, в отличие от Корейской войны, которая началась, когда в США было затишье производства и более чем 5% безработных, Вьетнамская война происходит в период полной рабочей занятости и производства, которое расширилось за 51 год.

Сочетание требований — военных и гражданских — давит на большую часть отраслей. На производителей коммуникационного оборудования и самолетов предельно давят. Заказы на машинное оборудование задерживаются до 16 месяцев. Изготовители электроники в Новой Англии сообщают о недельной и даже месячной задержке в поставках полупроводников, интегральных схем, конденсаторов и резисторов. Помимо дефицита людей и материалов, все производители жалуются на нехватку грузовых вагонов и судов для перевозки товаров.

Ни одна отрасль не затронута больше, чем металлургия. В малой поставке никель, молибден, ванадий и больше всего медь. Правительство реквизировало 18% производства медной промышленности. В сталелитейной отрасли первоочередные правительственные заказы заставили ведущие компании почти полностью перевести свои филиалы на производство оборонительного оборудования и задержать поставки сплавов гражданским клиентам. Вместо закрытия Christy Park Works и увольнения 500 человек, как было объявлено в прошлом году, американская стальная корпорация имеет работающий полным ходом завод с 2000 трудящихся.

Последствия войны видны и в сфере производства алюминия. Из-за того, что эта война, по словам военных, «легковесная», Пентагон использует больше алюминия, чем в Корее. Вашингтон приказал изготовителям алюминия, чтобы они «отложили» 13% своей продукции для обороны. Наиболее крупный производитель, «Олкоа», считает, что заказы на оборонительную продукцию возрастут с 10 до 20%. По запросу правительства «Олкоа» строит дополнительный завод в Рочдейле (Техас).

Ситуация с текстилем также напряженная. Поскольку армии требуется большое количество текстильных товаров, задерживаются поставки осенней одежды в магазины. Трудно достать шерсть и хлопчатобумажные брюки. Большая часть ткани идет на производство палаток. Две недели назад правительство потребовало материал на 1 000 000 униформ, но производители смогли выполнить заказ лишь наполовину. Многие производители текстиля не хотят бороться за правительственные заказы, предпочитая продавать товар старым, проверенным гражданским покупателям, которые платят больше, чем Пентагон. В знак протеста правительство выпустило сотни тысяч номинальных заказов, которые вынуждают производителей продавать товары по ценам Пентагона.

Все большее количество выпускников колледжей не идет на производство, что усугубляет нехватку рабочей силы. Председатель корпорации «Моторола» Роберт Галвин на прошлой неделе в качестве главной причины уменьшения доходов указал именно нехватку людей.

Несмотря на все это, экономика не так сильно вовлечена в проблему Вьетнама, чтобы бояться мира. Президент Ральф Роусон, изготовитель стали из Питсбурга, считает: «Если бы завтра закончилась война, мы бы потеряли 10% прибыли, но все вернулось бы на круги своя в течение года». Ему вторит Чарльз Дукоммун, президент компании «Дукоммун»: «Мирный рынок был бы рынком спекулянтов, играющих на повышение, и большинство бизнесменов счастливо приспособиться к этому».

Перевод *Ольги Архиповой*

## Трумэн Капоте<sup>[8]</sup>

### Хладнокровное убийство<sup>[9]</sup>

(отрывок из романа)

«Клаттеры-Инглиши поклялись друг другу в верности на церемонии в субботу». Именно такой заголовок, появившийся в газете «Garden City Telegram» в рубрике социальных новостей за 23 ноября, поверг в шок большинство читателей. Оказалось, что Беверли, вторая из выживших дочерей мистера Клаттера, вышла замуж за молодого студента биологического факультета мистера Вере Эдварда Инглиша, с коим она долгое время была помолвлена. Мисс Клаттер была одета во все белое, и церемония бракосочетания как долгожданный итог их длительного романа (миссис Леонард Кован была солисткой, а миссис Говард Бланчард играла на органе) «торжественно прошла в Первой церкви методистов» — в церкви, где за три дня до этого ее жених убил ее родителей, брата и младшую сестру. Как бы то ни было, по версии «Garden City Telegram», «Вере и Беверли хотели пожениться во время Рождества. Приглашения были уже напечатаны, а ее отец арендовал церковь на запланированное время. Из-за непредвиденной трагедии и большого количества родственников, приехавших издалека, молодая пара решила-таки провести венчание в субботу».

Сразу после венчания родственники Клаттера разошлись. В понедельник, когда последний из них покинул Гарден Сити, «Garden City Telegram» поместила на первой полосе письмо, написанное мистером Говардом Фоксом из Орегона, штат Иллинойс, к брату Бонни Клаттеру. Письмо после выразительного обращения к жителям города, чтобы те открыли свои «дома и сердца» к скорбящей семье, заканчивалось мольбой. «В нашем обществе (я говорю сейчас о Гарден Сити) слишком много негодования, — писал мистер Фокс. — Я не раз слышал, что если уж преступника поймали, то его следует повесить на ближайшем же дереве. Но давайте не будем кому-то уподобляться. Дело сделано, и ничего не вернешь обратно, лишив жизни кого-то еще. Вместо этого давайте простим, как наставлял нас Господь. Уберите враждебность из сердца. Тому, кто совершил это преступление,

гораздо тяжелее жить с этим грузом. И только спокойствие духа будет с ним, когда он будет просить прощения у Господа Бога. Давайте не будем стоять на его пути, а помолимся, дабы он встал на путь истинный».

Он был слишком напряжен, чтобы заснуть, все ждал, что зазвонит телефон, но тот молчал как-то угнетающе-раздражительно. Ни одна из его версий ни чему не привела, ну, может, только в тупик с глухими стенами. Бобби Рапп? Детектор указал на Бобби. И мистер Смит, фермер, на которого тоже падало подозрение, очень схожее с тем, что имелись против убийцы, — он был неважным подозреваемым, заявившим, что в ночь убийства его не было в Оклахоме. (Это сразу заставляет поставить вне подозрения Джонсов (отца и сына), хотя у тех и так имеется вполне серьезное алиби.) «В общем, — если цитировать Гарольда Ная, — это все складывается в хорошенькое круглое число. Нуль». Хм, даже поиск могилы кота Нэнси ни к чему не привел.

Однако были найдены одна или, может, две зацепки. Во-первых, перебирая вещи Нэнси, ее тетя, миссис Элэан Сэлсор, обнаружила сунутые в носок туфель золотые наручные часы. А во-вторых, миссис Хейм, будучи в сопровождении агента полиции, проверила каждую комнату на ферме River Valley на предмет чего-либо подозрительного или же пропавшего и в итоге нашла, что так упорно искала. Это обнаружилось в комнате Кениона. Миссис Хейм все всматривалась и вглядывалась, расхаживала кругами по комнате с поджатыми губами, трогая то одно, то другое: старую бейсбольную перчатку Кениона, его забрызганные грязью рабочие ботинки, жалкие заброшенные очки. Все это время она шептала «Что-то здесь не так, я это знаю, но вот что именно, пока не пойму». И вдруг ее осенило: «Радио! Где же маленькое радио Кениона?».

Собранные вместе, эти небольшие открытия снова натолкнули Девью на мысль о том, что, возможно, мотивом было «обычное ограбление». И действительно, неужели те часы совершенно случайно упали в туфли Нэнси? Она должна была, лежа в темноте, услышать звуки — шаги, возможно, даже и голоса. Это непременно навело бы ее на мысль, что в доме воры, и она торопливо спрятала бы часы, подарок отца, которым она так дорожила. Что касается радио, серого портативного фирмы «Зенит», — здесь не могло быть сомнений в том,

что оно украдено. Однако Девью не мог допустить версии, что семья устроила резню из-за такой пустяковой выгоды — «нескольких долларов и радио». Если же полностью с ней согласиться, то это меняет его представление об убийце — или даже убийцах. Он и его сообщники определенно решили преувеличить свою цель. Прокурор уверен, что, по крайней мере, один из двух людей, командующих огромным количеством хладнокровных головорезов, был — должен был быть — человеком слишком умным, чтобы совершить такой поступок без продуманного мотива. Девью переосмыслил некоторые подробности, что усилило его уверенность в том, что как минимум один из убийц был в эмоциональном плане связан с жертвами и своеобразно сострадал, даже после того как их уничтожил. Такая вот странная полусумасшедшая нежность.

Перевод *Ксении Листиковой*

**Том Вулф**<sup>[10]</sup>

**Электропрохладительный кислотный тест**<sup>[11]</sup>

*(отрывок)*

С Ангелами Ада Кизи познакомился в Сан-Франциско через Хантера Томпсона, который писал о них книгу. Книга, кстати, вышла замечательная, она называлась «Ангелы Ада: странная и ужасная сага». Как бы там ни было, Кизи с Томпсоном пили пиво, Томпсон сказал, что ему надо зайти в гараж под названием «Тюряга» и повидать кое-кого из Ангелов, и Кизи отправился туда вместе с ним. Там колдовали над своими мотоциклами Ангел Ада по имени Френчи и еще четверо или пятеро парней, и все они с первых же минут потянулись к Кизи. Кизи был такой же стреляный воробей, как и они. Недавний арест за марихуану относил его в глазах Ангелов к разряду Классных Парней. Они сказали ему, что человеку, который не мотал срок, доверять нельзя, а Кизи грозила, по крайней мере, перспектива срок получить. Впоследствии Кизи говорил, что арест за марихуану на них впечатление произвел, однако на тот факт, что он писатель, им было в высшей степени наплевать. И все-таки и об этом им было известно — как-никак знаменитость, дружески расположен и интересуется ими. и ведь вроде никакой не педрила, не репортер, да и не из тех гнусных шестерок, что сшиваются здесь все лето.

А кто только не сшивался там летом 1965 года! Калифорнийское лето 1965 года принесло Ангелам Ада печальную известность. Популярность их как отъявленных негодяев достигла небывалого размаха. Благодаря серии инцидентов — сопровождавшихся поразительной серией газетных и журнальных статей, в том числе в «Лайф» и «Сатердей ивнинг пост», — жители Дальнего Запада рассматривали каждое субботнее развлечение Ангелов как нашествие варваров-детоубийц. Интеллектуалы из окрестностей Сан-Франциско, особенно в Беркли, в Калифорнийском университете, уже отзывались об Ангелах в романтическом духе и сыпали терминами типа



«отчуждение» и «мятежное поколение». Томпсона начали донимать желающие познакомиться с Ангелами — не со всей шайкой, Хантер, хотя бы с одним-двумя. Что же до Кизи, то ему одного-двух было маловато. Они с ребятами сделали по паре затяжек марихуаны, и Ангелы Ада были в автобусе.

Жители Ла-Хонды и ахнуть не успели, как владения Кизи украсились гигантским плакатом — пятнадцать футов длиной, три фута высотой, в красном, белом и синем цветах:

### ВЕСЕЛЫЕ ПРОКАЗНИКИ ПРИВЕТСТВУЮТ АНГЕЛОВ АДА

Субботний день 7 августа 1965 года выдался светлым и ясным, и все плоды вдохновенных трудов Творца залиты были в Ла-Хонде, штат Калифорния, ярким летним солнцем. Граждане готовились к наступающему дню, запираясь на все замки. Копы готовились, запустив на полные обороты двигатели десятка полицейских машин с мигалками и боеприпасами. Проказники готовились, до одури заряжаясь наркотиками. Они собрались внизу, в зеленом ущелье, в домике и вокруг него, и заряжались, пока у них не затрещали тыквы. Вдобавок они испытывали радостный и мощный прилив адреналина, коим их наделил Господь. Никто не заявлял об этом в открытую, никто об этом даже не говорил, но виной всему было то, что к ним ехали настоящие живые Ангелы Ада, человек сорок, пустившиеся в полноценный ангельский «поход» — ту самую загородную прогулку, во время которой Ангелы делали свою вещь, всю свою прикольную вещь, целиком, в с е м паршивым чумазым умопомрачительным, брызжущим пламенем похабным неотесанным с к о п о м. По такому случаю к Проказникам понаехала куча гостей. В сущности, они представляли собой самую настоящую публику, с нетерпением ожидающую появления знаменитых актеров. Собрались и многие из старой перри-лейнской компании: Вик Ловелл, Эд Маккланакэн и другие. Приехал Аллен Гинзберг, а также Ричард АлПерт и множество интеллектуалов из Сан-Франциско и Беркли. У всех т а х и к а р д и я — однако Кизи был невозмутим, даже посмеивался, выглядел в своей рубахе с начесом крепким как бык, истинным Горцем, а с его легкой руки все это стало казаться уместным и неизбежным — неизбежной составляющей течения, вполне уместной сейчас, в данный момент. Да черт побери, если добропорядочный мир округа Сан-Матео, штат Калифорния, вознамерился объявить их всех вне закона и превратить в

изгоев из-за такой сущей безделицы, как марихуана, то они имели полное прикольное право плыть по течению и демонстрировать им, что представляет собой на самом деле сага под названием «Изгой». Благодаря Ангелам поддались синхронизации многие вещи. По определению, Изгоями были люди, которые сдвинулись с мертвой точки и добрались, в некотором роде, до Города-Порога. Вся прелесть была в том, что Ангелы, как и Проказники, сделали свой выбор добровольно. Сперва они стали изгоями — вышли н а р а з в е д к у, снялись с мертвой точки,- а уже потом были за это биты. Кайфовый полет Ангелов заключался в мотоцикле, а Проказников — в ЛСД, но и те и другие совершали потрясающее погружение в оргазменное мгновение, в с е й ч а с, а в течение ближайших сорока восьми часов Ангелам предстояло приобщиться вдобавок и к кислоте. Проказникам же предстояло приобщиться к... Стужу, старинному ужасу, страху мальчика из приличной семьи перед Ангелами Ада — А н г е л а м и А д а — во плоти, в их грязной плоти, и окажись они способны вовлечь в свою орбиту эту темную и грубую таинственную силу...

Кизи! Что за приколы — у всех тахикардия!..

Из громкоговорителей на верхушках секвой, растущих над крутым земляным обрывом по ту сторону шоссе, раздается трескучий, гнусавый голос Боба Дилана, на невероятной громкости предающегося своим сомнительным протяжным напевам: «Э-э-э-эй, мис-тер там-буринщик» — это передается программа Нерадиостанции КЛСД Сэнди Леманн-Хаупта, неукротимого диск-прикольного-жокея, самого Пеностиролового Лорда Байрона. Он вещает в домике в микрофон и крутит для вас пластинки — Кэссади на таком взводе, что это уже не он, а механический человек-винт на шарнирах — Горянка наготове «Эй, К и з и!» — Отшельник ухмыляется — Пейдж разгорячен — мужчины, женщины, дети. раскрашенные, в пух и прах разодетые, — носятся по ярко освещенной лощине — Аггтрррррррррр — этот звук донесся до них в три часа дня.

Это было похоже на мчащийся в десяти милях от них локомотив. Это Ангелы Ада надвигались «походным порядком», спускаясь с горы на «харли-дэвидсонах-74». Где-то там, наверху, Ангелы петляли по змеистой Дороге 84, снижая скорость — тррррраг — и взвинчивая ее до предела, а рев локомотива делался все громче и громче, и вот уже невозможно стало расслышать ни собственный голос, ни гнусавое

пение Боба Дилана, и ттрраааааггггг — вот они показались из-за последнего поворота, Ангелы Ада, на мотоциклах, бородатые, длинноволосые, в джинсовых куртках-безрукавках с черепами — эмблемами смерти — и всем прочим, во всем своем отвратном великолепии, а потом один за одним вихрем миновали деревянный мост и, кренясь на бок, затормозили перед домом среди взметнувшихся ввысь пыльных туч, и происходило это все как в кино — все изгои, подпрыгивая, выжимают на мосту полный газ, раскинув руки под немыслимым углом к рулю, а потом тормозят один за другим, один за другим.

Ангелы, со своей стороны, знать не знали, чего им ждать. Раньше их никто никуда не приглашал, по крайней мере всей шайкой. Не столь уж часто доводилось им значиться в списках приглашенных. Им мнилось, что они разузнают, в чем там суть да дело, и все вполне может кончиться жестоким побоищем, в котором будет проломлена не одна башка, но это, во всяком случае, был бы нормальный ход событий. Оказавшись на чужой территории, Ангелы всегда вели себя злобно и настороженно, в каждом подозревая врага, но здесь не было даже намека на чтолибо подобное. Столько народу уже тащилось неизвестно под чем, что одно это обезоруживало почти мгновенно. У Проказников было явно не меньше миллиона порций любимого наркотика Ангелов — пива, — а заодно, для всех, кто не прочь попробовать, и ЛСД. От пива Ангелы пришли в веселое расположение духа, а ЛСД подействовала на них умиротворяюще и едва не парализовала, что резко отличало их от Проказников и прочих собравшихся там интеллектуалов, которые, зарядившись, летали как чумовые.

Девушка Тупица дала Ангелу Ада по прозвищу Вольный Фрэнк немного ЛСД, которую он считал чем-то вроде винта с повышенным числом оборотов, — и он пережил самое необыкновенное ощущение в жизни. Когда сгустились сумерки, он влез на секвойю и прильнул к установленному в ветвях громкоговорителю, с упоением отдавшись на волю звуков и вибраций, производимых песней Боба Дилана «Подземный блюз тоски по дому».

Пит, мотогонщик из сан-францисских Ангелов Ада, сказал, ухмыляясь и всматриваясь в бадью с пивом:

— Старина, место тут — лучше не бывает. Когда мы приехали, мы знать не знали, что нас ждет, но все оказалось на высшем уровне. Наконец-то можно вволю повеселиться и никого не дубасить.

Вскоре ущелье уже оглашалось характерным для упившихся пивом Ангелов жизнерадостным утробным смехом: «Хо! — Хо! — Хо! — Хо! — Хо! — Хо!»

Сэнди Леманн-Хаупт, Пеностирольный Лорд Байрон, не выпускал из рук микрофон, и его диск-прикол-жокейская скороговорка оглушительно гремела в лесу по обе стороны шоссе:

— Говорит Нестанция КЛСД, в вашей голове 800 микрограммов, у станции задание пробудить ваше сознание и освободить от нудного наказания, прямо отсюда, с верхушек секвой Венеры!

Потом он перешел на длинный блюзовый речитатив на тему Ангелов Ада, куплетов на пятьдесят, куда входила как невразумительная кислотная болтовня, так и абсурдные легенды, к примеру, какая-то дикая чушь о раздавленных на шоссе черепахах, а заканчивался каждый куплет таким рефреном:

Ах, как рад я, что я — Ангел,  
все время весь в грязи!

Что за дьявольщина — какой-то сумасброд имел наглость объявлять по радио на все дороги Калифорнии о том, что Ангелы все время все в грязи,- но разве устоишь против этого безрассудного прикольного маньяка, черти его раздери, — и очень скоро Ангелы уже подхватывали вместе со всеми;

Ах, как рад я, что я — Ангел,  
все время весь в грязи!

Потом перед микрофоном возник Аллен Гинзберг с кастаньетами на пальцах и пустился в пляс, трясая длинной, до пуза, бородой и распевая протяжные индусские напевы, а микрофон разносил их по всей Калифорнии, США: «Х а р е К р и ш н а... Х а р е К р и ш н а... Х а р е К р и ш н а» — ну, и что это, интересно знать, за харя у какого-то там вшивого Кришны — что это за прикольный тип с такой уж выдающейся харей — однако что тут поделаешь, злись не злись, а тебя одолевает тот же экстаз, что и этого пижона. Гинзберг и впрямь привел

Ангелов в замешательство. Он воплощал в себе многое из того, что Ангелы ненавидели: еврей, интеллектуал, житель Нью-Йорка, и все-таки он был неподражаем — самый нормальный из всех ненормальных парней, каких они когда-либо встречали.

И все время весь в грязи!

Гнусные экстремисты — с наступлением темноты копы выстроились в ряд вдоль шоссе, машина за машиной, прямо за ручьем, у ворот, и делали попытки разобраться во всей этой чертовщине. Там и впрямь творилось нечто невообразимое. Проказники пустили в ход весь свой электронный арсенал, среди верхушек деревьев неистовствовал рок-н-ролл, по ущелью носились лучи прожекторов. над головами копов истоптанно вопила Станция КЛСД, во мраке сверкали, пошатываясь, люди, размалеванные светящейся краской, Ангелы заливались своим «Хо-Хо-Хо-Хо», Кэссади, сбросив с себя все, кроме чертовски мощного телосложения — только и одежды, что чертовски мощное телосложение, — размахивал руками и дергался, как на шарнирах, стоя в луче прожектора на веранде бревенчатого дома с бутылкой пива в одной руке, а другой угрожающе потрясая в сторону копов:

— Вы, суки позорные! Вы хули ждете? Идите сюда, я вам покажу... ебать ваши сраные душонки, ага! — заливаясь при этом хохотом и дергаясь, как на шарнирах. — Так что нехуй, вы, дети говноедов. Идите сюда. Вы у меня, блядь, все свое получите.

Суть в том, ребята, что перед нами в высшей степени непотребный пример деградации, компрометации и подрыва репутации, мы видим живьем доведенную до безумия распушенность в комплекте с самими Ангелами Ада, и при этом нам ничего не остается, кроме как сдерживать противника. Строго говоря, они вполне могли совершить вторжение на том основании, что Кэссади находился на людях в непристойном виде или еще что-нибудь в этом роде, однако при этом не был нарушен ни один из существующих законов, кроме разве что всех до одного законов Божьих и человеческих, — и все-таки лучшим выходом представлялась простая политика сдерживания. Вторгнуться во владения этих полоумных за такое ничтожное преступление, как демонстрация непристойностей, да

еще и в десяти машинах, битком набитых вооруженными копами, — такой опрометчивый поступок нелепо было даже вообразить. И полицейские мигалки вращались и отбрасывали яркие красные блики на крутой склон земляного утеса, создавая стробоскопический эффект, а рации связи с полицейским управлением работали на всю катушку, и оттуда, наряду с атмосферным свистом, то и дело раздавался язвительный двухсотдвадцативольтный электрический баритон-колючка: «Э-э-эй, мис-тер там-бу-рин-щик» — чего как раз недоставало, чтобы довести ущелье Ла-Хонда до полнейшего исступления.

## Хантер Стоктон Томпсон<sup>[12]</sup>

### Ангелы ада<sup>[13]</sup>

*(в сокращении)*

Но хотя бы одно по-настоящему полезное знакомство я Ангелам Ада обеспечил. Я свел их с Кеном Кизи, молодым писателем, тогда жившим в лесах рядом с Ла Хондой, к югу от Сан-Франциско. В течение 1965—1966 годов Кизи был дважды арестован за хранение марихуаны и в конце концов вынужден был покинуть страну, чтобы избежать солидного тюремного срока. Связь с Ангелами Ада, разумеется, не могла наладить его отношения с властями и заставить его соблюдать нормы приличия. Тем не менее, он все равно искал этого знакомства и ко всему прочему с чрезмерным усердием.

Я встретил Кизи одним августовским днем в студии KQED, образовательной телевизионной станции в Сан-Франциско. В близлежащей таверне мы быстро выпили пива, а потом мне пришлось уехать, потому что нужно было отвести запись бразильских барабанов в магазинчик «Каталажка». Кизи пообещал подойти туда позже. Во время встречи с четырьмя или пятью работавшими там Ангелами он произвел настоящий фурор. Несколько часов мы ели и пили, после символического обмена травой Кизи пригласил Ангелов из Фриско к себе домой в Ла-Хонду на субботнюю вечеринку. В распоряжении Кизи и его шайки Проказников было почти шесть акров земли, глубокий ручей между домом и дорогой. Тотальное безумие толпы захватило частное владение Кизи.

Так вышло, что судебное разбирательство в отношении Кизи закончилось в пятницу. В субботу заметки надлежащего характера вышли во всех газетах, которые только существовали в Ла Хонде. Примерно в это же время Кизи вывешивал на своих воротах огромный плакат с крупной надписью «Веселые Проказники приветствуют Ангелов Ада». При виде красно-бело-синего плаката длиной пятнадцать футов и три фута шириной занервничали соседи.

К середине дня я добрался до дома Кизи. Недалеко от ворот было припарковано несколько машин шерифов округа Сан-Матео. Примерно десять Ангелов уже находилось в сохранности на территории участка. Еще двадцать Ангелов, по их словам, были *en route*<sup>[14]</sup>. Примерно так закипала вода в этом котле.

Со мной были моя жена и сын; мы решили сходить на пляж, немного поесть перед тем, как присоединиться к Веселухе. Проехав несколько миль, мы остановились у главного магазина Сан-Грегорио, местечка, где нет жителей — это перекресток двух дорог, служащий тусовочным центром для местных работяг. У стоек с инструментами, упряжью и продуктами было тихо, но около бара шел оживленный спор. Местные жители выражали недовольство по поводу происходящего на дороге.

— Этот чертов наркоман, — сказал фермер. — Сначала его мариованна, теперь его Ангелы Ада. Видит Господь, он просто тычет нас мордами в грязь!

— Битники! — добавил еще один. — И фунта мочи не стоят.

Зашел было разговор о том, чтобы разобрать сейчас все топоры в магазине и пойти к Кизи, «чтобы вычистить местечко добела». Но кто-то сказал, что копы уже принялись за работу: «Посадят каждого на долгие времена, каждого сукина сына!» Так что топоры остались лежать на полке с инструментами.

К ночи анклав Кизи был заполнен людьми, музыкой и разноцветными огнями. Полиция внесла свою лепту, оставив машины с работающими мигалками <...> Красные и оранжевые всполохи освещали деревья и грязный отвесный склон у дороги. Прошлой весной во владения Кизи вторгся отряд из семнадцати копов с полудюжиной собак. Ими руководил печально известный федеральный наркоагент Вилли Вонг. Кизи и его двенадцать друзей были арестованы по обвинениям, связанным с марихуаной, но большинство из них рассыпалось по причине некоторых странностей в ордере на обыск. Вскоре после этого рейда Агента Вонга перевели на службу в другой округ. Местные же полицейские не рискнули ворваться во владения Кизи. Их вполне устраивало сидение в засаде на дороге за ручьем и наблюдение за всеми входящими и выходящими за ворота. Иногда помощники местного шерифа останавливали колледжских преподавателей, бродяг, юристов, студентов, психологов и



суперстильных хиппарей, выходящих из-за ворот, чтобы выпытать у них, что же там происходит. Короче говоря, полиция не много могла сделать в сложившейся ситуации — разве что проверить по радио, заплатили ли «Проказники» дорожные штрафы. Правда, это полицейские делали с поистине неослабевающим упорством. Время от времени они ловили какого-нибудь в хламину пьяного или тотального убитого типа, однако за несколько месяцев такого пристрастного дежурства они смогли поймать разве что полудюжину парней, не заплативших дорожные штрафы.

Тем временем вечеринки становились все громче и отвязнее. Теперь было совсем немного марихуаны, зато предостаточно ЛСД, который тогда еще не был запрещен. Копы стояли на дороге и видели за ручьем сцены, которые должны были пошатнуть основы их миропонимания. Здесь были все эти люди, сходящие с ума, вопящие, полунагие, извивающиеся под звуки рок-н-ролла, которые доносились из массивных динамиков на деревьях, вращение и мерцание в лабиринте психоделических огней <...> Дичь, ей-богу! И никакой закон не может остановить их.

С приездом Ангелов Ада у копов наконец появился повод — их *raison d'être*<sup>[15]</sup> — и они быстренько устроили охрану. В конце концов, Кизи перешел все границы дозволенного. Шайка битников и колледжских типов, поедающих некоторого рода невидимый наркотик — это тяжелое испытание, но вот банда прогнивших головорезов на мотоциклах стала той самой ощутимой угрозой, которую так сильно жаждал закон.

Первая вечеринка, на которой присутствовали Ангелы из Фриско, ознаменовалась ревушим успехом. Где-то около полуночи гонщик Пит, который шарился среди пивных бутылок, усмехнувшись, сказал: «Мужик, это чертовски прекрасная туса. Мы совсем не знали, чего нам ждать, когда мы ехали сюда, но все просто круто. На этот раз все просто ха-ха, а не тыдщ-тыдщ!»

Большинство Ангелов занимало оборонительные позиции — впрочем, ровно до тех пор, пока все они не напились. Правда, некоторых из них так и не покинула идея, что в любой момент на них могут напасть или побить <...> но, в целом, они понимали, что им самим придется сильно постараться, чтобы во всей этой ситуации появилось хоть какое-то напряжение. Люди Кизи были слишком

заняты собственным безумием, чтобы думать о таком грубом и жизненном явлении, как Ангелы Ада. На вечеринке присутствовали и другие звезды (среди прочих поэт Аллен Гинзберг и Ричард Алперт, ЛСД-гуру), и хотя Ангелы их не знали, им не пришла в голову идея делиться с кем-либо своей славой.

Это была первая встреча Гинзберга с Ангелами, и он быстро стал *aficionada*<sup>[16]</sup>. Позже ночью, когда стало известно, что все покидающие вечеринку схвачены полицией, Гинзберг и я вышли посмотреть, что все это значит. «Фольксваген», выехавший из ворот перед нами, был остановлен через полмили, его владельцев вытащили из машины для допроса с пристрастием. Наш план заключался в том, чтобы прибыть на место задержания с диктофоном, но я едва успел переключиться с первой передачи, как нас остановила машина другого шерифа. Я быстро вышел из машины с микрофоном в руке, чтобы спросить, в чем проблема. Вид микрофона заставил полицейских замереть в каком-то неом исступлении, они разве что задавали какие-то скучные вопросы. Один попросил мои права, в то время как второй отчаянно пытался игнорировать Гинзберга, который вежливо, но твердо пытался добиться каких-либо сведений о том, почему арестовывают всех, кто покидает вечеринку. Коп стоял расставив ноги, сцепив руки за спиной, тупо вылупившись. Гинзберг продолжал вопрошать его, пока второй полицейский проверял мои права. Я до сих пор наслаждаюсь, слушая запись той встречи. Это звучит так, как будто Гинзберг и я задаем друг другу риторические вопросы под дребезжание полицейской волны на фоне. И только время от времени доносятся односложные словечки, произнесенные другим голосом, но все наши вопросы остаются без ответов. Время от времени разговор пропадает вовсе — доносится только мурлыканье Гинзберга, исполняющего какую-то восточную рагу, и спастическое криканье голоса из штаб-квартиры. Сцена была настолько смешной, что спустя некоторое время даже копы начали улыбаться. Их отказ отвечать на вопросы неожиданно обернулся полной подменой ролей. Абсурдность всей ситуации вполне соответствовала нашему веселому расположению духа.

Полицейский, оставшийся разбираться с нами, с любопытством разглядывал Гинзберга. Внезапно он спросил:

— Сколько времени ты потратил на то, чтобы отрастить себе бороду?

Гинзберг перестал мычать, задумался ненадолго и ответил:

— Около двух лет — нет, я думаю, что-то вроде восемнадцати месяцев.

Коп задумчиво кивнул... так, как будто бы он сам хотел отрастить бороду, но не мог посвятить этому столько времени; двенадцать месяцев еще нормально, но восемнадцать — ну, шеф точно начнет беспокоиться.

Разговор опять прервался, возвратился второй полицейский и сообщил, что за мной нет неоплаченных дорожных штрафов. Примерно в этот момент я и предложил полицейским поговорить немного при выключенном диктофоне. Они согласились, и мы действительно поговорили. Полицейские рассказали, что они высматривают Ангелов Ада, а вовсе не Кизи. Рано или поздно эти хулиганы устроят какую-нибудь заварушку, и вообще, какого черта они здесь делают? Им также было интересно узнать, как я смог собрать так много информации об Ангелах.

— Как ты их разговорил? — спросил один. — И что, они тебя ни разу не побили? И что, они позволяют тебе шлаться с ними? Да что вообще с ними такое? Они действительно настолько плохие, как нам говорили?

Я сказал, что Ангелы, возможно, даже еще хуже, чем они слышали, но лично мне они зла не сделали. Полицейские признались, что не знают об «отверженных» ничего, кроме того, что пишут в газетах.

Мы расстались по-хорошему, если не считать штраф, который мне все-таки впаяли — за треснувшие задние фары. Гинзберг напоследок спросил, почему был схвачен водитель «Фольксвагена». Через несколько минут по радио ответили: он не покрыл дорожный штраф несколько месяцев назад, и теперь те 20 долларов превратились в 57 долларов, как это и бывает в Калифорнии. На этот раз деньги необходимо было заплатить наличными, чтобы бедняга мог быть освобожден. Но ни у Гинзберга, ни у меня не было 57 долларов, так что мы записали имя жертвы, полагая отправить на его спасение какого-нибудь из его дружков, оставшихся у Кизи. Но так вышло, что никто не был знаком с бедолагой, и, насколько я знаю, он все еще пребывает в городской тюрьме Редвуда.

Вечеринка продолжалась два дня и две ночи; за это время возник всего один кризис. Некий вдохновенный гражданин (имя убрано по настоянию адвокатов издателя — *прим. авт.*), ставший прототипом героев нескольких современных романов, встал голый на одной стороне ручья. Он разразился длинной, брутальной, обличительной тирадой в адрес копов, стоявших всего в двадцати ярдах от него. Он покачивался и визжал в лучах яркого ослепительного света, одной рукой держа бутылку пива, а другой потрясая в воздухе кулаком, угрожая объектам своего презрения:

— Вы, суки позорные! Вы хули ждете? Идите сюда, я вам покажу... ебать ваши сраные душонки, ага!

Он засмеялся и начал размахивать своей бутылкой.

— Так что нехуй, вы, дети говноедов. Идите сюда. Вы у меня, блядь, все свое получите.

К счастью, кто-то вовремя оттащил его обратно, все еще голого и визжащего. Его пьяные обращения в адрес полицейских могли бы обернуться настоящей катастрофой. В Калифорнии и большинстве других штатов полиция не имеет права ворваться на территорию частной собственности без ордера до тех пор, пока у полицейских не будет полной уверенности в том, что в данный момент там совершается некое преступление, и пока их не «пригласит» какой-нибудь житель этой территории. При особом настроении копы вполне могли бы расценить перфоманс этого голого гражданина как приглашение. Вечеринка находилась уже в той стадии, когда подобное развитие событий неминуемо привело бы к насилию — Ангелы явно не захотели бы стать жертвами облавы, ко всему прочему они были слишком пьяны, чтобы думать о последствиях.

Немного времени потребовалось для того, чтобы в других отделениях Ангелов Ада узнали о чудо-вечеринках в Ла Хонде. Отряд Ангелов из Окленда разведаль ситуацию и вернулся с такими восторженными отзывами, что Ла Хонда быстро стала настоящей Меккой для Ангелов со всей Северной Калифорнии. Они приезжали без приглашения, обычно группами от пяти до пятнадцати человек, и оставались на вечеринке до тех пор, пока не становилось скучно или пока не заканчивалось ЛСД, которое до знакомства с Кизи довелось попробовать лишь немногим.

Задолго до того, как «отверженным» полюбилась Ла Хонда, отвязные кислотные вечеринки уже начали всерьез беспокоить респектабельных поклонников ЛСД — ученых, психиатров и других представителей научных областей, изучающих поведение человека. Они полагали, что данный наркотик необходимо принимать в ситуации «контролируемого эксперимента», с опытным «проводником», и притом только тем субъектам, которые находятся под длительным наблюдением врачей. Подобные меры предосторожности должны были уберечь подопытных от так называемых бэд-трипов. Любое замеченное умопомрачение тут же подавлялось транквилизаторами — ну, например, если подопытный вдруг начинал страстно жаждать крови или предпринимал попытки оторвать себе голову, чтобы лучше увидеть, что там внутри.

Сторонники экспериментального использования наркотика догадывались, что публичные ЛСД-оргии приведут к неминуемой катастрофе, которая положит конец всем их исследованиям. Не вселяли особого оптимизма мысли о том, что будет, если Ангелы — почитающие жестокость, насилие и свастику — вдруг окажутся в толпе интеллектуалов хипстеров, радикалов марксистов и пацифистов манифестантов. Страшно было подумать, что кто-то сохранит трезвость <...> но это, конечно же, было невозможно. Когда все пьяны, накурены или удолбаны, никто не в состоянии делать какие-либо объективные замечки, не может быть никаких «проводников», не может быть никаких разумных наблюдателей, способных потушить огонь или спрятать ножи для разделки мяса <...> никакого контроля вообще.

Люди, которые постоянно посещали вечеринки у Кизи, не переживали так сильно, как те, кто только слышал о происходящем в Ла Хонде. Анклав был публичным только в том смысле, что каждый, кто чувствовал себя на одной волне с Кизи, мог пройти за ворота. Но уже внутри человек, который не мог заговорить с ними на одном языке, вдруг становился очень тихим. Кислотным фрикам не свойственно многословное гостеприимство; они, не мигая, смотрят на незнакомцев или сквозь них. Многие гости были напуганы таким приемом и больше никогда не возвращались. Те, что оставались здесь, по большей части были богемными беженцами этого мира. Чувство взаимозависимости заставляло их воздерживаться от враждебности.

Для этой же цели здесь, за ручьем, всегда находились полицейские, которые могли вторгнуться в любой момент. (Полагаю, что невмешательство копов было обусловлено не только пониманием того, что за нелегальные аресты им потом в суде будет стыдно. Я уверен, они также чувствовали, что если достаточно долго ждать, все эти сумасшедшие в один прекрасный день сами перебыют друг друга. Таким образом, будут сохранены деньги налогоплательщиков, которые не придется тратить на подготовку документов и запутанные судебные разбирательства. — *Прим. авт.*)

Перевод *Ольги Кузьменковой*

## Роберт Крайстго

### Элвис Пресли: взрослеющий рок

В детстве я не был фанатом Элвиса Пресли. Честно говоря, я его вовсе не переносил. Так получилось, что я слышал «Don't Be Cruel» три или четыре раза до того, как узнал, что эту песню исполняет именно он. И после того, как я признался себе в том, что «подсел» на эту песню, мне было нетрудно перенести свою «любовь» и на «All Shook Up». Но я никак не мог понять всего этого ажиотажа вокруг «Heartbreak Hotel» — довольно остроумной пародии Стэна Фреберга<sup>[17]</sup> было достаточно, чтобы отказаться даже слушать «Hound Dog» или «Love Me Tender». Возможно ли, что я был единственным американцем до 16, который не был заражен этим взрывным обаянием Элвиса-Пэлвиса? Боб Дилан<sup>[18]</sup> души не чаял в Элвисе, а мне казалось, что он был просто очередным слащавым пареньком с гелем на волосах.

Конечно, он был этим слащавым пареньком. Что мне в нем не нравилось, так это то, что он напоминал мне тех уродов-верзил в школе, которые грозились меня избить. Все его музыкальные соратники были нелепо комичны, и большинство из них были черными. К ним я был абсолютно равнодушен. Мне нравились записи Джерри Ли Льюиса<sup>[19]</sup>, но меня несколько не удивила и уж тем более не впечатлила его женитьба на собственной родственнице, которая была младше меня; на подобного рода поступки отваживался сумасшедший люд из Луизианы. И меня очень рассмешило, когда я впервые увидел Фэтса Домино<sup>[20]</sup> по телевизору — на нем было что-то вроде высоких белоснежных баскетбольных кроссовок с каучуковыми подошвами толщиной в целый дюйм. Элвис же был другим. Как и большинство честных и порядочных молодых людей, я, должно быть, завидовал тому впечатлению, который он производил на девушек. И возможно, у меня появился даже такой отличительный знак; тем я и выделялся из толпы, что игнорировал эту его слепо всеми принимаемую популярность. Однако все было несколько проще. Элвис

был настоящим — совсем как те ребята, с которыми я был тогда знаком. Именно этим он меня и пугал.

Много позже, уже после The Beatles, я снова начал размышлять об Элвисе. Уже долгие годы я был убежден, что Чак Берри, как говорится, «истинный народный артист» — он был чернокожим, в конце концов. Я понял, что половина всех моих друзей были рокерами в душе только чтобы напугать людей, которым выгодно было немножко бояться, включая не только взрослых, но и юношей-натуралов. Но Элвис меня не вдохновлял. Он уже десять лет как был погружен в голливудское болото, и, тем не менее, журнал Melody Maker до сих пор присваивал ему титул лучшего вокалиста планеты из года в год. Те немногие из его синглов, ставшие большими хитами, превратились в несокрушимые памятники наивному сентиментализму. Он все еще был звездой в Центральной Америке. Его фильмы приносили деньги, объемы продаж его альбомов были удивительны, даже его синглы, которые не услышал Нью-Йорк, медленно, но верно добирались до 50-го места в национальных рейтингах. И все-таки карьера Пресли клонилась к закату.

Но вдруг я начал его понимать. Всю свою жизнь я слыл фанатом рок-н-ролла, и мне даже стало не хватать Элвиса, который был олицетворением всего лучшего и худшего в рок-н-ролле. Он был тем самым белым южным пареньком, который хотел быть таким, как его чернокожий сосед. Он был юношей в черной кожанке, который стал поэтом, но не каким-нибудь парнем с бакенбардами, который стал копом. Восстание, начатое им, прервалось двумя коротко стриженными годами в армии. Он был воплощением взрывной сексуальности, провозглашавшей холодные и бесстрастные кальвинистские гимны. Он вобрал в свой образ идеального американца весь американский фолк — блюз, кантри и госпел, — а его гений трансформировался в розовый «Кадиллак». Посему, вы должны были признать, что если это и является истинным лицом розового «Кадиллака», то уж розовый «Кадиллак» — это не так плохо, как казалось.

Затем, как раз когда наступил 1968 год, были предположения, что Элвис не был намерен уйти в забвение «стоимостью» в миллион долларов. А может быть, сборы с фильмов начали падать, и поэтому он начал беспокоиться, что цена его ухода со сцены вот-вот начнет



стремительно падать. Как бы то ни было, он снова обратился к рок-н-роллу. Его синглы — «Big Boss Man», «Hi-heel sneakers», «U.S. Male» — зазвучали «как надо». Позднее, в этом же году, он записал небольшой телеконцерт, где выступил в кожаном костюмчике перед выбранной аудиторией живьем. Начав с «Guitar Man», закончил песней «If I Can Dream» с мягкой соцморалью, которая в итоге вошла в «Десятку лучших». И на этом шоу ему аккомпанировал чернокожий хор. Элвис если не с восхищенным фанатизмом, то с истинным уважением говорил о корнях своей музыки. Когда Грил Маркус<sup>[21]</sup> принес мне запись концерта, я осознал, насколько значимым было это выступление. Маркус прослушал и оценил столько музыки, сколько способен прослушать и оценить объективно мыслящий человек. И он утверждает, что Элвис, может быть, сделал лучшее в своей музыке той решающей ночью, когда он *вернулся*. Ведь легко забыть, что Элвис был, или есть, или может стать великим певцом. Каждый случай, который опровергает этот факт, ведет к упадку певца.

Тем не менее, он до сих пор в упадке. Никто более не высказывает и не называет его ничтожеством и бесталанным певичкой. Но теперь принято думать об Элвисе как о порождении Колонела Паркера, именитого гения-менеджера. Всякие непрофессиональные социологи считают, что не будь Элвиса — кто-нибудь другой занял бы пустующую культурную нишу, которую в свое время занял он. Такие историки рок-н-ролла, как Чарли Джилетт, уверены, что лучшую музыку Элвис делал в студии Sun Records в Мемфисе, коей заправлял Сэм Филипс — любитель молодых и многообещающих блюзовых исполнителей. Но перестал, отдавшись в руки алчным продюсерам из RCA Victor в 1955 году. Другие относят кризис Пресли к фильму «Love Me Tender», ставшему своего рода «побочным эффектом» его первой «розовой» баллады. Политологи утверждают, что он был вынужден усмирить свое важное для карьеры и имиджа бунтарство, когда ушел-таки в армию в 1958 году, еще одни полагают, что Элвис сдулся, когда прекратил гастролировать в 1961 году. В итоге он стал еще одним Томом Джонсом.

Не стоит недооценивать ни одного из этих мнений. С Элвисом неразрывно связан образ розового «Кадиллака». Проблема розовых «Кадиллаков» в том, что за красивым широким стеклом не увидишь того, кто за рулем. Эта громоздкость, тяжесть, которая сама себя

защищает от превращения в упадок... Правда в том, что Элвис не был порождением природы или массмедиа. Он и смышлен, и гениален. Он знает, что делает. Проницательность Колонела неоспорима, и его усилия, безусловно, подпитывали процесс создания Элвиса как легенды. Но его музыкальное влияние всегда было ничтожным даже в последние годы. Элвис сам полностью завоевал первый план и как артист, и как создатель собственного образа, оставив своему менеджеру весь бизнес. Натурален образ или нет — а я подозреваю, что натурален, — суть его ясна: Элвис — разудалый рокер, и в то же время, сентиментальный паренек-южанин. Привкус этакой «сопливости» чувствовался в самом начале его карьеры: первой песней, которую он записал, была композиция «My Happiness» — подарок матери, которую он обожал. И он всегда хотел попасть в Голливуд.

Элвис — как человек, очень достоверно исполняющий «черную» музыку — историческая необходимость; но великолепность его образа затмила эту необходимость и, наверное, даже создала ее. На ранних сессиях в Sun Records, в песнях, записанных в RCA, во множестве композиций на том самом телешоу в 1968 году, создавая классический хитовый сингл в 1972-м, Элвис представляет уникальные таланты: его чувство слога вместе с энергетикой, его жесткость вместе с нежностью, провокационная «беззаботность» его тембра — это необходимые, жизненно важные составляющие магнетизма, которого Чарли Рич, или Конуэй Твитти, или Карл Перкинс<sup>[22]</sup> никогда бы не смогли достигнуть. Более того, он, как выясняется, сам создавал свои записи, не только выбирая аккомпанирующих музыкантов и тот материал, с которым предстояло работать, но и работая над аранжировкой в студии. Если блаженная ответственность за «Rubber Soul» и «Сержанта Пеппера»<sup>[23]</sup> лежит на The Beatles, то Элвис Пресли — *творец* «It's Now or Never», своего второго сингла постармейских лет, основанного на «O Sole Mio» и оказавшегося самой продаваемой записью в его карьере.

Я начал осознавать это, когда слухи о большом живом выступлении, первом за восемь лет, начали распространяться в первой половине 1969 года. Все ожидали обычную программу выступлений на сцене. Когда объявили что этот величайший эксперимент будет происходить на сцене Showroom Internationale — Международного

отеля Лас-Вегаса, — многие разочаровались. Я получил письмо от оказавшегося немиллионером человека с Лонг Айленда, который вылетел в Лас-Вегас только чтобы посмотреть на Элвиса, но никто из профессиональных рок-музыкантов с востока страны не ощутил такой необходимости. Нас всех восхищали Чак Берри, Литтл Ричард, Джерри Ли Льюис — представители славной плеяды воскресителей рок-н-ролла. И мы находились в ожидании чего-то достойного — добротного, профессионального рок-н-ролла. Безусловно, этот паренек с прилизанными волосами нас нисколько не трогал.

Элвис Пресли с 1956 года поддерживал лейбл RCA Victor, и этот лейбл был беспросветно окружен магией. Владелец Международного отеля в Лас-Вегасе пригласил команду корреспондентов из RCA на открытие. Мы могли остановиться на столько времени, на сколько заблагорассудится. Как и большинство приглашенных, я никогда не был в Лас-Вегасе. Элвис был существенной мотивацией, но только как часть целого «пакета».

Как выяснилось, Международный отель Лас-Вегаса — один из самых престижных и богемных отелей Америки, напыщенность и бессмысленность — идеально подходил Элвису. The Showroom Internationale, на удивление показушный ночной клуб с двумя тысячами мест, стилизовал свой филиал в Caesar's Palace под придорожную закусочную. На открытии добрая половина публики, казалось, умерет сейчас же от подагры. По мере того как я восхищался заголовком «Bon Appetit» в меню, мне стало не по себе. Когда двадцатидвухсоставный оркестр прошелся по «How High the Moon», «Alfie» и «The Impossible Dream», мне стало *совсем* не по себе. Особенно после 30-минутной цитаты Дона Рикклса какого-то комедианта по имени Сэмми Шор. На сцене появился мужской хор Imperials, а вместе с ним и небольшая инструментальная группа. Я приготовился к очередной части разогрева — «D-I-V-O-R-C-E», «Danny Boy» и «Do You Know The Way To San Jose?». Вдруг на сцену вырвалась гибкая фигура в модифицированном черном кимоно и влилась всем телом в «Blue Suede Shoes». Угадайте кто?

Все было как в пятидесятых годах. Мы пребывали в восторге, пока полностью не осознали, что на самом деле произошло. Одна девушка-критик восторженно скакала на своем стуле, а менеджер по связям с общественностью из RCA вопила и хлопала в ладоши так, как

не подобает менеджеру по связям с общественностью. Каждый старикан показал абсолютную бесшабашность. Элвис был фантастичен. Он был одет стильно, но без выпендрежа. Бакенбарды выходили чуть вперед, волосы достигли идеальной длины. Его ребячески пухлые щеки превратились в четкие и по-взрослому выделенные скулы. Его репертуар был безупречен — от «That's All Right, Mama» и до «Yesterday», но упор был сделан на старый добрый рок-н-ролл. Большую часть концерта его оркестр молчал; парень позади отстукивал время на виолончели. А группа Элвиса поддержала все выступление. Но самое важное — Пресли не просто доказал, что он не очередной слащавый паренек с гелем на волосах, но и показал очень точно свою ироничную натуру. В жизни Элвиса было достаточно и рока, и сентиментальности, чтобы найти ту точку, где одна сторона натуры отрицает другую. Каждый раз, когда он двигал бедрами или опускал веки, женщины кричали. Но сам Элвис знал, что они кричат, по сути, из-за воспоминаний, но не из-за того, что видят. И мы знали, что он знал. Как и битлам, ему было достаточно своей неприкосновенной славы. Это было частью его действия.

После этого я не видел Пресли почти три года и к тому времени был готов на всякие сюрпризы. А он был доволен собой. Хиты выходили чаще, но все были плаксивыми — он не выпустил ни одной удовлетворительной записи после «Suspicious Minds» и «Memphis to Vegas» — сингл и альбом, вышедшие после концерта в Вегасе. Билеты на большие концерты продавались мигом. Но все вокруг говорили, что его щеки снова стали пухлыми, а концерты проходили мягко и без эпатажа.

Все же в июне 1972 года в расписании Madison Square Garden было записано четыре шоу подряд. Впервые Элвис выступал в Нью-Йорке. И я даже не рассматривал возможности упустить это. Мне составили компанию два друга, которые в 1969 году были более озабочены политикой партии Weathermen, нежели приездом Элвиса в Лас-Вегас. Тем не менее мы слились с толпой. Она состояла из офанатевших девочек-подростков и юношей. Будто бы это было неотъемлемым дополнением к фанатам среднего возраста, которых Элвис всегда притягивал. Но, по крайней мере, половине пришедших можно было дать от 25 до 33 лет. Вы, конечно, можете сказать, что такого рода публику собирает Том Джонс, но эта публика была другой.

Одежда была непринужденной, волосы — неряшливей; фанаты были разных полов и возрастов. Из 80 тысяч, пришедших в эти выходные на концерт, было около 50 тысяч, которые закончили школу где-то до приезда The Beatles<sup>[24]</sup> и после этого не видели друг друга ни разу. Элвис, таким образом, «случайно» организовал самую масштабную встречу выпускников в истории.

Ансамбль Sweet Inspirations был принят публикой хорошо, но в ту ночь, когда я был там, одного комедийного актера едва не закидали помидорами. Казалось, что подростковая злая энергия немедленно потребовала выхода. В антракте начали продавать сувениры, и толпу просили не вскакивать и не кидаться на что ни попадя. Свет приглушили, и оркестр сыграл несколько аккордов.

Зал осветился вспышками прожекторов, когда Элвис появился в невероятно крикливом бирюзовом костюме с взъерошенными волосами, окрашенными в черный цвет. Темные волосы на груди выпячивались из распахнутой рубашки. Сначала он запел «That's All Right, Mama», затем пустил в ход современный мейнстрим: бодренькие хиты Creedence, Three Dog Night и Тони Джо Уайта, баллады Баффи Сент-Мари и Дасты Спрингфилд<sup>[25]</sup>, The Righteous Brothers. Все песни были замечательны. Визги и восторженные крики раздавались при самых непринужденных курсированиях Элвиса по сцене. Но больше удивлял и поражал тот контроль над людьми, которым он завладел, не прилагая никаких усилий. Все, включая меня, двигалась и дышала как одно целое. Эмоции были сравнимы только с политической гонкой-дебатами или победой спортивной команды. При этом источник этой энергетики — сексуальность, но не в скрытой форме, а в самой что ни на есть недвусмысленной, открытой. Выплеск этой энергии достиг соединения любви, чувства единения в каком-то общем самосознании.

Установив градацию личностей слушателей, Пресли занялся поиском ее связи с прошлым — когда личности эти только созревали. Он не остановился на славе старых хитов. Он драматизировал нашу отдаленность от нас самих в молодости в песне «Ан Shook Up» с очень незначительными телодвижениями и презентуя «Hound Dog» как свою «песню протеста выступления», как, в общем, всегда и было. И затем он вернул нас обратно в настоящее многострадальной «Bridge Over Troubled Water». Несметное количество кавер-версий уже мешало

нормальному ее восприятию. Но несмотря на это, песня остается эпохальным произведением, потому что это песня о дружбе — о связях между людьми, которые воспевались в «You've Got A Friend» и «Lean On Me».

С песней «Suspicious Minds» концерт достиг апогея. В какой-то момент Элвис симпровизировал, поменяв слова в одной строке, будто бы он сам уже не доверял своей энергетике и восторгу; будто бы сделал ошибку. Видимо, этот экспромт удался, и, таким образом, он добавил себе энергии не только натуральным образом, но и непроизвольно смоделировав ситуацию полной эйфории от чего-то непредсказуемого и нового. Волну восторга просто нельзя было остановить. Затем последовала песня «For The Good Times» Криса Кристофферсона<sup>[26]</sup>, которая, как и «Suspicious Minds», цепляет взрослую аудиторию самыми душещипательными подробностями первой влюбленности. Мы стали старше. Ну и что: мы помнили, мы сопереживали и были все вместе еще один раз. Когда Элвис попрощался со всеми, исполнив «Can't Help Falling In Love», казалось, что он поет для каждого из нас.

В записи этот монументальный концерт звучал довольно посредственно, как, впрочем, и другие живые записи Элвиса. Это вовсе не значит, что мой восторг в Madison Square Garden был мнимым. Дело в том, что на самом концерте Элвис работал не в одиночку — он работал над концертом со всеми моими «братьями» и «сестрами» в зрительном зале. Конечно же, в большинстве случаев эти люди вряд ли бы почувствовали себя моими братьями и сестрами. Многие из них, возможно, грозили мне в школе кулаками, и я бы точно никогда не пошел с ними на встречу выпускников. И гений Элвиса в Лас-Вегасе ничем не отличался от его гения в Нью-Йорке. Он успешно воодушевлял меня на соединение с людьми, чьи ценности коренным образом отличались от моих.

Если закрыть глаза на суетность и амбиции Элвиса, то станет ясно, что его ценности гораздо больше соответствуют ценностям среднестатистического американца средних лет, чем мои или, возможно, ваши. Он облегчает наше восприятие альтернатив, других взглядов. Я достаточно много думал о его сомнительной карьере с восхождениями и падениями. Но в итоге сделал заключение, что Элвис пришел к своим ценностям и устоям, пройдя через самый сложный и

естественный процесс страданий и борьбы с самим собой. Каждый «пятидесятник», который решил работать и завести семью — неважно, насколько это желание было искренним — проходил через то же самое. Люди делают то, что дает им выжить. И несмотря на то, что они меняются, осадок протеста и бунта остается. Наше поколение, первое, в котором городское общество — не только фанаты джаза и любители Коула Портера<sup>[27]</sup>, не только одержимые кантри-вестерн кальвинисты и приверженцы блюза — признает душевные песни про любовь *ядром* этой музыки, этого течения. И признает дружбу как необходимое человечеству чувство. Я очень надеюсь, что мы продвинемся еще дальше. Но я уже доволен этим «мы», и мне хочется верить в то, что как-нибудь мы с вами совершим заветную поездку на каком-нибудь подобии розового «Кадиллака».

Август 1969 года

Перевод *Искандера Еримбетова*

## **Карл Бернстин, Боб Вудворд**

### **Пять человек обвиняются в прослушивании штаб-квартиры демократов**

Воскресенье, 18 июня 1972 года

Прослушивающие устройства были установлены в штаб-квартире демократов. Вчера, в 2:30 ночи, пять человек по подозрению в этом преступлении были задержаны.

Один из подозреваемых ранее работал в ЦРУ, второй — тренировал кубинских ссыльных для партизанского подполья в 1961 году. Остальные трое — жители Кубы.

Подозреваемые были задержаны в гостинице «Уотергейт» на Вирджиния Авеню, где офис национального демократического штаба занимает целый этаж.

Зачем пятеро подозреваемых собирались прослушивать разговоры в офисе демократов? На кого они работали? Пока неясно.

Представитель демократического национального комитета заявил, что цель непонятна и ему. В офисе находилась самая разнообразная документация. Что именно интересовало подозреваемых?

В полиции сообщили, что были отодвинуты две панели на потолке в кабинете секретаря демократической партии Дороти Буш. Кабинет Дороти Буш смежен с кабинетом Лоренса О’Брина, председателя демократического национального комитета. Вполне возможно, что злоумышленники собирались провести прослушивающие устройства через панели кабинета Дороти Буш в кабинет председателя.

Пять подозреваемых, все в резиновых перчатках, были пойманы в одной из комнат национально-демократического штаба. В полиции заявили, что у преступников было, по крайней мере, два устройства, с помощью которых можно прослушивать разговоры, в том числе и телефонные. Полиция обнаружила у подозреваемых отмычки, лом и две тысячи триста долларов, все стодолларовыми купюрами с последовательными серийными номерами. Также изъяты: рации, приемник, способный настраиваться на «полицейскую» волну, сорок



катушек с отснятой пленкой, две 35-миллиметровые камеры и три маленьких, с ручку, слезоточивых устройства.

Рядом с задержанными, в кабинете, нашлись две коробки с важной документацией. Один из сотрудников национального комитета догадался, что подозреваемые собирались сфотографировать содержимое.

Вчера на суде один из подозреваемых заявил, что все они — антикоммунисты. Остальные задержанные поддержали его. Прокурор Эрл Силберт охарактеризовал преступную операцию как «тайную» и «профессиональную». Как удалось узнать «Вашингтон Пост», один из кубинцев — майамский слесарь.

Пятеро подозреваемых — это:

Джеймс Маккорд, псевдоним Эдвард Мартин, проживающий в Нью-Йорке. Вчера на суде Мартин рассказал, что ушел из ЦРУ два года назад и теперь нанят «консультантом по безопасности».

Франк Стурджис, проживающий в Майами. Прокурор сообщил, что проверка ФБР показала — в 1958 году Франк служил в кубинских войсках, недавно посетил Гондурас. Сейчас он сотрудник Агентства спасения Гаваны. В Майами у него остались дом и семья. Некоторое время назад, согласно отчетам ФБР, Стурджис обвинялся в незаконном хранении оружия.

Эухенио Мартинес, проживающий на авеню Северного Меридиана в Майами. Обвинители утверждают, что в 1958 году Мартинес нарушил законы иммиграции: он незаконно прилетел в Кубу на частном самолете. Мартинес — агент по продаже недвижимости и нотариус во Флориде.

Вирджильо Гонсалес, проживающий на 23-й авеню в Майами. Жена Вирджильо вчера рассказала репортеру «Вашингтон Пост» о том, что муж ее работал слесарем в магазине Missing Link. Гарри Коллот, владелец магазина, сказал, что по договору Гонсалес должен был работать вчера, но не пришел. «Он и раньше иногда не являлся на работу, но никогда не злоупотреблял прогулами», — сказал Коллот. По мнению Коллота, Гонсалес прибыл в Америку на пике славы Фиделя Кастро. Примерно в 1959 году Вирджильо устроился на работу в Missing Link. Хозяин магазина охарактеризовал подозреваемого как «проамериканца и антикастровца», но добавил, что Вирджильо никогда не лез на рожон и не был помешан на своих убеждениях.

Бернард Баркер, проживающий на 4-й улице в Майами. Дуглас Кэдди, один из адвокатов пяти подозреваемых, заявил, что вчера вскоре около трех ночи ему позвонила жена Баркера. «Она сказала, что муж просил позвонить мне, если он ей не позвонит до трех ночи. Это значит, что он в беде».

Все подозреваемые были признаны виновными во взломе и попытке кражи. Все, кроме Мартина, отпущены под залог в 50 000 долларов. Мартин, благодаря своим связям в нужных кругах, был отпущен под 30 000.

Вчера в суде прокуроры доказали, что Стурджис использовал псевдоним — Франк Флорини. Полиция Майами подтвердила эту информацию. В 1959 году Флорини, по сводкам федерального авиационного агентства, с самолета разбрасывал над Гаваной антикастровские листовки. В газетных заметках того времени его называли «солдатом удачи». По слухам, Флорини был главой международной антикоммунистической организации, тренировал высланных с родины кубинцев. Двадцать три из них в 1962 году нелегально высадились в кубинской провинции, чтобы осуществлять партизанские операции.

Ночью, без десяти два, охранник в «Уотергейте», двадцатичетырехлетний Франк Вилс, заметил, что дверь, соединяющая лестничную клетку с гаражом, открыта. Охранник позвонил в полицию.

Трое полицейских прибыли на вызов. Они обнаружили, что от подвала до шестого этажа все двери, ведущие на лестничную клетку, были открыты. А на шестом этаже, там, где располагались офисы национального комитета, дверь была и вовсе взломана.

Во главе с сержантом Полом Леппером полицейские начали осмотр шестого этажа, где в двадцати девяти кабинетах работает более семидесяти сотрудников. Когда полицейские вошли в кабинет Секретаря лидера партии Стэнли Григга, из-за стола выскочил один из взломщиков, поднял вверх руки и закричал: «Не стреляйте!».

По данным полиции и записям в Уотергейте, в пятницу четверо из подозреваемых арендовали в гостинице «Уотергейт» две комнаты: 214-ю и 314-ю на вымышленные имена. Задержанные утверждают, что в пятницу ночью обедали все вместе в ресторане гостиницы.

Вчера днем был получен ордер на обыск гостиничных номеров, которые занимали подозреваемые. Полицейские обнаружили четыре тысячи двести долларов стодолларовыми купюрами с той же самой последовательностью серийных номеров, что и на деньгах, изъятых у подозреваемых ранее. Также в шести чемоданах было найдено огромное количество инструментов для взлома и оборудования для прослушивания. Одно из найденных прослушивающих устройств было размером с серебряный доллар, такое легко можно спрятать под телефоном или столом.

Согласно данным полиции, с 28 мая это уже третий случай кражи в штаб-квартире демократов. Двадцать восьмого, между 23:00 и 8:00, была предпринята попытка взлома одного из кабинетов. По крайней мере, некоторые из подозреваемых были зарегистрированы в ту ночь в «Уотергейте».

7 июня, около девяти вечера, сейф демократического национального комитета был взломан. При этом дверь, ведущая в кабинет с сейфом, взломана не была, и служащие все еще находились в штабе.

Через несколько часов после ареста подозреваемых штаб-квартира была распечатана. Для дальнейшего разбирательства действующим руководителем Чарльзом Райтом мобилизована полиция, агенты ФБР и работники секретной службы.

Кэдди, адвокат Баркера, рассказал, что встретился с ним год назад в вашингтонском Армейском морском клубе за коктейлем. «У нас состоялся достаточно приятный разговор. Это все, что я вам скажу», — заявил Кэдди. Он добавил, что, скорее всего, был единственным адвокатом, которого Баркер знал в Вашингтоне.

Кэдди, корпоративный адвокат, во время вчерашнего слушания пытался просто тихо отсидеться. Он не возражал верховному судье Джеймсу Белсону, тому пришлось призвать другого адвоката, опытного Джозефа Рафферта.

Помощник адвоката Эрл Силберт, второй человек в прокуратуре, убеждал не отпускать пятерых подозреваемых под залог. Он считает, что этих людей ничего не держит в стране, и при первой же возможности они убегут за границу. Если они уже обманули полицию и назвали фальшивые имена, что им стоит обмануть еще раз и скрыться?

«Их поймали на месте преступления. Против них огромное количество улик. К тому же у них имеется доступ к крупным суммам наличных. Налицо явное желание скрыться за границей. Их ни в коем случае нельзя отпускать под залог», — заявил Силберт.

Силберт назвал подозреваемых «профессионалами с загадочной целью».

Раффертай сказал, что пятеро задержанных никому не вредили и их можно спокойно отпустить под залог.

В конце концов, суд постановил: майамцев освободить под залог в 50 000, а Мартина под 30 000. Судья Белсон ограничил передвижение подозреваемых: подозреваемые из Майами должны оставаться в районе Вашингтона и ежедневно отмечаться в суде. Мартин должен отмечаться еженедельно.

Гридж, лидер партии, назвал «очень важным» то, что большинство подозреваемых родом из Майами, где вскоре должен пройти национал-демократический съезд.

В подготовке этого материала задействованы штатные сотрудники «Вашингтон Пост»

Перевод *Надежды Антufьевой*

### **Среди пяти арестованных по делу прослушивания — помощник республиканской партии по безопасности**

Понедельник, 19 июня 1972 года

Среди арестованных в субботу в офисе демократов — начальник отдела безопасности штаба переизбрания Никсона.

Боб Дол, глава республиканского национального комитета, сообщил вчера, что с пятидесятилетним экс-цэрэушником Джеймсом Маккордом у комитета был подписан контракт на предоставление услуг по безопасности.

Экс-генеральный прокурор Джон Митчелл, глава штаба по переизбранию президента, заявил вчера, что и они платили Маккорду за помощь в организации системы безопасности.

И Маккорд, и все остальные задержанные в офисе демократов «находились там с нашего ведома и согласия», — известил Митчелл в своем лос-анджелесском обращении.

Дол сделал схожее заявление, добавив: «Мы против подобных действий в принципе. Независимо от того, в рамках они политики или нет». Дол утверждает, что сейчас еще не понимает, для выполнения каких в точности обязанностей комитет нанял Маккорда.

По слухам, полиция пытается обнаружить шестого человека, непосредственно связанного с преступлением. Более точной информации пока нет. По сведениям людей, близких к следствию, до сих пор неясно, зачем пятеро подозреваемых собирались прослушивать демократический штаб. Также непонятно, на каких людей или организацию они работали. «Здесь мы сбиты с толку. Тайна все таинственнее», — прокомментировал высокопоставленный чиновник в демократической партии.

Председатель демократического национального комитета Лоренс О'Брин заявил: «За последнюю четверть века целостность политических процессов еще не оказывалась под таким вопросом. Голословным уверением в непричастности к этому делу организаторы предвыборной кампании господина Никсона не отделаются».

Получить комментарии у кандидатов в президенты от демократической партии не удалось. О'Брин в своем обращении к генпрокурору Ричарду Клиндинсту попросил ФБР провести «тщательное расследование». Вчера пресс-секретарь Клиндинста сообщил: «ФБР ведет расследование... Их прелюбопытный доклад будет передан подразделению по уголовным делам для дальнейшего следствия».

Белый дом комментариев не дал.

Пятидесятитрехлетний Маккорд в 1970 году, после 19 лет работы, ушел из ЦРУ и открыл свою собственную «фирму по безопасности». По данным соседей и друзей, Маккорд, полковник воздушных сил в запасе — активный баптист.

Другие подозреваемые — жители Майами:

Франк Стурджис (также известный как Франк Флорини), американец. Служил в армии Фиделя Кастро, а после натаскивал партизанские подразделения ссыльных-антикастровцев.

Эухенио Мартинес, нотариус, агент по продаже недвижимости, активный антикастровец.

Вирджильо Гонсалес, слесарь.

Бернард Баркер, по сообщениям кубинских эмигрантов, уроженец Гаваны, работал в ЦРУ, но в 1961 году был уволен.

При аресте пятеро подозреваемых назвали себя фальшивыми именами. Адвокат Маккорда сообщил, что даже ему Джеймс сказал, что его зовут Эдвард Мартин.

Из майамских источников вчера выяснилось, что по крайней мере один из подозреваемых — Стурджис — должен был организовать демонстрацию кубинцев в Майами на демократическом национальном съезде в следующем месяце.

В субботу в 02:30 утра пять человек в резиновых перчатках были арестованы на шестом этаже «Уотергейта» в кабинете № 29 демократического штаба. У задержанных при себе найдено оборудование для фотографирования, рации и приборы для прослушивания разговоров, в том числе телефонных.

Полиция сообщила, что в кабинете, смежном с кабинетом лидера партии О'Брина, были убраны две панели на потолке так, чтобы можно было установить подслушивающие устройства.

Вчера Маккорд вышел из тюрьмы округа Колумбия под залог в 30 000 долларов. Остальные четверо отпущены под залог в 50 000 долларов. Все пятеро обвиняются во взломе и попытке прослушивания бесед в кабинетах.

По словам Пауэлла Мура, пресс-секретаря в штабе Никсона, Маккорд был нанят в штаб по переизбранию президента 1 января «координатором по безопасности».

Мур сказал, что контракт Маккорда предполагал «зарплату наличными в тысячу двести долларов ежемесячно и личный офис в штабе комитета».

Неделю или две назад, по словам Мура, Маккорд ездил в Майами-Бич, где вскоре пройдут и республиканский, и демократический съезды. Цель поездки — «обеспечить полную безопасность гостиницы, в которой остановится штаб Никсона». Кроме заработной платы, штаб Никсона давал Маккорду и его фирме еще две тысячи восьмьсот тридцать шесть долларов на закупку разного оборудования по безопасности.

Мур сказал, что не знает точно, кто в штате комитета нанимал Маккорда, но добавил, что это «точно был не Джон Митчелл». Мур утверждает, что раньше Маккорд никогда не работал на избирательных

компаниях Никсона: «Как это возможно, когда он только два года назад ушел из ЦРУ?» До вчерашнего дня Маккорд все еще числился в штате Никсона.

В своем заявлении в Лос-Анджелесе бывший генпрокурор Митчелл сказал, что крайне «удивлен и встревожен» сообщением об аресте Маккорда. «Интересующая вас персона — владелец частного агентства безопасности. Наш комитет нанял его несколько месяцев назад, чтобы он помог нам с организацией системы безопасности. О других его клиентах мы ничего не знаем», — сказал Митчелл. Что касается предпринятой попытки установить прослушку в штабе оппозиции, то «мы никогда не решали и не решаем проблем таким образом. Мы никогда не потворствовали этому».

Спустя приблизительно два часа после того, как Митчелл сделал свое заявление, глава республиканского национального комитета Дол заявил: «Я понимаю, что Джим Маккорд — владелец фирмы, с которой республиканский национальный комитет заключил контракт на услуги по безопасности. Если все, что сейчас обсуждается, — правда, то мы, конечно, прекратим наше сотрудничество с этой фирмой».

Том Вилк, представитель председателя республиканского комитета по связям с общественностью, вчера поздно вечером сказал, что республиканские чиновники все еще выясняют, когда Маккорд был нанят, сколько ему платили и каковы в точности были его обязанности.

Маккорд живет с женой в Роквиле в доме за сорок пять тысяч долларов. Вчера «Вашингтон Пост» связалась с Харданом Вестредом. Это друг Маккорда, который рассказал о нем следующее: Маккорд из Техаса, там он и его жена окончили университет Бэйлор. У них трое детей: сын, который третий год учится в Академии Воздушных сил, и две дочери. Маккорды — активисты первой баптистской церкви в Вашингтоне.

Другие соседи рассказали, что Маккорд — полковник воздушных сил в запасе, преподаватель безопасности в колледже Монтгомери. Это пока неподтвержденная информация. До этого Маккорд работал в ЦРУ, и это подтверждено спецслужбой, но представитель оттуда сказал, что дальнейшие данные о Маккорде пока недоступны.

Штатный сотрудник «Вашингтон Пост» Кирк Шарфенберг сообщил из Майами, что два других подозреваемых — Стурджис и Баркер — весьма известны среди кубинских эмигрантов. У обоих, что

совершенно не скрывалось, были обширные контакты с ЦРУ, а Баркер тесно связан с Франком Бендером, цэрэушником, вербовавшим людей в бригаду 2506, которая должна была вторгнуться на Кубу.

Пятидесятипятилетний Баркер и тридцатисемилетний Стурджес, по некоторым данным, без приглашения пришли на майскую встречу кубинских эмигрантов. Там они утверждали, что являются представителями антикоммунистической организации беженцев «пленных наций». Целью встречи была организация демонстрации в поддержку решения президента Никсона.

Баркер, уроженец Гаваны, всю свою юность провел в США и на Кубе, он ветеран армии США. Во время Второй мировой войны попал в плен, позже служил при Фиделе Кастро в кубинской тайной полиции, а в 1959 году сбежал в Майами. По слухам, он был одним из лидеров кубинского революционного совета, организованного ссыльными с помощью ЦРУ дня нападения на Кубу.

Стурджис, американский солдат удачи, присоединился к Кастро в 1958 году в холмах Ориента. В 1959 году, вместе со своим другом Педро Диасом Лансом, тогда главой кубинских воздушных сил, Стурджис покинул Кубу. Диас Ланс был активистом высылки кубинцев в Майами, позже увлекся правыми движениями.

Стурджис, более известный как Франк Флорини, лишился американского гражданства в 1960 году из-за решения служить в иностранной военной армии, армии Кастро. Но вскоре с помощью флоридского сенатора Джорджа Сматерса восстановил гражданство.

В подготовке этого материала задействованы штатные сотрудники «Вашингтон Пост».

Перевод *Надежды Антуфьевой*

## **Подозреваемый в подслушивании получил деньги штаба переизбрания**

Вторник, 1 августа 1972 года

Чек на двадцать пять тысяч долларов из штаба переизбрания Никсона в апреле оказался на счету одного из пяти подозреваемых во взломе офиса демократов.

Чек был выписан в банке Флориды Кеннетом Дахлбергом, финансовым директором президентской кампании по региону



Мидвест. Дахлберг вчера вечером сообщил, что в начале апреля передал чек «казначейу комитета (по переизбранию президента), лично Морису Стэнсу». Стэнс был в правительстве Никсона министром торговли, теперь он — финансовый директор предвыборного штаба республиканцев.

Каким образом чек оказался на счету у фирмы недвижимости, которой владеет Бернард Баркер, один из подозреваемых во взломе? Дахлберг заявил, что «непосредственных идей» по этому поводу у него нет. Получить комментарий у Стэнса не удалось.

По телефону из своего дома в пригороде Миннеаполиса Дахлберг так объяснил существование чека: «В процессе сбора средств у меня накопилась довольно большая сумма наличными... я вспоминаю, что, когда был во Флориде, создал кассовый депозит и получил банковский чек на свое имя. Я не хотел ехать с такой суммой наличных в Вашингтон».

Репортер «Вашингтон Пост» вчера исследовал фотокопию чека. Он был выдан Фест-банком на имя Дахлберга.

Прокурор в суде доказал, что счет, на который было переведено двадцать пять тысяч долларов, — это тот же самый счет, с которого позже Баркер снял достаточно крупную сумму. Из них около пятидесяти трех стодолларовых купюр было обнаружено у подозреваемых при аресте в «Уотергейте».

С 1968 года Дахлберг вложил в республиканскую партию около 7 тыс. долларов. В 1970 году он был финансовым директором у Кларка Макгрегора, который безуспешно сражался во время выборов с Хубертом Хамфри за место в сенате от штата Миннесота.

С первого июня Джона Митчелла на посту руководителя штаба Никсона сменяет Макгрегор. Каким образом двадцать пять тысяч долларов перебрались из отдела финансов штаба на счет Баркера? Макгрегор не смог придумать этому никакого объяснения. Вчера вечером он прокомментировал это так: «Я ничего об этом не знаю... Все это было до меня. Вот Митчелл и Стэнс, наверно, знают». Макгрегор добавил, что утром попытается выяснить как можно больше о том, что случилось.

Пауэлл Мур, пресс-секретарь штаба по переизбранию президента, заявил, что и Стэнс, и Митчелл для комментариев сейчас недоступны.

В связи с развитием дела «Вашингтон Пост» получила доступ к отчетам, из которых ясно, что в мае, четырьмя отдельными чеками, известный мексиканский адвокат перевел на счет Баркера в Майами восемьдесят девять тысяч долларов. Депозиты были сделаны в форме чеков, выписанных международным банком в Мехико на имя шестидесятивосьмилетнего Мануэля Огарио Дагерре. Каким образом восемьдесят девять тысяч долларов оказались на счету Баркера? Огарио не дает никаких объяснений.

В общей сложности на двадцатое апреля сто четырнадцать тысяч долларов были отправлены на счет Баркера в национальный банк Майами. В три дня: 24 апреля, 2 и 8 мая — вся сумма со счета была снята.

С самого ареста подозреваемых в демократическом штабе демократы пытаются найти корни инцидента у порога Белого дома или, в крайнем случае, у предвыборного комитета Никсона.

Через день после ареста выяснилось, что один из задержанных, экс-агент ЦРУ Джеймс Маккорд, возглавлял отдел безопасности штаба переизбрания Никсона и был консультантом по безопасности в республиканском национальном комитете. Как только Маккорд вышел под залог, его тут же уволили с обеих должностей.

Через десять дней, 28 июля, один из чиновников предвыборного штаба Никсона был уволен. Он отказался отвечать на вопросы ФБР об инциденте. Это был Гордон Лидди — теперь уже бывший финансовый консультант штаба по переизбранию Никсона.

В это же время экс-председатель демократического национального штаба Лоренс О'Брин подал гражданский иск на миллион долларов против комитета Никсона и пяти подозреваемых, обвиняющихся во взломе. Он утверждает, что эта попытка прослушивания нарушает права всех демократов.

О'Брин заявил, что «ниточка явно ведет к Белому дому» и подчеркнул, как он выразился, «потенциальную причастность» специального советника президента Чарльза Колсона. Именно Колсон порекомендовал Белому дому нанять в качестве консультанта Ханта, бывшего агента ЦРУ и плодовитого романиста.

Пока Митчелл возглавлял штаб по переизбранию Никсона, он неоднократно и очень категорично отрицал любую причастность к взлому.

И все-таки, как чек на двадцать пять тысяч оказался у Баркера? «Ничего об этом не знаю... Все деньги я передал в штаб Никсона», — ответил Дахлберг нашему репортеру вчера вечером по телефону. На вопрос, связывались ли с ним из ФБР и расспрашивали ли о чеке, он ответил: «Я добропорядочный гражданин. И я делаю то, что должен».

Чуть позже Дахлберг сам вызвонил репортера и сказал, что сначала отрицал, что знал о чеке, потому что не был уверен, что звонивший журналист был действительно из «Вашингтон Пост». Он рассказал, что совсем недавно пережил страшное испытание: его «дорогой друг и соседка» Вирджиния Пипер была похищена. Ее держали в неволе целых два дня. По слухам, муж госпожи Пипер заплатил на прошлой неделе выкуп в один миллион долларов. Это был самый большой выкуп, заплаченный похитителям, за всю историю Америки.

Пятидесятичетырехлетний Дахлберг в 1968 году был финансовой главой Никсона в штате Миннесота. Решение назначить его на этот пост было объявлено членами палаты представителей Макгрегором и Стэнсом. В 1970 году Никсон назначил Дахлберга, у которого была безупречная военная характеристика, в совет попечителей американской Академии Воздушных сил.

Уроженец Сант-Паула в Миннесоте, Дахлберг сделал свой капитал на фирме «Дахлберг электроникс», специализирующейся на продаже миниатюрных слуховых аппаратов. В 1959 году Дахлберг продал фирму «Мотороле», но остался там управляющим. В 1964 году он выкупил фирму обратно.

В 1966 году компания открыла филиал в Латинской Америке. У нее были офисы и в Мехико. Через три года «Дахлберг электроникс» стала эксклюзивным мексиканским поставщиком датских слуховых аппаратов в Америку.

Дахлберг — активист Миннеаполиса, директор Национального Ситибанка в Форт-Лодердейле. В 1969 году он был назван «шведом года».

Перевод *Надежды Антuffьевой*

**Митчелл контролировал секретный фонд республиканской партии**

Пятница, 29 сентября 1972 года

Джон Н. Митчелл во время службы генпрокурором США лично управлял секретным Республиканским фондом, который использовался для сбора информации о демократах, согласно источникам, вовлеченным в исследование Уотергейтского дела.

Начиная с весны 1971 года, почти за год до того, как оставить министерство юстиции и стать организатором выборной кампании президента Никсона, Митчелл лично одобрил изъятия больших сумм из Республиканского фонда, как рассказали газете «Вашингтон пост» несколько надежных источников.

<...> вчера вечером Митчелл был доступен по телефону в Нью-Йорке и прочитал начало истории в «Вашингтон Пост». Он сказал: «Все это дерьмо вы помещаете на бумагу? Это все можно опровергнуть. Господи... Кэйти Грэм<sup>[28]</sup> может оказаться пойманной в большие жирные руки вымогателя, если это будет издано. Боже мой... Это — самая сильно вызывающая отвращение вещь, которую я когда-либо слышал».

Митчеллу сказали, что Комитет по переизбранию президента выступил с заявлением об этой истории, тогда он вставил замечание: «Комитет говорил вам идти вперед и издавать ту историю? Вы, товарищи, получили большое поле для деятельности. Как только Вы заканчиваете с платежом Уиллиамса<sup>[29]</sup>, мы делаем историю с расчетом на вас». После этого Митчелл повесил трубку.

Представителя Комитета по переизбранию президента Никсона Пауэлла Мура попросили прокомментировать сообщение «Вашингтон Пост», на что он сказал: «Я думаю, что ваши источники плохи; они передают дезинформацию. Больше мы ничего не собираемся комментировать».

Мур спросили, отрицал ли комитет содержание истории, на что он воздержался от комментариев.

Позже Мур выпустил формальные утверждения, которые гласили: «Нет абсолютно никакой правды в обвинениях, изложенных в «Вашингтон Пост». Ни господин Митчелл, ни господин Стэнс не имели никакого понятия о выплатах из предполагаемого фонда, как описано вашей газетой, и ни один из них не управлял расходами комитета, будучи правительственным чиновником».

Мура попросили обсудить определенные утверждения его положения, но он наотрез отказался, аргументируя это тем, что «утверждение говорит само за себя».

Согласно источникам «Вашингтон Пост», Федеральный суд, исследовавший предполагаемое подслушивание штаба демократов в «Уотергейте», не установил, что собиравший сведения фонд непосредственно финансировал незаконное подслушивание.

Исследователям сообщили, что единственный отчет секретного фонда — лист бумаги, вырванный из бухгалтерской книги — содержал имена приблизительно 15 человек, получивших платежи, и полученные суммы и был уничтожен чиновниками кампании Никсона после взлома в «Уотергейте» 17 июня.

Было установлено, однако, что Гордон Лидди, бывший финансист комитета Никсона, один из семи мужчин, обвиненных по делу Уотергейта, способствовал тому, что из фонда ушли сверх 50 000 долларов наличными, как сообщили источники.

Митчелл служил организатором президентской выборной кампании в течение трех месяцев и ушел в отставку 1 июля, ссылаясь на свою жену, которая потребовала, чтобы он оставил политику.

Прежний генеральный прокурор неоднократно отрицал, что его отставка была связана с подслушиванием «Уотергейта» или с тем, что он что-либо знал об этом.

Когда прояснялся вопрос о том, было ли управление выплатами от политического фонда выборной кампании незаконным для отставного генерального прокурора, один федеральный поверенный, вовлеченный в дело Уотергейта, заявил: «Я не знаю. Вопрос остается».

Представитель министерства юстиции сказал, что нет никакого закона, запрещающего политическую деятельность члена президентского кабинета.

В прошлом месяце существование секретного фонда было процитировано как «возможное и очевидное» нарушение нового, более строгого закона кампании в раскрытии финансов, как сообщают в главном бюджетно-контрольном управлении, правой руке Конгресса.

Они сказали, что на 25 мая фонд содержал 350 000 долларов и был, возможно, незаконен, потому что о квитанциях и расходах публично не сообщали в течение шестинедельного периода после того, как новый закон раскрытия вступил в силу 7 апреля.

Согласно источникам, фонд, сохраненный в сейфе в офисе Стэнса, прежде всего состоял из наличных вкладов, сделанных для кампании Никсона за 18-месячный период.

Хотя единственный отчет фонда был уничтожен, известно, что исследователи были в состоянии восстановить, по крайней мере, частичный список получателей.

<...> Вначале секретным фондом полностью управлял Митчелл с другими четырьмя чиновниками. Согласно источникам «Вашингтон Пост», первоначальной целью секретного фонда было финансирование широко распространенных сведений об операции против демократов. Точно не могло быть определено, какие индивидуальные проекты финансировались тем секретным счетом.

Перевод *Федора Наумова*

### **ФБР подозревает помощников Никсона в саботаже демократического лагеря**

Вторник, 10 октября 1972 года

Чиновники Белого дома и Комитета по переизбранию президента, организаторы обширной кампании политического шпионажа и саботажа, по мнению агентов ФБР, причастны к инциденту с жучками в отеле «Уотергейт». Действия, согласно информации ФБР и министерства юстиции, были нацелены на всех главных претендентов на пост президента от демократов. С 1971 года это основная стратегия переизбрания Никсона.

В ходе исследования Уотергейтского дела федеральные агенты установили, что сотни тысяч долларов из копилки предвыборной кампании Никсона были выделены на масштабную тайную операцию, нацеленную на дискредитацию кандидатов в президенты от демократов и на разрушение их предвыборных кампаний.

Но федеральные следователи заявили, что они раскрыли сделанную силами Никсона работу над сбором сведений о демократах и она беспрецедентна по своей углубленности и интенсивности.

Они рассказали, что она включала в себя: сбор досье на членов семей кандидатов и на их личную жизнь; подделывание писем на фирменных бланках кандидатов; захват конфиденциальных файлов

кампании и исследование жизни многих работников демократической кампании.

Кроме того, следователи сказали, что действия, включающие в себя заманивание провокаторов в ряды организации, предполагали демонстрации во время подписания соглашений между республиканцами и демократами; также велось исследование потенциальных спонсоров кампании Никсона.

Информированный относительно общего содержания этой статьи, Белый дом отсылал за комментариями в Комитет по переизбранию президента.

Представитель комитета высказал мнение: «Расследование журналистов «Вашингтон Пост» — не просто беллетристика, а коллекция абсурдов».

Пресс-секретарь Де Ван Шамвэй, которого попросили обсудить определенные пункты этой истории, отказался, заметив, что «весь вопрос находится в руках властей».

<...> Трое поверенных сообщили «Вашингтон Пост», что уже в середине 1971 года их просили работать провокаторами в избирательной кампании Никсона. Они также рассказали, что кое-кто (который был идентифицирован в сообщениях ФБР как член организации по переизбранию Никсона) просил их подорвать ход кампании предварительных выборов кандидатов от демократов. Все три адвоката, включая ассистента генерального прокурора штата Теннесси, сказали, что они отклонили предложения, которые, согласно заявлению, включали обещание «высоких должностей» в Вашингтоне после переизбрания президента Никсона. Они сказали, что предложения были сделаны 31-летним Дональдом Х. Сегретти, бывшим адвокатом министерства финансов, который живет в Мариндель-Рей, Калифорния.

Сегретти отрицал свою причастность к этим предложениям и отказался отвечать на дальнейшие вопросы репортера. Один любознательный федеральный чиновник сказал, что Сегретти играл роль «маленькой рыбки в большом водоеме». Согласно сообщениям ФБР, по крайней мере, 50 тайных оперативных работников Никсона путешествовали по всей стране, занимаясь шпионажем за кампаниями Демократической партии и попытками их расстроить.

Возможно, самое существенное обнаружение целого расследования Уотергейта, считают эксперты, состояло в том, что многочисленные действия политического саботажа и шпионажа были следствием этой «наступательной безопасности», которая была задумана в Белом доме и управлялась Комитетом по переизбранию президента Никсона. Следователи сказали, что главная цель тайных действий состояла в том, чтобы создать такой большой беспорядок, подозрения и разногласия, что демократы будут неспособны к объединению после выбора кандидата в президенты. Расследование ФБР Уотергейта установило, что фактически все действия против демократов были финансированы суммой, колеблющейся между 350 000 и 700 000 долларов из фонда предвыборной кампании, которой управлял бывший генеральный прокурор Джон Н. Митчелл, в то время как он возглавлял министерство юстиции. Позже, когда Митчелл служил организатором предвыборной кампании президента Никсона, он разделил контроль фонда с другими. Деньги были сохранены в сейфе в офисе главного сборщика денег бывшего министра торговли Мориса Стэнса. Согласно источникам, близким к расследованию Уотергейта, большая часть информации ФБР, как ожидают, будет предоставлена на суде над этими семью мужчинами, обвиненными в организации подслушивания Демократического штаба в Уотергейте.

«Есть немного очень мощной информации, — сказал один федеральный чиновник, — особенно если она станет известной до 7 ноября<sup>[30]</sup>». Проблеск шпионажа кампании Никсона должен быть найден в действиях Сегретти. Согласно исследователям, работа Сегретти была финансирована через посредников этими 350 000—700 000 долларов. «Вашингтон Пост» обратилась к трем чиновникам из ФБР и Министерства юстиции, вовлеченных в расследование Уотергейта по поводу Сегретти, но они отказались от комментариев. При упоминании имени Сегретти каждый сказал: «Это — часть расследования Уотергейта». Правда, один из чиновников рассердился при упоминании Сегретти и характеризовал его действия как «неописуемые».

Специальный корреспондент «Вашингтон Пост» Роберт Майерс, побывавший у Сегретти на прошлой неделе, на многие вопросы получал невразумительные ответы: «Я не знаю; я не должен отвечать на это; никаких комментариев». Через пятнадцать минут он сказал:



«Этот материал подходит для хорошего романа, он смешон», — и остановил репортера, когда тот попытался сделать снимок. Согласно трем поверенным, у которых «Вашингтон Пост» взял интервью, Сегретти попытался нанять их в 1971 году как тайных агентов от Комитета по переизбранию президента Никсона. Все трое сказали, что они встретились в первый раз с Сегретти еще в 1968 году, когда они служили вместе во Вьетнаме капитанами в армейском корпусе Главного военного прокурора. Один из адвокатов, Алекс Б. Шипли, демократ, который является теперь генеральным прокурором помощника штата Теннесси, сказал, что Сегретти сообщил ему: «Деньги не будут проблемой, проблема — люди».

Шипли добавил: «Сегретти также сказал мне, что о нас позаботятся после переизбрания Никсона и что я получу хорошую работу в правительстве». А также добавил, что тайная работа будет требовать поддельных документов. Шипли должен был принять на работу еще пять человек, предпочтительно адвокатов. Им ставились задачи разрушения списков демократических кандидатов и получение информации об организации их кампании. Шипли не назвал бы Сегретти имена людей, которых он наймет, а Сегретти не раскрыл бы источник финансирования.

Шипли вспоминал в телефонном интервью: «Я сказал Сегретти: „Какого черта мы будем этим заниматься, если никто не знает, что мы делаем?“» Сегретти же ответил: «Никсон знает, что кое-что делается. Это обычное дело. Не говори мне ничего, и я не буду ничего знать».

Первый раз Сегретти обратился к Шипли 27 июня 1971 года. «Он позвонил мне и сообщил, что отправляется в Вашингтон, и приехал ко мне домой на званый обед в Саус Фор Тауэре, — сказал Шипли. — Тогда мы ни о чем не поговорили. Следующим утром мы позавтракали, и я отвез его в аэропорт».

Шипли говорит, что он встретил Сегретти воскресным утром в Джорджтаунской гостинице, где, по данным отчетов, он остановился в комнате № 402 25 и 26 июня 1971 года (полный счет 54,75 доллара, включая 2,25 доллара за телефонные звонки). Кроме того, в редакцию «Вашингтон Пост» поступила информация о том, что Сегретти купил авиабилет Вашингтон — Сан-Франциско — Монтерей (Калифорния) на 27 июня. На пути к аэропорту Сегретти спрашивал Шипли, заинтересован ли он во всем этом, и упомянул, что они займутся

политическим шпионажем. Шипли спросил Сегретти: «О чем вы говорите?».

Тот отвечал: «Например, мы пойдем в лагерь к Кеннеди и найдем там горячих сторонников Кеннеди. Тогда вы скажете, что Вы также человек Кеннеди, но работаете негласно; заставьте их помогать Вам. Вы пошлете их работать на Маски, они будут заниматься бумажной рутиной или чем-то в этом роде, и вы сможете заставить их передавать вам информацию. Они будут думать, что они помогают Кеннеди, идя против Маски. Но Вы фактически будете использовать информацию для других целей».

«Это было очень странно», — вспоминал Шипли. Проехав три четверти пути к аэропорту, Шипли спросил, на кого они будут работать. Сегретти ответил: «На Никсона». Шипли был озадачен, потому что все действия, о которых говорилось, должны были иметь место на первичных выборах Демократической партии.

Сегретти сказал, что главной целью было возвращение демократов после сокрушительного удара. Своей задачей он видел не допустить этого. Шипли отвечал, что это может быть интересным и он подумает, а также добавил, что Роджер Ли Никст из Деннисона, штат Айова, и Кеннет Гриффите из Атланты отклонили подобные предложения от Сегретти. (С ним они служили во Вьетнаме). Он предлагал им заниматься секретной деятельностью, направленной на переизбрание Никсона. Аналогичное предложение Сегретти делал Питеру Диксону из Сан-Франциско, тому самому адвокату, который также служил с ним во Вьетнаме. Однако Диксон отказался до выяснения всех деталей. В течение четырех месяцев, когда Сегретти пытался принять его на работу, он сблизился с другом, который работал на сенатора Альберта Гора, и тот посоветовал ему попробовать все перевернуть. Шипли сказал, что в ФБР не допрашивали его о Сегретти.

На встрече 25 июля Сегретти не вдавался в детали, он просто спросил: «Вы со мной или нет?» Он описал лишь такую схему: когда предвыборная встреча намечается на семь часов вечера на местном стадионе конкретным кандидатом, вы звоните и представляетесь менеджеру полевым менеджером этого кандидата, говорите, что у вас есть информация, что какие-то хулиганы, какие-нибудь хиппи собираются создать проблемы во время этого мероприятия. Вы

просите, чтобы он перенес встречу на девять часов. Таким образом, кандидат обнаружит висящий замок, когда приходит к семи.

Сегретти попросил Шипли слетать в Атланту, чтобы завербовать их армейского коллегу, Кеннета Гриффитса, но поездка так и не состоялась. Когда Шипли был у Гриффитса на последнее Рождество, Гриффите говорил, что Сегретти контактировал с ним, но это не представляло абсолютно никакого интереса. Шипли в последний раз получал известия от Сегретти 23 октября 1971 года, когда тот позвонил из Калифорнии и попросил проверить операцию Маски в Теннесси. Шипли ничего этого не сделал. Однажды в ходе этих обсуждений Сегретти сказал, что все это поможет в ложном удостоверении личности. Шипли рассказывал, что он мог бы использовать псевдоним Билл Муней для себя.

«Сегретти сказал, что он хотел покрыть страну, что это он будет более или менее главным координатором государства, — продолжал Шипли. — Одна важная вещь, которая буквально ошарашила меня, так это то, что Сегретти, казалось, был неплохо финансирован. Он всегда летал через всю страну. Когда он приехал в Вашингтон в июне, то сказал, что получил назначение в министерстве финансов и что его счет за перелет и пребывание в гостинице оплатило министерство. Однако на самом деле это сделали люди Никсона. Только не спрашивай никаких имен», — добавил он.

<...> Сегретти якобы решил заниматься только политическими делами и вступил в юридическую фирму. Согласно данным Калифорнийской ассоциации юристов, адвокатская фирма Сегретти располагалась по адресу: 14013, West Captain's Row, Marina Del Rey, Калифорния. В этих апартаментах, среди удобной мебели, груды фотографий, растений томата, стереоприемника и десятискоростного велосипеда специальный корреспондент «Вашингтон Пост» Майерс обнаружил Сегретти. Майерс спросил у Сегретти, знал ли он Алекса Шипли, Роджера Ли Никста, Кеннета Гриффитса или Питера Диксона. На это Сегретти ответил: «А что?» Когда его проинформировали о том, что он хотел принять их на тайную политическую работу, Сегретти сказал, что не верит в это.

Потом он и вовсе отказался отвечать на вопросы как-либо, кроме «я не знаю», «без комментариев» и т.п. И лишь однажды Сегретти сказал: «Это все смешно, и я не знаю ничего об этом». Потом он

добавил: «Министерство финансов никогда не оплачивало мою дорогу до Вашингтона или еще куда-нибудь».

Детали биографии Сегретти, рост которого приблизительно 5 футов 8 дюймов и вес 150 фунтов, почти неизвестны. От армейских коллег и одноклассников из Высшей школы права Калифорнийского университета в Беркли известно, что воспитан он был на Западном побережье. После получения ученой степени в области права он, по словам друзей, менее года служил поверенным министерства финансов в Вашингтоне, а потом служил в армии в качестве офицера в корпусе Главного военного прокурора. Представитель министерства финансов подтвердил, что Сегретти в 1966—1967 годах работал поверенным в одном из министерских офисов. Приблизительно год армейской службы Сегретти провел во Вьетнаме с американским штабом.

Перевод *Федора Наумова*

### **Совершенно секретно — кто и для чего нанял шпионов**

Среда, 31 января 1973 года

Уотергейтское слушание проходило за закрытыми дверями. Процесс отличался тем, что вопросы свидетелям не были заданы, ответы не были даны, а свидетели, присягнувшие закону, не называли свои имена, ссылаясь на провалы в памяти. Пять из семи ответчиков признали себя виновными в первые же дни слушания, что упростило дело.

Все семь мужчин были обвинены судом присяжных в организации заговора с целью получить информацию в штабе Демократического комитета, размещавшегося в отеле «Уотергейт»: республиканцы ворвались в штаб Уотергейта, пытались установить подслушивающую аппаратуру и сфотографировать документы.

Председательствующий на судебном процессе окружной судья неоднократно высказывал пожелание, что в ходе процесса необходимо глубоко исследовать полученные от телефонных прослушиваний материалы на предмет финансирования и субсидирования организации, а также для того, чтобы понять, насколько организация причастна к кампании политического шпионажа и саботажа. При этом, как сказал на прошлой неделе адвокатам судебного процесса и защиты председательствующий окружной судья Соединенных Штатов Джон

Дж. Сирика, «ни одна из сторон не сумела объективно развить все факты».

Сирика дважды предписывал это присяжным заседателям после проведения судебной экспертизы с главными свидетелями и потом лично спросил их о материалах, неизвестных следствию. 15 января в течение второй судебной недели Сирика обратился к четверем из ответчиков, признавшим себя виновными. Он выделил некоторые проблемы, которые, по его мнению, должны быть рассмотрены в зале суда. Сирика пожелал, чтобы «большое жюри» попыталось найти ответы на вопрос: «Раз вы были наняты, кто-то нанимал вас, чтобы присоединиться к заговорщикам. Раз это так, кто это?»

«Я только надеюсь, что они (члены „большого жюри“) задумаются над этим вопросом, — продолжал Сирика, в то время как четыре ответчика стояли перед ним. — Они хотят узнать, есть ли другие, кто является большими шишками в Республиканской или Демократической или в любой другой партии, которая вовлечена в происходящее, вы понимаете это?»

«Несомненно, возникает вопрос, что стало поводом для того, чтобы сделать то, что, по свидетельствам очевидцев, вы сделали, — продолжал Сирика. — Они захотят знать, откуда взялся этот мешок денег, кто был спонсором, который за все платил. Они собираются выяснить много вещей прежде, чем дело закончится».

Возможно, эти вопросы поступили свидетелям из трех проверенных источников: правительственных, представляющих судебное расследование, адвокатов защиты и судьи.

Когда суд над последними двумя ответчиками (прежним сотрудником Белого дома Г. Гордоном Лидди и бывшим координатором Комитета переизбрания президента Никсона Джеймсом В. Маккордом-младшим) завершился вчера осуждением всех обвиняемых, вопрос остался без ответа. Во время экспертизы с участием правительственных свидетелей весьма проверенные заседатели не следовали линии ведения допроса, предложенного судьей Сирикой. Впрочем, этого и следовало ожидать. <...>

В прошлую пятницу судебное заседание отклонило предложение Дж. Сирики зачитать секретные материалы присяжным заседателям, чтобы ответить на некоторые из его вопросов. Сирика также добавил,

что продолжит опрашивать свидетелей, если посчитает это необходимым.

Тогда судья предписал зачитать двенадцати членам «большого жюри» сведения, полученные им после личного опроса главного свидетеля в отсутствие «большого жюри». Факты показали, что и прежний министр торговли Морис Х. Стэнс, председатель финансов избирательной кампании Никсона, и прежний генеральный прокурор Джон Н. Митчелл, организатор выборной кампании президента, — оба поверили, что представитель директора кампании Джейб Стюарт Магрудер имел полномочия одобрить наличные платежи Лидди для операций по сбору сведений.

Обвинительный акт «большого жюри», который проектировался этими тремя обвинителями и был одобрен руководством в министерстве юстиции, затрагивал дела семи ответчиков, однако обходил стороной причастность правительства к Уотергейтскому делу. Как утверждают многие, она все же могла быть окончательно доказана в суде.

Со стороны правительства нет ни одного скрытого действия, которое обвинители могли бы характеризовать как «неподходящее» и «презренное». То есть, по их мнению, действия правительства не выходят за рамки закона.

<...> «Правда всплывет», — объявил судья в прошлый вторник. Потом он остановился и добавил: «Надеюсь, в данном случае это произойдет. И если я считаю, что должен задавать вопросы, чтобы прояснить некоторые новые факты, я продолжу это делать».

В тот день Сирика спросил Хью В. Слоана-младшего, прежнего казначея Комитета по переизбранию президента, о разрешении отчисления крупных платежей финансовому советнику избирательного комитета Никсона Гордону Лидди.

Согласно заключению следствия и судебному расследованию, Слоан не имеет никакой предварительной информации о подслушивании в Уотергейте или любых других действиях шпионажа против демократов. Как сообщили следователи, он оставил работу после 17 июня, узнав, что деньги, которые он платил, использовались для тайных операций. В ответ на вопрос обвинителя Слоан свидетельствовал во вторник, что он заплатил Лидди 199 000 долларов США за заказ от Джейба Стюарта Магрудера, бывшего в то время

заместителем руководителя президентской избирательной кампании Никсона. Ранее Магрудер свидетельствовал, что он одобрил наличную плату в размере 199 000 долларов США для получения информации из «сети сведений». Следователи не спрашивали ни Магрудера, ни Слоана о том, кто одобрил платежи Лидди или кто еще мог знать о «сети сведений». Судья Сирика не подверг сомнению ответ Магрудера.

Однако Сирика извинился перед жюри и подверг сомнению ответ Слоана, казначея кампании. Судья задал Слоану 41 вопрос:

*Сирика:* «Какова была цель перечисления 199 000 долларов Гордону Лидди?»

*Слоан:* «Я понятия не имею».

*Сирика:* «Вы понятия не имеете?»

*Слоан:* «Никакого, сэр».

*Сирика:* «Вы не можете дать нам никакой информации вообще?»

*Слоан:* «Никакой, сэр. Я просто был уполномочен сделать так. Мне не говорили о цели».

*Сирика:* «Кто уполномочил вас перечислить 199 000 долларов в наличных деньгах Лидди?»

*Слоан:* «Джеб Магрудер».

*Сирика:* «Для какой цели?»

*Слоан:* «Я понятия не имею...»

*Сирика:* «Вы не расспрашивали господина Магрудера о цели использования 199 000 долларов?»

*Слоан:* «Нет, сэр. Я проверил с г-ном Стэнсом и г-ном Митчеллом, что он был уполномочен сделать».

*Сирика:* «Вы проверили? С кем?»

*Слоан:* «Не лично, но секретарь Стэнс, председатель финансов, проверил это с Джоном Митчеллом, председателем кампании».

*Сирика:* «Вы говорите, что 199 000 долларов могли быть перечислены г-ну Лидди?»

*Слоан:* «Незначительная сумма. Разрешения г-на Магрудера было достаточно для перечисления рассматриваемой суммы».

Как принято у правительственных свидетелей при криминальных разбирательствах, обвинение предварительно спросило Слоана, на какой вопрос он больше всего хотел бы ответить за свидетельской стойкой перед правительством. Когда показания Слоана о платежных перечислениях в 199 000 долларов и других суммах, полученных г-ном

Лидди, были подвергнуты сомнению «большим жюри», диалог развивался следующим образом:

*Обвинитель:* «Вы говорили с г-ном Лидди о наличных компенсациях в конце марта или начале апреля?»

*Слоан:* «Да... г-н Лидди приехал ко мне сообщить, что он разрешил распределение крупного наличного капитала. В тот момент у него с собой был документ, похожий на бюджетный план. Он не дал мне подробно с ним ознакомиться, я видел только цифры: 250 000 долларов. Он сказал, что нужно сделать первую выплату в размере 83 000 долларов с последующими выплатами по 12 000».

*Обвинитель:* «После того как г-н Лидди дал вам эту информацию о бюджете 250 000 долларов и выплате 83 000, вы проверяли это с Джебом Магрудером?»

*Слоан:* «Да, я сделал это».

*Обвинитель:* «Что он говорил вам?»

*Слоан:* «Он сказал, что этот бюджет был фактический — это распределение было фактически разрешено г-ну Лидди. Однако он сказал, что хотел бы в каждом определенном случае фиксировать сумму и время перечисления».

Показания, которые Слоан давал Сирике, отличались от допроса обвинения, который велся в другом ключе. Сирика, в отличие от «большого жюри», спросил Слоана, почему он оставил избирательный комитет Никсона. Слоан ответил судье, что Лидди сказал ему об аресте 17 июня в «Уотергейте» пяти мужчин.

На вопрос судебных заседателей, что именно сказал Лидди, Слоан ответил: «Он сказал... из того, что я запомнил: „...мои ребята были пойманы вчера вечером. Я сделал ошибку. Я использовал кое-кого отсюда... Я боюсь, что потеряю работу“».

<...> Главный обвинитель Дж. Силберт сказал Сирике позже, что «в доказательстве г-на Слоана не было ничего удивительного или того, о чем они не знали».

Сирика осуществлял контроль над «большим жюри», которое расследовало подслушивание в «Уотергейте». Судебное расследование получало секретные сообщения от агентов ФБР. Среди них были сообщения, описывающие интервью с четырьмя чиновниками избирательной кампании Никсона, которые во вторник свидетельствовали на судебном процессе. В четверг,



свидетельствовавшую перед «большим жюри», входили Герберт Л. Швейцар, исполнительный директор избирательной кампании Никсона; Роберт К. Окл, директор администрации; Магрудер и Слоан. Все — экс-помощники президента Белого дома.

Федеральные следователи сказали «Вашингтон Пост», что фондом выборной кампании Никсона на операции шпионажа и саботажа против демократов были израсходованы 750 000 долларов и что Митчелл, Магрудер, Швейцар и Стэнс были среди высокопоставленных чиновников Белого дома, имевших право получать или одобрять такие платежи от Слоана.

Ни судья Сирика, ни судебные заседатели не спросили во вторник ни одного из чиновников комитета Никсона о том, знали ли они о других чиновниках, кроме этих четырех человек, которые бы получали и одобряли такие платежи. Они также не спросили, были ли деньги, полученные Лидди, единственным фактом выплаты Слоана для тайных операций.

Согласно федеральному расследованию, среди таких платежей были, по крайней мере, 25 000 долларов Магрудеру и минимум 35 000 долларов Герберту В. Калмбаху — личному адвокату президента Никсона.

Следователи сообщили, что Калмбах, которого допрашивало ФБР, дал деньги калифорнийскому поверенному Дональду Х. Сегретти, чтобы шпионить и мешать выдвижению кандидата в президенты от демократов.

Имя Сегретти также фигурировало в списке свидетелей. Он был допрошен ФБР и предстал перед «большим жюри» приблизительно в то время, когда правительство узнало, что Говард Хант хотел признать себя виновным.

Согласно федеральному расследованию, Сегретти был принят на работу Дуайтом Л. Хапином, секретарем президента Никсона, для участия в шпионаже и операциях саботажа.

Главный обвинитель Силберт сказал, что Сегретти «...должен быть обвинен в чем-то незаконном, чтобы привлекаться как свидетель. Однако нет никакого доказательства, что он нарушил закон».

«Силберт согласился в интервью, что свидетельства против Сегретти, если бы они оказались правдой, могли бы дать большую

перспективу в раскрытии заговора», — сообщил аналитик газеты «Таймс».

<...> 11 января, на четвертый день заседания, после того, как бывший консультант Белого дома Говард Хант признал себя виновным, судья Сирика попытался глубже расследовать причины предполагаемого заговора.

Хотя Хант не был под присягой, Сирика призвал его к скамье и попросил рассказать, как он вошел в заговор. Адвокат Ханта Уильям О. Биттман вмешался и сказал, что его подзащитный не может быть допрошен, потому что Ханта будут вызывать на «большое жюри», где он будет отвечать на такие вопросы не публично. Сирика согласился с линией защиты.

Когда 15 января четыре других ответчика — все они из Майами — признали себя виновными, Сирика призвал их ответить на подобные вопросы, снова не под присягой. Сирика задал Эухенио Р. Мартинесу, одному из ответчиков из Майами, следующие вопросы:

*Сирика:* «Я хочу, чтобы вы рассказали сначала, как вы вошли в этот заговор, как случилось, что вы были вовлечены? Вы понимаете то, что я подразумеваю?»

*Мартинес:* «Да, я понимаю».

*Сирика:* «Скажите мне своими словами, что вы сделали, как вы были впутаны в это?»

*Мартинес:* «Я верю фактам, которые вы читали в обвинительном акте. Они верны и правдивы».

*Сирика:* «Это общий ответ. Я хочу услышать детали».

*Мартинес:* «Я сожалею».

*Сирика:* «Я хочу подробные ответы на мои вопросы. Я не удовлетворен».

Сирика не получил подробных ответов. Мартинес повторил обвинения, изложенные в обвинительном акте, и согласился с ними. Четверо обвиняемых из Майами, кубинцы по происхождению, имеющие тесные связи с Кубой, сказали, что, будучи вовлеченными в заговор, они не получали денег, за исключением некоторых расходов, потому что они думали, что их действия помогут освободить Кубу от Фиделя Кастро. Многочисленные сообщения и правительственные отчеты говорят, что все четверо работали какое-то время на ЦРУ.

Сирика спросил их, какую выгоду они преследовали. Он получил ответы «Никакую, ваша честь» или «Я не знаю, ваша честь».

Когда ответчика Бернарда Л. Баркера, агента недвижимого имущества в Майами, спросили, кто послал ему банковский счет на 25 000 долларов, предназначенный для президентской избирательной кампании, он ответил: «Определенное лицо, я не могу заявить, кто послал деньги». Судья спросил позже: «Вам не кажется странным, что сумма денег, высланная по почте, никем не зарегистрирована?»

Бернард ответил: «Нет, я не думаю, что это странно, ваша честь. Как я сказал, я имею лишь приблизительную информацию о других операциях, в которые был вовлечен».

Когда Бернард сказал, что он получил деньги «по почте в чистом конверте», Сирика сказал: «Я не верю вам».

Согласно официальной расшифровке стенограммы суда, четверо подсудимых в общей сложности ответили на 19 вопросов. Когда их спрашивали, считают ли они себя виновными или давались ли им любые деньги или обещания, они отвечали: «Нет, ваша честь». Если их спрашивали, виновны ли они в каждом из семи обвинений в обвинительном акте против них, они отвечали: «Да, ваша честь» или: «Да, сэр».

<...>

Перевод *Натальи Сведовой*

## **Никсон знал о плане заговора, утверждает Дэн**

«Вашингтон Пост», 3 июня 1973 года

Адвокат Белого дома и советник президента Никсона Джон Дэн III сообщил следователям Сената и федеральным обвинителям, что план Уотергейтского заговора обсуждался с президентом США или в его присутствии в период с января по апрель 1972 года не менее 35 раз. Об этом стало известно из надежных источников.

Также стало известно, что во время слушаний по делу Уотергейта Дэн будет свидетельствовать под присягой вне зависимости оттого, освободят его от судебного преследования или нет. Он намерен утверждать, что президент Никсон был глубоко вовлечен в заговор.

Согласно нашим источникам, Дэн сообщил следователям о том, что г-н Никсон заранее знал о взятках заговорщикам Уотергейта.

У Дэна имеются незначительные или вовсе отсутствуют документальные обвинения в отношении президента. Как сообщили наши источники, большинство его утверждений базируется на его личных воспоминаниях бесед с г-ном Никсоном. Также сообщается, что, по словам Дэна, во встречах по обсуждению заговора, проходивших в присутствии президента, принимали участие сторонники Никсона Х. Р. Халдеман и Дж. Д. Эрлихман.

Откровения Дэна перед следователями выглядят как попытка скомпрометировать президента, а также Халдемана и Эрлихмана, которые отрицают свою причастность к прослушиванию Уотергейта и любому другому заговору.

В свою очередь, Белый дом вместе с Халдеманом и Эрлихманом основной фигурой заговора считает Дэна. В министерстве юстиции высказали подозрение о причастности к делу самого Дэна, причем как основной фигуры в Уотергейтском заговоре.

Источники в министерстве юстиции сообщили, что есть достаточно оснований для предъявлений обвинения Дэну, который стал невольным участником президентского совещания по Уотергейтскому заговору.

Дэн все еще пытается получить полную неприкосновенность от судебного расследования, стремясь избежать тюрьмы, не выходя за рамки закона.

Но Сенат и министерство юстиции считают, что обвинение Дэна против президента не связано с предоставлением ему неприкосновенности и не должно использоваться в корыстных целях.

Одним из самых веских обвинений, выдвинутых Дэном против Никсона, является обращение Никсона к Дэну незадолго до вынесения приговора семи ответчикам Уотергейтского заговора, которое состоялось 24 марта 1973 года. По словам Дэна, г-н Никсон спросил его, сколько нужно доплатить ответчикам к 460 000 долларов, которые им уже были выплачены, чтобы купить их долгое молчание.

По сообщениям наших источников, Дэн сказал Никсону, что доплата составит один миллион долларов. На это президент ответил, что никакой проблемы с выплатой такой суммы не будет.

26 марта в нашей газете приводились цитаты из телефонного разговора Никсона с Дэном, в котором он выражал глубокое доверие Дэну и произнес: «Вы — все еще мой советник». Как сообщил

следователям Дэн, президент сказал, что он «шутит», когда спросил, сколько будет стоять длительное молчание заговорщиков Уотергейта.

Со слов следователей, во время телефонного разговора Дэн пояснил г-ну Никсону, что намерен сотрудничать с обвинителями Уотергейта. По мнению следователей, во время телефонного разговора г-н Никсон пытался отказаться от слов, которые позже могли скомпрометировать его.

Позже Дэн сообщил следователям, что г-н Никсон пытался заставить его подписать письмо об отставке, в котором говорилось бы, что он направил Халдемана и Эрлихмана на захват «Уотергейта» без ведома президента.

Как сообщили наши источники, после того как Дэн отказался подписать письмо, Никсон попросил его на совещании не раскрывать в «ближайшие сроки» тайны и планы администрации президента.

Дэн также сообщил следователям и обвинителям, что господин Никсон, зная о предстоящем заговоре, в прошлом году просил сотрудников Белого дома подготовить статьи в «Дейли Ньюс» о событиях, касающихся Уотергейта. Из наших источников известно, что, по словам Дэна, рукописные материалы направлял Халдеман, чтобы предоставлять прессе удобную для Белого дома информацию.

Как стало известно из наших источников, Дэн сказал следователям, что до 1 января этого года он лично сообщал Халдеману и Эрлихману о том, как готовится заговор. Дэн рассказал, что после 1 января г-н Никсон стал вызывать его, чтобы узнавать о ходе подготовки заговора, и часто приглашал в президентскую канцелярию, чтобы обсудить некоторые детали.

Дэн сказал обвинителям и следователям Сената, что во время некоторых из этих бесед президент давал ему прямые указания, как готовить заговор.

Из источников стало также известно, что Дэн восемь раз тайно встречался с обвинителем заговора и дважды с Самюэлем Дашем из главного управления сенатского комитета по расследованию заговора.

Дэн сообщил, что в этом году он встречался с президентом примерно 35 раз, в то время как с июля 1970 по январь 1973 года — только около десяти раз.

По мнению Дэна, президент участил встречи, чтобы установить тесные отношения с доверенным лицом, дабы не дать ему

возможности свидетельствовать против него. Об этом он сообщил следователям и обвинителям.

Один из источников, который провел собственное расследование, установил, что «прошло около 35 встреч с президентом, во время которых, по словам Дэна, обсуждался заговор. Возможно, их было 33 или 39, но, скорее всего, 35».

Источники цитировали Дэна, который сказал, что на многих встречах присутствовали Халдеман и Эрлихман, и основная часть бесед проходила между ними, президент только слушал.

По версии Дэна, большинство из 35 бесед проходили в канцелярии президента, хотя некоторые разговоры между Дэном и президентом состоялись по телефону.

Согласно источникам, Дэн, который был отстранен от участия в президентском совещании 30 апреля, попытался получить некоторые документы и отчеты из Белого дома. Особенно его интересовали «хронологии», которые президент диктовал в конце каждого дня, подводя итоги. Эти «хронологии» позволили бы Дэну точнее восстановить подробности обсуждения заговора. Как сообщили источники, Дэн рассказал следователям, что «хронологии имеют отношения только к заказам информации от Халдемана и Эрлихмана о заговоре и вовсе не затрагивают интересы президента». <...>

При этом два источника сказали, что, со слов Дэна, президент был вовлечен в заговор до 30 апреля. Источники отказались комментировать утверждения Дэна, но назвали их «обстоятельным аргументом против президента, не подкрепленным никакими документальными свидетельствами». По общему мнению источников газеты «Вашингтон Пост» из Белого дома, министерства юстиции и Сената, Дэн был главным ответственным в Белом доме за события, происшедшие в Уотергейтском деле за последние два месяца.

Решение Дэна уйти из Белого дома, принятое 6 апреля, и рассказать всю историю обвинителям вынудило президента уволить Дэна и попросить об отставке Халдемана и Эрлихмана, сообщают источники.

Три недавних заявления президента Никсона об Уотергейте — 17 апреля в «Главных событиях»; 30 апреля об отставке Халдемана и Эрлихмана и отрицание собственной причастности к заговору;

заявление из 4000 слов в защиту собственных действий, выпущенное 22 мая, — все сводится к причастности Дэна, сообщают источники.

Выяснилось, что 22 мая Никсон говорил о планах тайных действий, которые были изложены в главных секретных документах, вынесенных Дэном из Белого дома.

«Если бы Дэн не выкрал те документы, президент вряд ли сделал бы заявление 22 мая», — сообщил на прошлой неделе один из источников в Белом доме.

Первоначально в министерстве юстиции и Сенате говорили, что обвинители Уотергейта и следователи Сената сомневались в версии происшедшего, предложенной Дэном. Они полагали, что его заявления могли быть мотивированы корыстным желанием обеспечить свою неприкосновенность в суде.

Однако в министерстве юстиции сообщили, что они «имели возможность проверить показания Дэна. Оказалось, они правдивы». В Сенате прокомментировали ситуацию так же и в качестве примера привели сообщение Дэна о том, что Л. Патрик Грей III, тогда исполнявший обязанности директора ФБР, уничтожил материалы, выкраденные из сейфа уотергейтского заговорщика Э. Говарда Ханта-младшего.

По сообщению наших источников, на следующий день чиновники из министерства юстиции сообщили президенту Никсону о сотрудничестве Дэна со следствием. 17 апреля президент заявил о «развитии основных событий».

Президент подчеркнул, что хронология событий восстановлена благодаря его собственному расследованию, которое началось 21 марта. Никсон обратился к министерству юстиции с просьбой снять судебную неприкосновенность со всех высокопоставленных сотрудников администрации, уличенных в прослушиваниях или заговоре.

Следователи Сената и источники, близкие к обвинению Уотергейта, расценивают желание Никсона лишить подозреваемых неприкосновенности как попытку препятствовать Дэну свидетельствовать перед Сенатом или «большим жури» об известных ему фактах Уотергейтского заговора.

Хоть недавно Дэн и отказывался давать все показания, пока ему не будет предоставлена полная неприкосновенность, но сейчас он

решился рассказать все, что ему известно, сообщили источники, близкие к Дэну.

Согласно версии Дэна, 20 марта он искал встречи с президентом Никсоном. Они встретились на следующий день и обсудили детали прослушивания и последующего заговора. По словам наших источников, Дэну показалось, что Никсон до конца не понимал всех нюансов операции.

На встрече Дэн сказал Никсону, что «для спасения его президентства» придется полностью раскрыть федеральным обвинителям причастность к Уотергейтскому заговору Халдемана, Эрлихмана и, собственно, его самого, Дэна.

«После встречи с президентом Дэн чувствовал уверенность в том, что они приняли верное решение, — сообщил один из источников. — Ему казалось, что соглашение было достигнуто. Однако все рухнуло, потому что Халдеман и Эрлихман отказались идти ко дну, чтобы спасти ситуацию».

По версии событий Дэна, г-н Никсон встретился с Халдеманом и Эрлихманом почти сразу после своей речи на президентском совещании, которое прошло 21 марта. После этой встречи г-н Никсон заявил Дэну, что не допустит разногласий в Белом доме и он останется один, если пойдет к обвинителям.

В прошлом месяце журнал «Ньюсуик» сообщил, что Дэн был готов сделать заявление, по крайней мере, еще о двух фактах, свидетельствующих о причастности к Уотергейтскому заговору президента.

Как известно, Дэн сообщил федеральным следователям, что он был вызван в Овальный кабинет<sup>[31]</sup> Белого дома Халдеманом 17 сентября, спустя два месяца после того, как семи ответчикам Белого дома были вынесены обвинения. По словам Дэна, Халдеман и президент смеялись над попытками Дэна оградить других чиновников администрации от обвинений.

Второй случай произошел, вероятно, в декабре. «Ньюсуик» цитировал слова Дэна о том, что адвокат ответчика по Уотергейтскому делу Ханта-младшего Э. Говард подошел на совещании к Чарльзу В. Колсону и сказал, что «что-то должно быть сделано» для того, чтобы Ханту был назначен минимальный срок заключения.



Колсон сделал запрос Дэну и Эрлихману. Эрлихман обещал: «Я проверю». По сведениям «Ньюсуика», Дэн сказал, что Халдеман пошел тогда в Овальный кабинет, а вернувшись, сообщил, что к Ханту обещали отнестись снисходительно.

По данным «Ньюсуика», Эрлихман попросил Колсона передать адвокату Ханта, что, хотя «все о'кей», не стоит быть «слишком уверенным» в передаче дела. Этот факт был также подтвержден «Вашингтон Пост».

Дэн стал соучастником Уотергейтского заговора вскоре после арестов 17 июня в штабе демократов.

Он сидел на допросе с пятнадцатью помощниками главы Белого дома. Сотрудниками ФБР ему было задано 82 вопроса.

29 августа президент Никсон заявил, что последнее расследование Дэна является достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что «никто в администрации не был куплен и вовлечен в этот причудливый инцидент...».

Дэн сообщил следователям, что он никогда не проводил такого расследования. Белый дом подтвердил, что он никогда не сообщал ничего подобного президенту.

Дэн вместе с бывшими помощниками президента и бывшим главой ФБР Л. Патриком Греем III был привлечен сотрудниками ЦРУ к раскрытию заговора. Один бывший помощник главы Белого дома Джон Колфилд свидетельствовал, что ранее Дэн неоднократно давал ему распоряжение передать обвиняемому по делу Уотергейта Джеймсу Маккорду предложение предоставить ему помилование в обмен на молчание.

Дэн начал понимать, что «карточный домик, на котором строилась организация заговора», распадется в ходе расследования в январе, феврале или марте во время слушаний в Сенате, ведь их главой Никсон назначил Грея, сообщил один из соратников Дэна.

19 апреля «Вашингтон Пост» опубликовала историю следствия, приводя цитаты из федеральных источников. Также сообщалось, что бывший представитель организатора избирательной кампании Джеб Стюарт Магрудер вовлек Дэна в организацию заговора и дачу взяток заговорщикам за их молчание.

Перевод *Натальи Сведовой*

## **Записку о краже со взломом отправляли Эрлихману**

«Вашингтон Пост», 13 июня 1973 года

<...> По Уотергейтскому вопросу три правительственных источника сообщили, что советник Белого дома по внутренним делам Джон Д. Эрлихман, один из ближайших к президенту, и бывший президентский адвокат Джон Дэн III записывали телефонные и личные разговоры с другими участниками Уотергейтского дела, начавшегося в январе прошлого года.

Эрлихман уволен 30 апреля. Он записал один телефонный разговор с бывшим и.о. директора ФБР Патриком Греем III. Диалог имел отношение к некоторым подробностям обвинения уотергейтского заговорщика Ханта, уволенного прошлым летом из архива Белого дома, сообщают источники.

В другом случае, сообщают источники, Эрлихман записывал телефонный разговор с Дэном о секретных документах Уотергейтского дела, которые Грей позже уничтожил.

Дэн записал несколько разговоров, включая длинное интервью с подозреваемым политическим саботажником Дональдом Сегретти, сделанное в январе, сообщил один источник.

Сегретти, калифорнийский юрист, был предположительно нанят для руководства политическим шпионажем и саботажем против президентских соперников-демократов. Сегретти взял на работу бывший личный адвокат президента Дуайт Чапин, и юрист получил 40 000 долларов от бывшего личного президентского адвоката Герберта Калмбаха.

Два источника, близких к Дэну, сообщили, что уотергейтский заговорщик Хант в середине марта получил взятку в 130 000 долларов за молчание.

Перевод *Антон Хализова*

## **Никсон обсуждает выплаты шантажистам и милосердие**

«Вашингтон Пост», 1 мая 1974 года

Президент Никсон во время продолжительной встречи в Овальном кабинете 21 марта 1973 года сказал адвокату Белого дома Джону Дэну III, что «вы не имеете выбора, кроме как прийти с 120 000

долларов, которые требует шантажист — один из уотергейтских воров», — гласит отредактированная аудиозапись этой встречи.

Запись показывает, что мистер Никсон по своей собственной инициативе неоднократно обсуждал удовлетворение требований шантажиста. Во время встречи не прозвучало ни одного мнения, что подкупать людей за их молчание было бы неверно.

Вместо этого, показывает запись, мистер Никсон неоднократно обговаривал различные способы, которыми может быть выплачено взломщикам за молчание порядка одного миллиона долларов, не считая выплат за молчание о сведениях, ведущих к Белому дому. Цели этих выплат, по собственным словам президента, — «скрытие бутылки под шляпой», «покупка времени», желание «покончить с этим».

«Сколько денег вам нужно?» — спросил президент Дэна ранее, 21 марта, согласно аудиозаписям.

«Я бы сказал, что эти люди будут стоить порядка миллиона долларов на следующие два года», — ответил Дэн.

«Мы сможем их достать, — продолжил президент. — Если вам нужны деньги, вы можете их получить. Вы можете взять миллион долларов. Можете взять их наличными. Я знаю, где их можно получить. Это нелегко, но это может быть сделано. Вопрос в том, кто, черт возьми, получит их? Есть предложения?»

Во время следующих переговоров президент продолжал доказывать своему личному адвокату, Герберту Калмбаху, что он может быть уверенным в выплате денег, что деньги грабителям могут быть перечислены под прикрытием Комитета по защите Кубы и что факты должны быть скрыты от суда присяжных.

Запись встречи от 21 марта 1973 года — часть 1254 страниц отредактированных записей сорока шести президентских разговоров об Уотергейтском деле, опубликованных вчера Белым домом.

Мистер Никсон повторял, что он впервые услышал об уотергейтском прикрытии и выплатах шантажистам на собрании 21 марта и что он считает, что плата денег за молчание была бы неправильным ходом.

На протяжении всего записанного диалога, однако, президент постоянно возвращался к общей теме избежания «уголовной ответственности» членов администрации Белого дома: желательность встреч касательно выплат шантажистам немедленно и необходимость

скорейших встреч, на которых его ближайшие помощники — Дэн, Джон Митчелл, Джон Эрлихман и Г. Р. Халдеман — смогут «принять решение по этому поводу».

В течение двенадцати часов дискуссии в Овальном кабинете уотергейтский заговорщик Говард Хант-младший получил 75 000 долларов наличными — ключевой момент в заговоре, препятствующем судебному обвинению, направленному против семерых людей президента 1 марта 1974 года.

То, что произошло утром 21 марта 1973 года на встрече Дэна, президента и Халдемана, рассматривается обеими сторонами — мистером Никсоном и его критиками — как решающий момент для ответа на вопрос об участии Никсона в заговоре.

Белый дом опубликовал стенограмму собрания от 21 марта, которая показывает, что президент рассматривал основные варианты заключения сделки с разрушающими обстоятельствами, описанными Дэном как растущая раковая опухоль на президентстве:

«Даря милость Говарду Ханту, вы умышленно этого не делаете до выборов 1974 года, это точно», — сказал мистер Никсон Дэну. Когда Дэн предположил, что «это может только больше поставить вас на дорогу, на которую не следовало бы вступать», президент ответил: «Нет — вы не правы, я уверен».

Дать обещание Ханту — альтернатива, впервые предложенная президентом. «Единственное, что мы могли бы сделать с ним, — это обещать ему как [неразборчиво. — Прим. К. Бернстайна и Б. Вудворда.] ситуации. Но вы не можете купить милосердие», — сказал президент Дэну и Халдеману.

Далее мистер Никсон добавил: «Обещание, по-видимому, — это что-то, что, я думаю, вы можете сделать с Хантом, но не можете сделать с другими (остальными ворами). Вы меня понимаете».

Дэн первым предложил президенту «созвать новый суд присяжных, который может быть контролируемым Белым домом». Во время нескольких обсуждений этой мысли мистер Никсон заметил, что такие операции дали бы защиту пятой поправки для свидетелей из Белого дома и что «вы можете сказать „Я не помню. Я не могу дать какой-либо ответ, потому что я не помню“».

Назначение специальным уотергейтским обвинителем помощника генерального адвоката Генри Петерсона мистер Никсон

прокомментировал так: «Почему президент не может вызвать его как специального адвоката в Белый дом для результативного руководства расследованием, имея его как специального адвоката, чтобы представлять нас перед судом присяжных?»

Использование аргумента национальной безопасности может предотвратить какие-либо показания перед судом об устроении Белым домом кражи со взломом. Цель, как сказано во встрече с Дэном, — не допустить слушаний перед судом присяжных, где сотрудник администрации Белого дома Эгил Кройф лжесвидетельствовал ранее, когда показал, что он не знал кубино-американцев, которые ворвались в «Уотергейт».

Неожиданно на 103-й минуте собрания в Овальном кабинете мистер Никсон предположил, что его помощники просто дадут полные показания, перед тем как соберется Федеральный Уотергейтский суд присяжных, скажет всю правду и примет заключение.

После этого он вернулся к теме избежания «уголовной ответственности» и затем к вопросу о выплатах уотергейтским грабителям-шантажистам за их молчание.

«Теперь позвольте мне сказать, — обратился президент к Дэну и Халдеману. — Мы можем достать деньги. В этом нет проблемы. Мы не можем обеспечить снисходительности. Деньги могут быть обеспечены. Митчелл может найти способ доставить их. Это может быть сделано. Понимаете, что я имею в виду?»

В другой момент обсуждения президент спросил Дэна: «Как вы думаете, вам не нужен миллион прямо сейчас? Ведь вы в нем нуждаетесь? Так ведь?»

*Дэн:* «Да, это так».

*Президент:* «Вам они нужны наличными, не так ли? Дайте мне подумать минутку. Проведете ли вы это через Кубинский комитет» [через который выплаты уотергейтским ворах текли месяцами. — *Прим. К. Бернстина и Б. Вудворда.*]

*Дэн:* «Нет».

*Президент:* «Это должны быть чеки, наличные и т.д. Что, если они придут, вы возьмете их? Разве Кубинский комитет — помеха справедливости, разве они не хотят помочь?»

*Дэн:* «Ну, они святые в этом».

*Президент:* «Даст ли это немножко прикрытия?».

Отредактированная запись показывает следующий обмен мнениями к концу дискуссии:

*Президент:* «Вот почему для вашей безотлагательной работы вы не имеете выбора, кроме как прийти с 120 000 долларов, как бы то ни было. Так?»

*Дэн:* «Точно».

*Президент:* «Согласитесь, что лучшая цель, которую вы проklinаете, достигается лучше всего?»

*Дэн:* «Очевидно, ему [Ханту. — Прим. К. Бернстина и Б. Вудворда] следовало бы подать знак в любом случае».

*Президент:* «[удалено — Прим. К. Бернстина и Б. Вудворда] достаньте это...».

Далее диалог перешел на обсуждение того, кто должен поговорить с Хантом. Президент предложил своего бывшего специального адвоката, Чарльза Колсона. Стенограмма дает понять, что Колсон ранее обсуждал мягкость в отношении Ханта с его адвокатом Вильямом Битманом.

Во время дискуссии о способе перевода выплаты под прикрытием президент спросил, как будут доставлены деньги.

«Вы отмываете деньги, — ответил Дэн. — Вы можете получить 100 000 долларов в обход банка, и все это пройдет по серийным счетам».

«Я понял», — сказал президент.

Далее следует удаленный фрагмент. Затем президент сказал, что Калмбах должен иметь некоторые деньги, которые может использовать при необходимости, но получил возражение от Дэна, что «Калмбах не имеет и цента».

После этого речь зашла о специальном фонде Белого дома размером 350 000 долларов наличными. Халдеман заметил, что «мы настолько честны, что нас можно поймать на всем». Президент далее заговорил о расходовании средств этого фонда, и Халдеман сказал: «Будьте осторожны...»

<...> Согласно показаниям, данным позднее в комитете Сената по Уотергейту, президент и Халдеман были осведомлены, что собрание в Овальном кабинете записывается. Дэн, однако, не был в курсе наличия записывающей системы.

Стенограмма встречи от 21 марта показывает, что президент не хотел, чтобы Дэн рассказал кабинету правду.

Во время заключительной части собрания президент выразил беспокойство о бывшем генеральном адвокате Джоне Н. Митчелле и предложил, что Митчелл должен быть похвален за сдерживание уотергейтского расследования.

Президент предложил сказать Митчеллу следующее: «Нет никаких сомнений в верной предвыборной стратегии. Вы выбрали ее совершенно правильно. Вы составили ее. И теперь, после выборов, у нас будет другой план. Потому что мы не можем четыре года проглатывать все это». Обсуждая предложенную встречу с Митчеллом по поводу прикрытия, президент сказал, что «Митчелл должен быть здесь, потому что он серьезно втянут в это и мы постараемся удержать его с нами».

Халдеман заметил после этого, что Уотергейтское дело может затронуть президента. «Разрушение сейчас уже движется к вам, и это процесс, который мы должны остановить любой ценой. Мы постараемся избежать этого как можно более низкой ценой и сделаем это во что бы то ни стало».

«Это то, что мы обязаны сделать», — поддержал Дэн.

Далее президент сказал: «Что ж, разрушение неизбежно доберется до нас, независимо ни от чего, и каждый скажет, что Уотергейт — еще не самая главная проблема. Этого пока нет. Но это будет. Это граница для [неразборчиво. — *Прим. К. Бернстина и Б. Вудворда*] выхода. Задержка — большая опасность для всего Белого дома. Мы, я имею в виду Белый дом, не можем сделать этого. Так?»

«Да, сэр», — ответил Дэн, и собрание, вероятно, на этом окончилось.

Неразборчивая часть диалога может иметь решающее значение. Если, например, президент сказал, что правда «вышла», это будет крайне благоприятно для его защиты. С другой стороны, если он сказал, что деньги или 120 000 долларов «вышли», это будет для него в высшей степени угрожающе.

В один из моментов разговора президент спросил Дэна: «За что вы бы сели в тюрьму?»

«За препятствие правосудию», — ответил Дэн.

Президент казался озадаченным: «За препятствие правосудию?»

Сказав, что обвинение по Уотергейту было куплено и что Хант шантажировал Белый дом, президент подчеркнул, что препятствие правосудию «должно быть убрано одним движением».

<...> Далее президент предложил, что сотрудникам администрации Белого дома Пауэллу Муру и Колсону не следует присутствовать на подобных встречах. Мистер Никсон не назвал причину не допускать Мура, но сказал, что Колсон «слишком много болтает» и «любит намекать на свои связи».

Также президент сказал, что он не беспокоится о неблагоприятной публичной огласке.

«Суть в том, — сказал президент, — что я не хочу какой-либо уголовной ответственности. Есть момент, что я беспокоюсь за членов администрации Белого дома, и я хотел бы верить в членов предвыборного комитета».

Чтобы избежать той самой «уголовной ответственности», президент сказал, что это «означает сокрытие» Дэна, Калмбаха, Халдемана, Митчелла и бывших членов администрации Дуайта Чапина и Гордона Страчана.

Далее президент предложил сделать «попытку сокращения потерь»:

«Во-первых, похоже, что потребуется приблизительно миллион долларов, чтобы позаботиться о тех болванах, которые угодили в тюрьму. Это может быть улажено. Но вы сделаете это после того, как мы уйдем [по-видимому, имеется в виду 1977 год, когда истечет президентский срок мистера Никсона. — *Прим. К. Бернстина и Б. Вудворда*], и, наверное, мы сможем потратить эти деньги. Они могут пойти прахом, и эта история окажется весьма непривлекательной. Людям будет все равно, но они станут разговаривать об этом, это уж точно».

Президент также предположил, что Белый дом сохранит в тайне историю о выплатах денег уотергейтским обвиняемым от Комитета защиты Кубы.

«Ну да, — ответил Дэн, — мы можем проделать все это. Не факт, конечно, что все пройдет именно так, но...»

«Я знаю, — сказал президент, — но именно так это и произойдет».

Перевод *Антон Хализова*



## Билл Клинтон

### Я согрешил [\[32\]](#)

Речь 11 сентября 1998 года

Большое спасибо, дамы и господа. Добро пожаловать в Белый дом в этот день. День, которого Хиллари, вице-президент и я с нетерпением ждем каждый год.

Для нашей страны это всегда очень важный день, и вице-президент объяснил почему. Это необычно, и, я думаю, сегодня необычайно важный день. Возможно, я не так легко нахожу нужные слова, как в минувшие годы, и я заметно припозднился вчера, молясь и думая о том, что должен сказать сегодня. И, что необычно для меня, я записал эти слова. Так что если вы простите меня, я постараюсь сказать все, что должен сказать вам, — мне, вероятно, придется надеть очки, чтобы прочитать вам мою писанину.

Во-первых, я хочу обратиться ко всем вам. Вы понимаете, что я много думал о том, что произошло, чтобы, наконец, подвести черту, понять, как это отразилось на мне и на вас.

Я согласен с теми, кто назвал мое первое заявление недостаточно искренним. Я не думаю, что есть какой-то необычный способ сказать, что я согрешил.

Для меня очень важно, чтобы о том, что мое раскаяние искренне, знал каждый, кому была причинена боль: прежде всего, моя семья, мои коллеги, подчиненные, советники, Моника Левински, ее семья и весь американский народ. Я прошу у всех прощения.

Но я считаю, что для прощения мало одного сожаления о содеянном, — для этого нужны как минимум две вещи. Во-первых, искреннее раскаяние — решение измениться и исправить свои ошибки. Я раскаялся. Во-вторых, то, что моя Библия называет «сломанным духом», — осознание необходимости помощи Божией, готовности дать прощение, которого я ищу; отказ от гордыни и злости, которые заставляют людей оправдываться, жаловаться, обвинять.

Что все это значит для меня и для нас? Во-первых, я дам указание своим юристам выстроить серьезную защиту, используя все доступные

средства убеждения. Но юридический язык не должен скрыть тот факт, что я поступил неверно. Во-вторых, я продолжу идти по пути раскаяния, заручусь поддержкой духовенства и равнодушных людей, чтобы они могли удерживать меня ответственным за свои обязательства.

В-третьих, я увеличу свои усилия в движении нашей страны и всей планеты к миру и свободе, процветанию и гармонии, с надеждой, что со сломанным духом, но еще сильным сердцем я могу быть полезен для больших дел. Ведь нас так часто благословляли, так часто бросали вызовы, и у нас есть огромное количество работы, требующей выполнения.

Я взываю к вашим молитвам и к вашей помощи в оздоровлении нашей нации. И хотя я не могу пройти мимо или забыть это — на самом деле, я должен всегда держать это в голове как предостережение — очень важно, что наша нация движется вперед.

Я очень благодарен многим и многим: духовенству и обычным гражданам — людям, которые написали и помогли мне мудрым советом. Я глубоко благодарен многим американцам за поддержку, тем, кто знает, что, несмотря на все неурядицы, я забочусь о них, помню об их надеждах и мечтах. Я благодарен тем, кто поддерживал меня и говорил, что в этом случае и в других имели место чрезмерные посягательства на личное пространство. Возможно. В любом случае, это благословение, так как я все еще грешен. И если мое раскаяние будет искренним и продолжительным, и если я смогу сохранить надломленный дух и сильное сердце, тогда все будет хорошо в нашей стране, а также у меня и моей семьи. (*Аплодисменты.*)

Дети этой страны способны твердо усвоить, что честность очень важна, а эгоизм — это плохо. Бог может изменить нас и сделать нас сильными там, где мы дали слабину. Я хочу воплотить в жизнь эти уроки для наших детей — например, для того мальчика из Флориды, который сказал мне, что видит во мне образец для подражания и хочет стать президентом. Я хочу, чтобы все родители Америки могли сказать это своим детям.

Несколько дней назад во Флориде мой друг еврей дал мне книгу под названием «Врата раскаяния». Меня поразил один эпизод из литургии Йом Кипур. Позвольте зачитать его:

«Теперь — время для превращения. Листья становятся красно-оранжевыми из зеленых. Птицы изменяют свой полет и устремляются к югу. Животные начинают запасать пищу на зиму. Для листьев, птиц и животных эти изменения инстинктивны. Нам же измениться не так легко. Мы должны захотеть этого. Отбросить старые привычки. Признать свою неправоту, что особенно тяжело. Потерять лицо. Начинать снова и снова. И это всегда болезненно. Сожалеть. Признать, что мы можем измениться. Эти вещи ужасно трудно сделать. Но если мы изменимся, мы будем пойманы в ловушку вчерашними способами. Бог помогает нам меняться. От грубости к чувствительности, от враждебности к любви, от мелочности к целеустремленности, от зависти к удовлетворенности, от небрежности к дисциплинированности, от страха к вере. Боже, направь нас и приведи к себе! Боже, дай нам начать жить с начала и поверни нас лицом друг к другу, ибо нет жизни в одиночестве!»

Я благодарен моему другу за эту книгу. Я благодарен вам за ваше присутствие здесь. Я прошу, разделите со мной мою молитву, чтобы Бог нашел меня и познал мое сердце, испытывал меня и проникал в глубину моего беспокойного сознания, проверяя, есть ли какое-нибудь во мне зло, и привел меня к размеренной жизни. Я прошу, чтобы Бог дал мне чистое сердце, чтобы меня вели не глаза, а вера.

Я прошу еще раз любить ближнего своего — всех своих ближних — как себя самого, быть инструментом Божественного порядка; словам моих уст, размышлениям моего сердца и, наконец, работе моих рук быть угодными всем. Вот и все, что я хотел Вам сказать сегодня. Спасибо. Да благословит вас Господь.

*Перевод Игоря Сейфушина*

# **Журналистика и публицистика Великобритании**

Уинстон Черчилль  
Маргарет Тэтчер  
Пресса о принцессе Диане

# Уинстон Черчилль

## Сухожилия мира

Вестминстерский колледж, Фултон, штат Миссури 5 марта 1946 года

Я рад присутствовать сегодня в Вестминстерском колледже и польщен тем, что вы собираетесь присвоить мне ученую степень. Название «Вестминстер» так или иначе знакомо мне. Я определенно слышал о нем прежде. Именно в Вестминстере я получил большую часть своего образования в политике, диалектике, риторике и других науках. Фактически я обучался с вами в одних и тех же или, по крайней мере, схожих условиях.

Это честь, возможно, почти уникальная для частного посетителя — быть представленным ученой публике президентом Соединенных Штатов. Несмотря на свои нагрузки и многочисленные обязанности — добровольно, а не с неохотой — президент проделал путь в тысячи миль, чтобы отметить своим присутствием нашу встречу и предоставить мне шанс обратиться к родственной нации, к моим соотечественникам по ту сторону океана и, возможно, к народам других стран. Президент сказал вам, что это его желание — уверен, также и ваше, — чтобы я имел полную свободу искренне и честно обратиться к вам в это непростое время. Я, безусловно, хочу воспользоваться этой свободой и как никогда чувствую себя вправе сделать это, ведь все амбиции, которые я, возможно, лелеял в молодые годы, были удовлетворены даже сверх моих самых смелых мечтаний. Позвольте мне, однако, сразу прояснить, что я пришел сюда не с какой-то официальной миссией или статусом, что говорить буду непосредственно от себя. Я весь перед вами, абсолютно честен.

Обладая богатым жизненным опытом, я могу позволить себе взяться за проблемы, которые встали перед нами вслед за безоговорочной победой в войне, и я искренне надеюсь, что все то, что было заработано такими жертвами и страданиями, будет сохранено для будущей славы и безопасности всего человечества.

Сегодня Соединенные Штаты находятся на пике мирового могущества. Это — торжественный момент для американской демократии. Но лидерство всегда предполагает и серьезную ответственность перед будущим. Если вы посмотрите на свои свершения, то, вероятно, ощутите не только чувство выполненного долга, но и беспокойство о том, что можете не оправдать надежд других людей. Возможность для обеих наших стран здесь очевидна и ясна. Отклонить, проигнорировать или растратить ее впустую — значит заслужить долгие упреки от последующих поколений. Необходимо, чтобы постоянство мнения, упорство цели и простота решений вели и управляли действиями англоговорящих народов в мире, как это было в войне. Мы должны быть — и я верю, что мы будем, — достойны этого непростого требования.

Сталкиваясь с какой-либо серьезной ситуацией, американские военные привычно пишут вверху своих директив пометку «всеобщий стратегический план». Это мудро, поскольку приводит к ясности. Что тогда является всеобщим стратегическим планом, который мы должны принять сегодня? Это не что иное, как безопасность и благосостояние, свобода и развитие семей всех мужчин и женщин со всех уголков земного шара. И здесь я говорю особенно о бесчисленных семействах, глава и кормилец которых борется со многими трудностями жизни, защищая свою жену и детей от лишений и воспитывая их в страхе Божьем или же на основе этических принципов, которые нередко играют важную роль.

Чтобы обеспечить безопасность этим семьям, надо оградить их от двух главных «убийц»: войны и деспотизма. Все мы знаем ужасные волнения, в которые погружена обычная семья, когда проклятие войны довлеет над кормильцем и его детьми. Катастрофические разрушения Европы со всем ее величием и больших территорий Азии ослепляют нас своим размахом. Когда замыслы злых людей или жесткий напор могущественных стран подрывают основы цивилизованного мира, простой народ встречает трудности, преодолеть которые он не в силах. Для него все стерто, искажено или просто превращено в пепел.

Находясь здесь в этот тихий день, я содрогаюсь, представляя, что происходит с миллионами людей и будет происходить вскоре, когда голод придет в их страны. Никто не может измерить, сколько это —

«переполненная чаша человеческой боли». Наша высшая задача и обязанность состоит в том, чтобы защитить семьи простых людей от ужасов и бедствий другой войны. Мы все сошлись на этом мнении.

Наши американские военные коллеги, провозгласив свой «всеобщий стратегический план» и определив доступные им средства, не стоят на месте, а неизменно двигаются вперед. Здесь также есть широко распространенные соглашения. ООН была создана с главной целью — предотвратить войну. Преемник Лиги Наций, с решающим вступлением в нее Соединенных Штатов и всего, что это вступление предполагает, уже приступил к работе. Мы должны быть уверены, что его работа плодотворна, реальна, а не обманчива, что в ней есть действие, не просто слова; что строится истинный Храм Мира, щит для каждой нации, а не Вавилонская башня. Прежде чем отказываться от программ национального вооружения, единственно для собственной защиты, мы должны убедиться, что наш Храм возведен не на зыбком песке или болоте, а на прочной скале. Каждый знает, что наш путь будет труден и долог, но если мы будем упорно работать вместе, как мы делали это в двух мировых войнах — хотя, увы, не в промежутках между ними, — я не сомневаюсь, что в конце мы достигнем общей цели.

У меня, однако, есть реальное предложение к действию. Суды и судьи могут быть организованы и учреждены, но они не способны функционировать без шерифов и констеблей. Необходимо немедленно начать оснащение Организации Объединенных Наций международной вооруженной силой. В таком вопросе мы должны идти постепенно, шаг за шагом, но начать — безотлагательно. Я предлагаю, чтобы каждому государству было предложено направить определенное количество воздушных эскадрилий в распоряжение Всемирной Организации. Эти эскадрильи обучались бы и готовились каждая в своей стране, но перебрасывались бы из одной страны в другую. Они носили бы национальную форму, но со знаками различия. Они не были бы принуждены действовать против своих людей, но в других аспектах руководить ими будет Всемирная Организация. Начать можно с малого, со скромных масштабов, и увеличивать начатое по мере укрепления доверия. Я хотел бы видеть это после Первой мировой войны и искренне верю, что это можно сделать и сейчас.

Однако, было бы неправильно и неблагоразумно — вверять секретное знание об атомной бомбе, которое Соединенные Штаты, Великобритания и Канада теперь разделяют, Всемирной Организации, в то время как она находится еще во младенчестве. Было бы сущим безумием пустить дело на самотек в нашем все еще хрупком и беспокойном мире. Никто из людей еще не терял сон оттого, что знания, стратегия и сырье для применения атомной бомбы в значительной степени заключены сейчас в американских руках. Я не думаю, что мы бы спали так же крепко, будь положение вещей другим и если б какое-нибудь коммунистическое или неонацистское государство монополизировало в настоящее время эту опаснейшую отрасль. Страх, внушаемый ими, мог бы легко использоваться для возвышения тоталитарных систем над свободным демократическим миром с последствиями, которые страшно даже представить. На то нет Божьей воли, и у нас еще есть время обезопасить наш дом прежде, чем с этой опасностью придется столкнуться: и даже когда не останется ни одного шанса, мы должны будем обладать достаточно весомым превосходством, чтобы иметь эффективные устрашающие средства против использования оружия. В конечном счете, когда люди объединятся и их сплоченность будет воплощена во Всемирной Организации, со всеми практическими гарантиями ее эффективности, эти полномочия, естественно, будут доверены Всемирной Организации.

Теперь я перехожу ко второй опасности, которая угрожает семьям простых людей, а именно к тирании. Мы не можем закрыть глаза на тот факт, что привилегии, которыми пользуются определенные граждане в Британской империи, недействительны в значительном числе стран, некоторые из которых очень мощны. В этих государствах контроль ведется за каждым всеми возможными методами полицейских органов. Власть государства осуществляется без ограничений диктаторами или сплоченными олигархиями, захватившими власть через привилегированную партию и политическую полицию. Это не наша обязанность — вмешиваться во внутренние дела стран, с которыми мы не воюем, в то время как трудностей становится все больше и больше. Но мы не должны прекращать смело провозглашать вечные принципы свободы и прав человека, которые являются общим наследием всего англоговорящего



мира и которые через Великую хартию вольностей, Билль о правах, закон Хабеас Корпус, через суд присяжных и английское общее право находят самое главное выражение в американской Декларации независимости.

Все это значит, что люди, независимо от их национальности, должны иметь доступ к любым конституционным действиям, свободным выборам с секретными бюллетенями, влиять на характер или форму правительства, при котором они живут; что свобода слова и мыслей должны быть неотъемлемыми; что суды, не зависящие от своих руководителей и свободные от давления заинтересованных лиц, должны управлять законами, принятыми большинством и освященными временем и традицией. Перед нами — главные принципы свободы, которые должны лечь в основу каждой семьи. Перед нами — послание британских и американских народов к человечеству. Позвольте нам проповедовать то, что мы делаем, и делать то, что мы проповедуем.

Я рассказал о двух основных опасностях, угрожающих людям: о войне и тирании. Я еще не упомянул о бедности и нужде, которые зачастую более всего тревожат людей. Но если опасность войны и тирании будет устранена, нет сомнений, что наука и взаимное сотрудничество скоро принесут миру увеличение материального благосостояния, независимо от прошлого опыта человечества. Теперь, в это непростое время, мы ввергнуты в бедствия и голод, в эти печальные последствия нашего сопротивления; но это пройдет, и нет ничего безумнее поступков, которые препятствуют установлению эры благополучия. Я часто повторяю слова, которые услышал пятьдесят лет назад от крупного ирландско-американского оратора, моего друга, г-на Боерка Кокрана: «Всем всего хватит. Земля — щедрая мать; она дарует обильную пищу своим детям, если они будут возделывать ее в мире и честности».

Продолжая осмыслять наш всеобщий стратегический план, я подхожу, наконец, к самой сути того, ради чего приехал сюда. Ни уверенное предотвращение войны, ни непрерывное возвышение ООН не будут достигнуты без того, что я называю братским содружеством англоговорящих народов. Речь идет об особенных отношениях между Британским Содружеством и Империей и Соединенными Штатами. Нет времени для сомнений и неопределенности, и я беру на себя

ответственность говорить с вами конкретно. Братское содружество требует не только укрепления дружбы и взаимопонимания между нашими государственными системами, но и дальнейшего развития близких отношений между нашими военными советниками. Тесные связи помогут нам совместно исследовать угрозы и опасности, выбирать единое оружие и единые руководства по его использованию, обмениваться офицерами и курсантами — учащимися технических колледжей. Это, в свою очередь, приведет к более продолжительной службе современных средств безопасности при использовании военно-морских и авиационных баз ВВС любой страной мира. Вероятно, это удвоит подвижность американского флота и воздушных сил. Это очень расширит силы Британской империи и может привести — если обстановка в мире начнет стабилизироваться — к значительной финансовой экономии. Мы уже используем вместе большое количество островов; многие другие вполне могут перейти в нашу общую опеку в ближайшем будущем.

Соединенные Штаты имеют уже постоянное соглашение о защите с Доминионом Канада, которая очень предана Британскому Содружеству и Империи. Это соглашение оказалось гораздо эффективнее тех, что зачастую утверждаются при формальных союзах. Этот принцип должен распространиться на все государства Британского Содружества с полной взаимностью. Таким образом, что бы ни случилось, мы будем защищены и способны сотрудничать по значительным и малым вопросам, важным для нас и ни для кого не вредным. В конечном счете, наступит — я чувствую, обязательно наступит — принцип общего гражданства, и мы сможем верить себя судьбе, протягивающей нам руку.

Однако есть важный вопрос, который мы должны задать самим себе. Не станут ли близкие отношения между Соединенными Штатами и Британским Содружеством совместимы с основополагающей верностью Всемирной Организации? Я отвечаю, что, напротив, это, вероятно, единственное условие, при котором эта организация может достигнуть полного развития и мощи. Уже существуют тесные взаимные связи Соединенных Штатов и Канады и есть определенные отношения между Штатами и южноамериканскими республиками. Мы, британцы, имеем двадцатилетнее соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи с Советской Россией. Я соглашусь с г-ном Бевинем,

министром иностранных дел Великобритании, что этот договор мог бы быть заключен и на 50 лет. Мы стремимся только к взаимопомощи и сотрудничеству. Британцы поддерживают союз с Португалией, неизменный с 1384 года и принесший поразительные результаты в ключевые моменты Второй мировой войны. Ни одно из этих соглашений не входит в противоречие с общими интересами всемирного соглашения.

Тесное общение между членами ООН, которое не проявляет агрессии ни к одному государству, которое не поддерживает ни один проект, несовместимый с Уставом Организации Объединенных Наций, далеко от того, чтобы считаться пагубным, оно полезно и, я убежден, абсолютно необходимо.

Ранее я говорил о Храме Мира. Строители всех стран должны возводить этот Храм вместе. Если двое из них знают друг друга особенно хорошо, если они старые друзья, их семьи общаются и они «верят друг в друга, надеются на доброе будущее и милосердны к недостаткам друг друга» (эти замечательные слова я прочел здесь на днях), почему бы им не взяться за общее дело как друзьям и партнерам? Почему они не могут соединиться и таким образом удвоить свои силы? Поистине, они должны сделать именно так, иначе Храм не будет построен, а если и будет, то вскоре разрушится и мы снова докажем свою неспособность и снова, в третий раз, попадем в школу войны, несравненно более жестокую, чем предыдущая. Средневековые и каменный век могут вернуться к нам на мерцающих крыльях науки и осыпать все человечество неизмеримыми благами, а могут вызвать его полное крушение. Я говорю вам: остерегайтесь, время обманчиво. Не позволим себе бросить события на произвол судьбы, потом будет слишком поздно что-то исправить. Если мы создадим братство, похожее на то, что я описал, со всей силой и мощью, которые наши страны могут извлечь из него, мы можем быть уверены, оно будет играть огромную роль в построении и стабилизации мира. Это дорога мудрости. Предотвратить всегда легче, чем исправить.

Тень упала на события, освященные недавно союзнической победой. Никто не знает, что Советская Россия с ее международной коммунистической организацией намеревается сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, ее

экспансионистским и пропагандистским действиям. Я глубоко восхищаюсь храбрыми русскими и моим военным товарищем маршалом Сталиным. Великобритания питает большую симпатию и доброжелательность — и я сомневаюсь, что она одна — ко всем народам России и упорно хотела бы и дальше укреплять дружбу, несмотря на многие трудности и всю нашу разнородность. Мы понимаем желание российской стороны обезопасить себя на западных границах, исключая любую возможность немецкой агрессии. Мы приветствуем Россию на ее законной позиции среди ведущих стран мира. Мы приветствуем ее флаг, развевающийся на кораблях. Прежде всего, мы приветствуем постоянное и растущее сотрудничество между русскими и англоговорящими народами по обе стороны Атлантики. Это — моя обязанность, поскольку я уверен, что вы хотели бы, чтобы я представил вам факты такими, какими я их вижу, рассказал вам о существующем положении в Европе.

От Штеттина в Балтийском море до Триеста в море Адриатическом железный занавес был опущен через весь континент. За его границами располагаются столицы всех древних государств Центральной и Восточной Европы. Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София — все эти известные города находятся внутри сферы советского влияния, как я это называю, и все подчинены в той или иной форме не только советскому влиянию, но и неуклонно растущему контролю Москвы. Только греческие Афины с их бессмертной славой свободны в определении своего будущего на выборах, при британских, американских и французских наблюдателях. Ведомое Россией, польское правительство совершило неправомерные вторжения в Германию, и происходят массовые изгнания миллионов немцев. Коммунистические партии, которые были очень незначительными во всех восточных странах Европы, заработали себе превосходство и силу совсем не численностью и теперь всячески стремятся заполучить неограниченную власть. Полицейские правительства существуют почти везде, и пока — за исключением Чехословакии — нет там никакой истинной демократии.

Турция и Персия сильно встревожены требованиями, которые им предъявляются, и давлением, оказываемым на них московским правительством. Русские пытаются создать в Берлине якобы коммунистическую партию в зоне своего влияния, выказывая особую

благосклонность группам левых немецких лидеров. После боев в июне прошлого года американские и британские войска ушли, в соответствии с более ранним соглашением, на запад по фронту протяженностью почти в 400 миль и продвинулись в глубину на 150 миль, чтобы позволить нашим российским союзникам занять эту обширную территорию, завоеванную западными демократическими государствами.

Если теперь советское правительство будет отдельно пытаться создать прокоммунистическую Германию в своих областях, то это вызовет новые серьезные трудности в британской и американской зонах и разделит побежденных немцев между страной Советов и западными демократическими государствами. Какие бы выводы мы ни делали из этих фактов, это, конечно, явно не та освобожденная Европа, за которую мы боролись. Это и не то, что необходимо для постоянного мира.

Безопасность мира требует нового единства в Европе, из которого ни одна нация не должна исключаться. Именно из-за ссор сильных коренных рас в Европе мы и стали свидетелями мировых войн, которые происходили и раньше. Дважды мы видели, как Соединенные Штаты, вопреки своим желаниям и традициям, вопреки аргументам, в убедительность которых невозможно было не поверить, непреодолимыми силами втягивались в эти войны, чтобы обеспечить победу правого дела, но только после ужасной резни и опустошений. Дважды Соединенные Штаты должны были послать миллионы своих молодых ребят через Атлантику, чтобы настигнуть войну; но теперь война сама может настичь любую нацию, где бы та ни находилась между сумраком и рассветом. Конечно, мы должны работать с сознательной целью для мира в Европе, в рамках ООН и в соответствии с ее Уставом. Это, по моему мнению, политика исключительной важности.

По другую сторону железного занавеса, опущенного через всю Европу, есть и другие причины для беспокойства. В Италии коммунистическая партия серьезно затруднена необходимостью поддержать притязания коммунистического маршала Тито на прежнюю итальянскую территорию в центре Адриатики. Будущее Италии лежит на чаше весов. Сегодня, как и прежде, нельзя представить возрожденную Европу без сильной Франции. Всю свою

общественную жизнь я работал для сильной Франции и никогда не терял веру в нее, даже в самые мрачные времена. Не буду терять веру и сейчас. Однако во многих странах, далеких от российских границ, коммунистические пятые колонны созданы и работают в полном единстве и в абсолютном повиновении указаниям, получаемым из коммунистического центра. Кроме как в Британском Содружестве и в Соединенных Штатах, где коммунизм находится в зародыше, коммунистические партии или пятые колонны бросают вызов и угрожают христианской цивилизации. Это — мрачные факты, о которых приходится говорить сразу же после победы, одержанной столь великолепным товариществом по оружию во имя мира и демократии. Но было бы в высшей степени неразумно игнорировать их, пока у нас еще есть время.

Тревожна ситуация и на Дальнем Востоке, особенно в Маньчжурии. Соглашение, которое было подписано в Ялте при моем участии, было чрезвычайно благоприятно для Советской России. Но оно было заключено в то время, когда никто не мог сказать, что война закончится летом или осенью 1945 года и когда ожидалось, что война с Японией будет идти в течение 18 месяцев после окончания войны с Германией. В вашей стране вы все так хорошо знакомы с Дальним Востоком и являетесь такими преданными друзьями Китая, что, я думаю, нет необходимости долго распространяться о ситуации там.

Я чувствую себя обязанным обрисовать тень, которая с Запада и Востока падает на мир. Во время заключения Версальского договора я был министром и близким другом г-на Ллойд Джорджа, который возглавлял делегацию Великобритании в Версале. Лично я не соглашался со многим из того, что там было сделано, но до сих пор нахожусь под сильным впечатлением и чувствую боль, сравнивая ту ситуацию с нынешней. В те дни в сердцах людей была крепкая вера и надежда на то, что войн не будет и что Лига Наций станет всесильной. Сейчас, в нашем измученном мире, я уже не вижу и не чувствую той уверенности, той веры и надежды.

С другой стороны, я отвергаю мысль о том, что новая война неизбежна, тем более в недалеком будущем. Именно поэтому я убежден: наши судьбы в наших руках и мы в силах спасти будущее, и я чувствую необходимость высказаться, покуда есть такая возможность. Я не верю, что Советская Россия желает войны. Чего они хотят, так это

плодов войны и неограниченного распространения своей власти и идеологии. Но что мы должны обсудить сегодня, пока еще есть время, так это предотвращение войн и учреждение свободы и демократии, как можно скорее и во всех странах. Наши трудности и опасности не уйдут, если мы просто закроем на них глаза или просто будем ждать, что произойдет. Не поможет здесь и политика «успокоения». Единственное, что необходимо, — это урегулирование, и чем больше оно откладывается, тем труднее будет его осуществление и с тем большими опасностями мы столкнемся.

В течение войны я ближе узнал наших российских коллег и союзников и могу утверждать, что они ничем не восхищаются так, как силой, и ничто не презирают так, как слабость, особенно военную. По этой причине старая доктрина равновесия сил уже непригодна. Мы не можем позволить себе — насколько это возможно, конечно, — предпочитать суд силе. Если западные демократические государства будут вместе строго придерживаться принципов Устава Организации Объединенных Наций, их помощь в распространении этих принципов будет огромна и никто, вероятно, не сможет им помешать. Если же они будут разобщены или усомнятся в своем долге и если бесценное время ускользнет, — тогда действительно катастрофа может сокрушить нас всех.

В последний раз, чувствуя приближение роковых событий, я громко взывал к своим соотечественникам и к миру, но не был услышан. До 1933 года или даже 1935-го Германия, возможно, смогла бы избежать ужасной судьбы, которая постигла ее, и мы бы не испытали несчастий, обрушенных Гитлером на человечество. Никогда еще в истории не было войны, которую было бы так легко предотвратить своевременными действиями, чем ту, что недавно разрушила полмира. Я уверен, ее можно было бы предотвратить без единого выстрела, и Германия была бы сегодня могущественной, благополучной и почитаемой страной; но никто не прислушался тогда к моим призывам, и один за другим мы все были затянуты в этот ужасный водоворот. Мы, конечно, не должны позволить этому повториться. Сегодня, в 1946 году, этого можно добиться только путем установления взаимопонимания с Россией по всем вопросам под эгидой Организации Объединенных Наций и поддержкой хороших отношений в течение многих мирных лет, опираясь на силу всего

англоговорящего мира и его связей. Есть одно решение, которое я с уважением предлагаю вам в своей речи и которому я дал название «Сухожилия мира».

Мы не позволим недооценивать власть Британской империи и Содружества. Да, 46 миллионов человек на острове нуждаются в поставках пищи, которую они сами выращивают только наполовину, даже в военное время. Да, мы испытываем трудности в возобновлении нашей промышленности и экспортной торговли после шести лет беззаветных военных усилий. Но не думайте, что мы не пройдем через эти мрачные годы лишений так, как прошли через славные годы страданий. Не думайте, что через полвека 70 или 80 миллионов англичан не будут проживать по всему миру, объединенные нашими традициями, нашим образом жизни и мировыми принципами, которые и вы и мы разделяем. Если население Британского Содружества и Соединенных Штатов будет действовать сообща, предполагая сотрудничество в воздухе, на море — на всем земном шаре, в науке, в промышленности и в моральной среде, то не будет никакого беспокойства, не будет и шаткого равновесия сил. Напротив, мы добьемся полноценной гарантии безопасности. Если мы будем держаться Устава Организации Объединенных Наций и идти вперед с непреклонным и трезвым упорством, не посягая ни на чьи земли или сокровища, не запрещая людям думать так, как им хочется; если все британские духовные и материальные ценности, а также уверенность будут по-братски разделены с вашими, то пути нашего будущего станут ясны не только для нас, но и для всех, не только для современности, но и для грядущих поколений.

Перевод *Анны Чуприян*



## Маргарет Тэтчер

### Пробудись, Британия!<sup>[33]</sup>

Первая обязанность любого правительства состоит в том, чтобы оберегать граждан его страны от внешней агрессии, гарантировать сохранение нашего образа жизни.

Вопрос, который мы должны теперь задать сами себе: полностью ли существующее правительство выполняет эту обязанность? Эта защита особенно важна сейчас, когда стратегическая угроза Великобритании и ее союзникам от экспансионистской власти более серьезна, чем когда-либо со времени окончания последней войны.

Военные постоянно предупреждают нас, что стратегический баланс сил склоняется против НАТО и Запада. Но социалисты никогда не слушают. Они, кажется, не понимают, что субмарины и ракеты, которые русские строят, могут использоваться и против нас. Возможно, некоторые люди в лейбористской партии думают, что мы находимся на той же самой стороне, что и русские! Но давайте внимательнее посмотрим на то, что они делают.

Этой страной<sup>[34]</sup> управляет диктатура терпеливых, дальновидных решительных мужчин, которые прилагают все силы, чтобы сделать их страну передовой военно-морской державой. Они делают это не только ради самозащиты. Ведь такой огромной стране, как Россия, почти не имеющей выхода к морю, не нужен самый мощный флот в мире только для того, чтобы охранять собственные границы.

Нет. Русские нацелены на достижение мирового господства, и они сейчас делают все необходимое, чтобы стать самой мощной нацией, которую видел мир. Мужчины в советском политбюро не волнуются об общественном мнении. Для них оружие важнее, чем масло, для нас — наоборот. Они знают, что они сверхдержава только в одном смысле — в военном. А в экономике и состоянии общества они нам проигрывают.

Но давайте не делать ошибок. Русские вычислили, что их военная сила с лихвой восполнит их экономическую и социальную слабость. Они настроены использовать это, чтобы получить то, что хотят от нас.

В прошлом году, накануне Хельсинкской конференции, я говорила о том, что Советский Союз каждый год тратит на военные исследования на 20 процентов больше, чем Соединенные Штаты. На 25 процентов больше — на закупку оружия и другого военного оборудования. 60 процентов больше — на стратегическое ядерное вооружение.

За прошлые десять лет Россия потратила на военно-морское судостроение на 50 процентов больше денег, чем США. Некоторые военные эксперты полагают, что Россия уже достигла стратегического превосходства над Америкой. Это — баланс сил, который показывает, что СССР представляет непосредственную опасность для НАТО. Я собираюсь в четверг посетить штаб наших войск в Германии. Я еду туда сейчас, когда силы стран, объединенных Варшавским договором, т.е. силы России и ее союзников, — в Центральной Европе превосходят численностью силы НАТО на 150 000 человек, на 10 000 танков и 2600 самолетов. Мы не можем позволить себе этой разнице в вооружении становиться еще больше. К тому же нехватка нашей военной мощи проявляется и в других беспокойных областях — в Южной Европе и Средиземноморье.

Возвышение России как международной военно-морской державы угрожает нашим нефтяным платформам и нашим традиционным путям торговли — морским маршрутам. За прошлые десять лет русские в четыре раза увеличили силу своих ядерных субмарин. Теперь на строительство одной ядерной субмарины у них уходит месяц. Они ищут новые места, где они могут построить свои военно-морские базы, по всему миру, в то время как мы бросаем наши и так немногочисленные базы.

Они проникли и в Индийский океан. Они представляют все возрастающую угрозу для наших северных вод и, более того, — для жизненно важных для нас морских маршрутов Японии. Советский флот не разработан для самозащиты. Нам не надо представлять себе мировую ядерную или просто обычную войну, чтобы понять, как русские могут использовать в политических целях свое военное превосходство над нами. Я первая бы приветствовала любое свидетельство готовности русских к разоружению. Но я боюсь, что факты свидетельствуют об обратном.

Перед собранием в Хельсинки я предупреждала, что опасно обольщаться иллюзорной разрядкой. Некоторые тогда скептически к

этому отнеслись, но мы теперь видим, что мое предупреждение было полностью оправдано. Разрядка побудила русских сокращать их программу защиты? Это отговорило их от наглого вмешательства в Анголе? Это привело к какому-нибудь усовершенствованию условий советских граждан или людей, живущих в поселениях Восточной Европы?

Мы знаем ответы. В Хельсинки мы подтвердили свой статус-кво в Восточной Европе. Взамен мы надеялись на более свободное движение людей и идей сквозь железный занавес. Пока это не так. Мы всегда были нацелены на поддержание мира между странами. Мы будем приветствовать любую инициативу из Советского Союза, который внес бы свой вклад в установление мира.

Но мы должны также учесть предупреждения тех, кто, как Александр Солженицын, напоминает нам, что мы вели своего рода «третью мировую войну» с СССР, начиная с 1945 года, и что мы потеряли почву под ногами. Если мы оглянемся назад и оценим проигранные сражения, количество стран, которые потеряли свободу или подверглись опасности из-за СССР, то можем ли мы отрицать, что Солженицын был прав?

Мы видели Вьетнам и Индокитай, проглоченные коммунистической агрессией. Мы видели, что коммунисты открыто пытались захватить власть в Португалии, а между тем Португалия — наш самый старый союзник. Все это признак того, что в западных странах идет движение против третьей мировой войны. И теперь Советский Союз и его спутники ввозят деньги, оружие и вводят пограничные войска в Анголу в надежде на вхождение ее в коммунистический блок.

Мы должны помнить, что нет никаких правил в нынешнем соревновании. И русские играют, чтобы победить. У них есть большое преимущество — сражения против них идут на нашей территории.

Через неделю после Хельсинкской конференции г-н Зародов, ведущий советский идеолог, писал в газете «Правда» о том, что коммунистические партии Западной Европы должны забыть о своих компромиссах и соглашениях с социал-демократами и пойти в наступление, чтобы вызвать пролетарскую революцию.

Позже Брежнев сказал, что он одобряет эту статью. Если это — та линия, которую советское правительство примет на партийном

конгрессе в следующем месяце, то мы должны учесть такое предупреждение. Это касается нас самым непосредственным образом. Мы не откажемся от политики, направленной на сохранение мира.

Но если мы не можем понять, почему русские так быстро становятся самой большой военно-морской державой в мире, нам стоит взглянуть на то, что они пытались сделать в Португалии и пытаются совершить в Анголе, и вспомнить, что, по их словам, Англия закончит свое существование на «свалке истории».

Мы обращаемся к нашему союзу с Америкой и НАТО, ведь этот союз — главная гарантия нашей собственной безопасности и в неевропейском мире. Соединенные Штаты — все еще главные поборники свободы. Но мы знаем, как горький опыт Вьетнама изменил общественные настроения в Америке. Мы также знаем об обстоятельствах, которые запрещают американскому президенту действовать в год выборов.

Таким образом, именно сейчас необходимо, чтобы каждый из нас внес свою лепту в дело защиты свободы. Великобритания с ее международным опытом дипломатии и защиты будет играть в этом особую роль. Мы в консервативной партии уверены, что Великобритания должна сыграть эту роль. Это не значит, что мы возвращаемся к ностальгической иллюзии о той роли, которую Британия играла раньше. Мы утверждаем — Британия должна занять свое место в этой борьбе ради своего будущего. Прогресс коммунистической власти угрожает всему нашему образу жизни. И этот процесс станет необратимым, если мы не примем необходимые меры. Но чем дольше мы бездействуем, тем сложнее будет это сделать.

Другими словами: чем дольше лейбористская партия будет входить в состав правительства, тем более уязвимой будет страна. (*Аплодисменты.*) Что это правительство сделало с обороной нашей страны? В последних выступлениях правительство сказалось, что сократит расходы на оборону на 4700 млн. фунтов за следующие девять лет. А в дальнейшем еще на 110 млн. Кажется, теперь мы будем видеть только сокращения расходов на эту область.

С учетом таких сокращений Рою Мазону, министру безопасности, стоит называть себя теперь министром ненадежности. Теперь мы тратим на оборону и военную промышленность меньше (если считать сумму на душу населения), чем любой из наших главных союзников.

Великобритания тратит только 90 фунтов на душу населения. Западная Германия тратит 130, Франция тратит 115. Соединенные Штаты тратят 215. Даже нейтральная Швеция тратит на 60 фунтов на душу населения больше, чем мы. Конечно, мы более бедны, чем большинство наших союзников в НАТО. Это — часть бедственного экономического наследия социализма. Но давайте выясним одну вещь.

Сейчас не то время, когда тот, кому важны интересы страны, должен говорить о сокращении наших затрат на вооружение. Это время, когда мы срочно должны усилить нашу защиту. Конечно, эти расходы — бремя для нас. Но это — то, что мы должны перенести, если хотим сохранить свободу. Вся история нашей страны озарена этим факелом свободы. Я много путешествую по миру, и постоянно находятся люди, которые снова и снова спрашивают: «Что случилось с Великобританией?» Они хотят знать, почему мы как страусы прячем голову в песок, почему мы, со всем нашим опытом, не показываем пример всему остальному миру.

Многие, возможно, даже сейчас не понимают той угрозы, которая нависла над нашей страной. Мы надеемся, что наше правительство станет более дальновидным. Но надо отдать им должное, правительство разъяснило степень опасности в Белой книге защиты в прошлом году. Однако, сделав так, они сделали абсурдный вывод, что наша оборона должна быть уменьшена.

Социалисты фактически, кажется, считают, что расходы на оборону страны можно сокращать до бесконечности. Но когда речь заходит о сокращении других типов общественных расходов, они становятся гораздо более осторожными. Они, кажется, думают, что мы можем позволить себе увеличивать наши долги, чтобы правительство могло поддержать убыточную компанию. И тратят наши деньги на национализацию и другие меры, например, закон о земле нации.

Очевидно, мы даже можем позволить себе предоставлять долг русским, с меньшим процентом, чем тот, который мы выплачиваем своим кредиторам. Но мы не можем позволить себе, по представлению лейбористской партии, поддерживать нашу оборону на необходимом уровне, в то время как, выполняя наши обязательства перед НАТО, мы ведем главную внутреннюю войну против терроризма в Северной Ирландии и нуждаемся в большем количестве войск, чтобы выиграть

ее. Нас затрагивают не только те кризисы, которые происходят внутри страны. Например, Ангола. В Анголе партизанское движение, поддерживаемое Советским Союзом (МПЛА), сейчас наступает достаточно успешно, и это несмотря на то, что оно управляет только  $\frac{1}{3}$  населения, а поддерживает его даже меньшее количество людей.

МПЛА делает успехи, потому что Советский Союз и его спутники тратят деньги, оружие и пограничные войска на эти сражения. Шесть тысяч кубинских солдат из регулярной армии все еще там. Но очевидно, что приемлемое решение для Анголы возможно, только если все внешние силы уберут их военную поддержку.

Вы могли бы спросить: с какой стати мы должны думать о том, что случается в таком далеком месте, как Ангола?

Есть четыре важных причины. Прежде всего, Ангола занимает жизненно важное для нас стратегическое положение. Если просоветская фракция победит, то последствием почти наверняка будет возникновение советских воздушных и военных баз в Южной Атлантике.

Вторая причина — то, что присутствие коммунистических сил в этой области сделает намного более трудными наши попытки уладить родезийскую проблему и достигнуть понимания между ЮАР и Черной Африкой.

Третья причина является еще более далеко идущей. Если русские одержат победу в Анголе, они могут решить, что они в состоянии повторить такую операцию в другом месте. Точно так же нейтральные нации могут сделать вывод, что НАТО потеряло свои силы и что их политика должна иметь целью достижение компромисса с Россией.

В-четвертых, то, что русские делают в Анголе, не соответствует политике разоружения. Они, кажется, полагают, что их вмешательство соответствует этой политике. Действительно, газета «Известия» недавно утверждала, что советская поддержка коммунистическому МПЛА — «инвестиции в разрядку». Это выражение объясняет нам, что они действительно подразумевают под словом «разрядка». Мы должны однозначно дать понять русским, что мы считаем: то, что они делают в Анголе, несовместимо с разрядкой. Обычно говорится, что политика НАТО заканчивается в Северной Африке в Тропике Рака. Но ситуация в Анголе доказывает, что интересы НАТО, связанные с

обороной входящих в него стран, должны простирались значительно дальше на юг.

В консервативной партии мы полагаем, что наша внешняя политика должна по-прежнему быть основанной на близком понимании с нашим традиционным союзником, Америкой. Это — часть нашей англосаксонской традиции, так же как часть нашего обязательства НАТО, и это дополняет наш вклад в Европейское сообщество. Наше англосаксонское наследие охватывает страны Старого Содружества, которым слишком часто пренебрегали политические деятели в этой стране, но оно всегда близко сердцам британских людей. Мы полагаем, что мы должны основываться на наших традиционных связях с Австралией, Новой Зеландией и Канадой, так же как на наших новых связях с Европой. Я рада видеть, что австралийцы и новозеландцы заключили, — многие другие скоро тоже придут к такому заключению, — что социализм потерпел неудачу.

В их двух избирательных кампаниях в конце прошлого года они избрали правительство, которое ориентируется на возвращение народу свободы выбора, понижение уровня вмешательства государства в экономику до прежнего уровня и восстановление стимула работать.

Наши поздравления Фразеру и Малдуну. Я знаю, что наши страны будут в состоянии учиться на опыте друг друга. То, что случилось в Австралии, — это начало обширного возрождения потребности сохранить и защитить те ценности и традиции, на которых основывается западная цивилизация и ее процветание.

Мы опираемся на тех избирателей, кто верит в демократию и социально-экономическую свободу.

Мы должны обеспечить, через наших представителей, аргументированную и энергичную защиту нашего, западного взгляда на права и привилегии: тот взгляд, который посол Америки в ООН г-н Мойнихане недавно высказал в своих речах, которые так горячо сейчас обсуждаются.

У нас большой теоретический и практический опыт в этой стране в искусстве дипломатии в его самом широком смысле. Это надо использовать (в пределах Европы), чтобы достигнуть эффективных инициатив внешней политики. В пределах ЕЭС интересы

индивидуальных наций не идентичны, и редкое совпадение этих интересов должно стать силой, а не слабостью.

Любые шаги к более близкому сотрудничеству с Европейским союзом нужно тщательно рассмотреть.

Мы склонны к прямым выборам в пределах Сообщества, но необходимо точно вычислить время.

Но надвигаются новые проблемы. Среди них — возможность, что коммунисты придут к власти через коалицию в Италии. Это — серьезный повод для нас стремиться к более близким связям с теми политическими группами в Европейском парламенте, которые против социализма. Впереди трудный 1976 год. Но я надеюсь, что это не приведет к дальнейшему уменьшению роли и влияния западных держав, как это было в 1975 году.

Понятно, что насилие внутри страны — и, прежде всего, политический терроризм — останется главной проблемой для всех западных стран, и надо учесть, что это может стать инструментом в руках коммунистов.

Нам надо найти некое соотношение между полицией и службами безопасности Сообщества и НАТО в борьбе против терроризма. Путь, которым наши собственные полицейские справились с недавними террористическими инцидентами, — прекрасная модель для других сил. Консервативная партия убеждена, что Великобритания должна играть важную роль на мировой арене. Основа этого — замечательные качества ее граждан. Лейбористская партия пренебрегла этой ролью.

Наша способность играть конструктивную роль в мировых делах, конечно, связана с нашей экономической и военной силой. Социализм ослабил нас в обеих этих областях. Поэтому в опасности не только наша возможность играть важную роль, но и сам наш образ жизни.

Социализм принес нам много проблем и трудностей, и за ними мы зачастую не видим тех важных преобразований, которые происходят в мире.

Но мы должны осознать эти события и понять, что они важны и для политики. Советская военная власть не исчезнет только потому, что мы ее игнорируем. И мы должны понять, что эта военная власть может быть использована как угроза для давления на нас, пока мы не применим необходимые средства устрашения.



Мы не тешим себя никакими иллюзиями о пределах британского влияния. Часто говорят, что страна, которая когда-то управляла четвертью мира, теперь только группа офшорных островов. Мы в консервативной партии полагаем, что Великобритания все еще великая страна. Снижение нашей власти в мире было частично неизбежно в связи с возвышением сверхдержав с их большими запасами трудовых и материальных ресурсов.

Еще одной причиной было и снижение нашего экономического роста, ускоренное социализмом.

Мы должны остановить этот процесс. Консервативная партия стремится пробудить граждан Великобритании от долгого сна. Речи людей, входящих в правительство и находящихся вне его, действовали как успокоительное лекарство: нет никакой опасности, в Москве — свет и радость, эскадрон самолетов-истребителей или морских командос менее важен, чем новая субсидия.

Консервативная партия теперь делает предупреждение. Есть моменты в нашей истории, когда мы должны сделать фундаментальный выбор. Это — один такой миг, когда наш выбор определит жизнь или смерть нашего общества и будущее наших детей.

Давайте дадим гарантию, что наши дети будут счастливы потому, что мы не предали их будущую свободу.

Перевод *Елизаветы Бушуевой*

## Пресса о принцессе Диане

### Интервью с принцессой Дианой на BBC

Пятница, 24 ноября 1995 года

*BBC:* Ваше Королевское Высочество, были ли Вы готовы к давлению, войдя в королевскую семью?

*Диана:* Когда тебе 19 лет, то всегда кажется, что ты готов ко всему и представляешь свое будущее. Поначалу я чувствовала себя не в своей тарелке, но всегда ощущала поддержку мужа.

*BBC:* Чего Вы ожидали от семейной жизни?

*Диана:* Я считаю, что каждому в браке, особенно если у тебя разведенные родители, хочется достичь успеха. И не подгонять под шаблон того, что ты видела в своей семье. Я отчаянно к этому стремилась, я отчаянно любила своего мужа и хотела, чтобы мы все разделили вместе, мне казалось, что мы были прекрасной командой.

*BBC:* Как Вы ощущали все то, что с вами происходит? После того, как Вы стали принцессой с перспективой занять трон королевы.

*Диана:* Я не была этим обескуражена, меня никогда не отпугивала ответственность. Естественно, это было и остается сложной задачей — занимать такой пост. Что касается стать королевой — для меня это не было самоцелью, когда я выходила замуж.

Самая неожиданная вещь, которая произошла со мной, — это внимание со стороны СМИ. Нас предупреждали, что помолвка вызовет ажиотаж у журналистов, которые могут подкрасться незаметно, и такое случалось. Затем свое внимание они сфокусировали на мне, и я стала появляться в одиночестве на первых полосах газет ежедневно.

*BBC:* Как Вы объясните, что леди Диана Спенсер превратилась в самую фотографируемую, самую обсуждаемую женщину в мире?

*Диана:* Мне пришлось долгое время отслеживать, чем вызван интерес людей к моей личности. Я допускала, что это могло быть вызвано тем, что мой муж проделал большую работу по подготовке к свадьбе и к отношениям. Но с течением времени ты понимаешь, что сама становишься продуктом и люди делают на тебе хорошие деньги.

*ВВС:* По словам прессы, Вам было очень тяжело справляться с Вашими обязанностями. Вы переживали?

*Диана:* Да, конечно. Затем была ситуация, которая не могла произойти раньше, такое чувство, что СМИ были везде. Это было что-то наподобие цирка, в котором хотел поучаствовать каждый. Это была ситуация, когда ты не можешь жалеть себя: ты либо тонешь, либо плывешь. Ты обучаешься этому очень быстро.

*ВВС:* И что сделали Вы?

*Диана:* Я поплыла. Мы поехали в Алис-Спрингс в Австралии. И когда приехали, пошли прогуляться, и я задала вопрос моему мужу: «Что я должна делать сейчас?» Он ответил: «Перейти на другую сторону и поговорить с ними». Я сказала: «Я не могу, я не могу». Он сказал: «Ты должна сделать это», — и ушел исполнять свой долг. Я пошла следом и тоже исполнила свой долг. Я все начала понимать. Мы пробыли в шестинедельном турне: четыре недели в Австралии и две в Новой Зеландии. В конце, когда мы возвращались, я стала совершенно другим человеком. Во мне появилось чувство долга, интерес, и я поняла свою роль, которую выполняю до сих пор.

*ВВС:* Были ли Вы подавляемы людьми в самом начале?

*Диана:* Да. Я была очень сильно запугана таким интересом, я была полной, круглолицей 20—21-летней девушкой, и я не могла понять, чем вызван такой интерес.

*ВВС:* Можете ли Вы сказать, что на начальных этапах Вы были счастливы замужем?

*Диана:* Очень счастлива. Но давление со стороны журналистов было феноменальным. Например, когда мы путешествовали по Австралии, все могли слышать: ох, они не обходили ее стороной. Если бы вы были гордым мужчиной, как мой муж, что бы вы чувствовали, слыша это ежедневно на протяжении четырех недель? У вас бы появилось чувство подавленности вместо ощущения счастья.

*ВВС:* Когда Вы говорите «не обходили ее стороной», что Вы подразумеваете?

*Диана:* Они не давали мне пройти.

*ВВС:* То есть они отдавали предпочтение Вам, а не Вашему мужу?

*Диана:* Да. Я ощущала дискомфорт по этому поводу, мне это казалось нечестным, потому что я хотела все разделить поровну в нашей жизни.

*ВВС:* Разве Вам не льстило, что СМИ уделяют Вам повышенное внимание?

*Диана:* Повышенное внимание не льстило, поскольку вместе с этим вниманием приходила зависть и возникали различные сложные ситуации.

*ВВС:* В чем поначалу Вы видели роль принцессы Дианы? Имели ли Вы соображения по поводу того, что она должна делать?

*Диана:* Нет, я была очень смущена, появившись на этой сцене. Но со временем я стала все больше погружаться в проблемы людей, отвергнутых обществом, — наркоманов, алкоголиков, угнетенных. И в них я нашла что-то близкое себе. Меня поразила их искренность в процессе нашего общения. В хосписах, например, люди более открытые и ранимые, они естественнее, чем другие. Я высоко оценила это.

*ВВС:* Дворец помог Вам понять, в чем заключается Ваша роль?

*Диана:* Нет. Никто не усаживал меня и не давал бумагу со словами: «Это то, чего ждут от Вас в будущем». Но я была счастлива, что мне удалось найти свое место, я ощущала это и любила быть вместе с людьми.

*ВВС:* Вы создали себе роль, которую хотели создать? Что же Вы делали для этого?

*Диана:* Я помню, как я сидела на больничных кроватях и держала руки людей. И люди пребывали в некотором шоке, потому что не видели этого раньше. Хотя для меня это была вполне нормальная вещь. Я замечала, что в этих действиях люди находили утешение, и решила всегда делать это.

*ВВС:* Вы забеременели через непродолжительное время после свадьбы. Какова была Ваша реакция узнать, что вы ждете мальчика?

*Диана:* Громадное облегчение. Я чувствовала, что он будет трудиться со мной. Громадное облегчение. Когда я была беременна, сканер показал, что это будет мальчик.

*ВВС:* Вы всегда хотели иметь семью?

*Диана:* Я вышла из семьи, где нас было четверо. Мы были невероятно счастливы. И сейчас Вильям и Гарри — это просто счастье для меня, хотя это тяжелее, чем иметь двух девочек, потому что необходим особый подход к их воспитанию. Но я решила: пусть их будущее будет таким, каким оно будет.

*ВВС:* Как члены королевской семьи отреагировали, когда узнали, что будет мальчик?

*Диана:* Каждый испытывал трепет в какой-то мере. Для меня беременность была достаточно тяжелой, но когда Вильям появился на свет, это было громадное облегчение, воцарился мир. Я была здорова и счастлива. Но затем наступила послеродовая депрессия, которая неоднократно обсуждалась. Это было тяжелое время. Ты просыпаешься утром и понимаешь, что тебе не хочется вставать, ты не чувствуешь понимания, ты плачешь про себя.

*ВВС:* Это не было свойственно Вашему характеру?

*Диана:* Да, конечно. Я никогда в жизни не впадала в депрессии. Когда затем я анализировала, какие изменения происходили в последний год, эта картинка стояла перед моими глазами, и мое тело говорило: «Мы хотим отдыха».

*ВВС:* Чего Вы желали?

*Диана:* Я желала многого, понимала, что мне нужно пространство и время для адаптации к новым условиям, возникшим на моем пути. Я знала, что могу справиться, лишь бы люди были более терпимыми ко мне и дали время.

*ВВС:* Когда Вы говорите о новых условиях, которые появлялись на Вашем пути, что Вы имеете в виду?

*Диана:* Это был короткий промежуток времени. Время, в которое полностью изменилась моя жизнь, когда все перевернулось вверх дном, это прекрасный момент, но и момент перемен. И я видела, где имеются шероховатости и как нужно их разгладить.

*ВВС:* Как прореагировала семья на Вашу послеродовую депрессию?

*Диана:* Возможно, я была первым членом этой семьи, кто имел депрессию и плакал в открытую. И это явно обескураживало, потому что если ты не видел этого раньше, как ты можешь на это отреагировать?

*ВВС:* Как депрессия повлияла на Вашу совместную жизнь?

*Диана:* Это позволило всем говорить обо мне как о нестабильном и неуравновешенном человеке. К несчастью, это обсуждалось время от времени в течение нескольких лет.

*ВВС:* Согласно репортерским заявлениям, предположительно, что жизнь становилась настолько трудной, что Вы ранили себя?

*Диана:* Когда никто не слушает тебя или тебе кажется, что никто не слушает тебя, может произойти все что угодно. Ты ранишь себя снаружи, потому что хочешь помощи, но понимаешь, что ты получаешь не то, в чем нуждаешься. Люди все это с жадностью пожирают и считают, что если ты мелькаешь в прессе, значит, тебе хватает внимания. Но я взывала о помощи, потому что хотела быть лучше, двигаться вперед, выполнять мои обязанности как жены, матери и принцессы Великобритании. Таким образом, я наносила удар сама себе. Я не любила себя, я была пристыжена, потому что не могла справиться с давлением.

*ВВС:* Что Вы обычно делали?

*Диана:* Я ранила свои руки и ноги. Сейчас я работаю в таком окружении, где вижу женщин с похожими проблемами и понимаю, из-за чего они.

*ВВС:* Какова была реакция мужа на Ваши действия?

*Диана:* Я никогда не делала этого перед ним. Но очевидно, что тот, кто любит, хочет заботиться.

*ВВС:* Как Вы считаете, понимал ли он, что за этим стоит?

*Диана:* Нет. Не у всех людей было время увидеть это.

*ВВС:* Можете ли Вы сказать, что были нездоровы, или это естественно для принцессы?

*Диана:* Я была в своей роли. Я была обязана выходить из этого состояния и выполнять свои обязательства — не покидать людей в беде, поддерживать и любить их. И люди в ответ поддерживали меня, хотя они не осознавали, насколько мне помогают.

*ВВС:* Ощущали ли Вы, что поддерживаете имидж успешной принцессы Уэльской?

*Диана:* Да, конечно.

*ВВС:* Депрессия была сильной, судя по Вашим словам. Позже стало известно о Вашей болезни — нервной булимии. Это правда?

*Диана:* Да, я болела булимией в течение нескольких лет. Это была скрытая болезнь. Ты наносишь удар по себе, потому что твое самоуважение падает, и ты не ощущаешь себя дорогой и любимой. У тебя происходит расстройство желудка по четыре или пять раз в день, иногда больше, и это дает тебе ощущение дискомфорта. Потом тебя раздражает твой раздутый живот, и все по замкнутому кругу. Это все очень разрушает тебя.

*ВВС:* Как часто это было?

*Диана:* Зависело от давления. Приходя домой, чувствуешь пустоту, потому что в это время была обязана быть с умирающими, больными, испытывающими семейные неурядицы. И ты понимаешь, что можешь почувствовать комфорт, когда его чувствуют другие люди. Ты приходишь домой и по привычке прыгаешь в холодильник. Это симптом, который сопровождал меня во время брака. Я просила о помощи, но давала неправильные сигналы. Люди думали, что булимия — это просто прикрытие. Они сделали вывод: Диана неуравновешенна.

*ВВС:* Вместо того чтобы докопаться до причины.

*Диана:* Ну да.

*ВВС:* А какова была причина?

*Диана:* Причиной была ситуация, что мой муж и я все делали вместе, мы не хотели разочаровывать общественность, множество тревог оставалось внутри нашего дома.

*ВВС:* Искали ли Вы поддержки у королевской семьи?

*Диана:* Нет. Знаете, когда ты болеешь булимией, ты очень пристыжена и ненавидишь себя. Люди думают, что ты — отбросы. Поэтому ты не можешь обсуждать это с людьми.

При булимии твой вес остается стабильным, в то время как при анорексии человек очень худеет, поэтому доказательств не было.

*ВВС:* Когда люди предполагали, что Вы — отходы, кто-нибудь Вас поддерживал?

*Диана:* Да, народ. Много раз.

*ВВС:* Что же он говорил?

*Диана:* Что-то типа: «Я надеюсь, что Вы станете отбросами позже». Это тоже было по-своему давление. Я, конечно, хотела бы продержаться.

*ВВС:* Как долго Вы болели?

*Диана:* Долго. Сейчас я от этого свободна.

*ВВС:* Два или три года?

*Диана:* М-м-м. Думаю, чуточку больше.

*ВВС:* По сообщениям газет, в этот период Вы испытывали сложности в личной жизни?

*Диана:* Мы были новобрачной парой, на нас давили СМИ, которые были очарованы всем, что мы делали. Какая бы одежда ни

была, что бы я ни говорила, как мои волосы бы ни лежали, то, как мы себя вели, становилось нашей работой — все эти мелочи утомили нас через несколько лет.

*ВВС:* Как общественный интерес повлиял на Ваш брак?

*Диана:* Это было сложно, особенно для пары, которая занимается одной работой: мы ездим на одной машине, обмениваемся рукопожатиями. Для пары это тяжело, особенно если все внимание сосредоточено на тебе. Мы пытались бороться с этим, но это было невыносимо. Мой муж решил, что нам необходимо разделить наши обязанности. Было очень грустно, потому что я достаточно любила компанию.

*ВВС:* То есть это была не Ваша просьба делать все самостоятельно?

*Диана:* Совсем нет.

*ВВС:* В биографии принца Уэльского, написанной Джонатаном Димблеби, которая, как Вы знаете, была опубликована в прошлом году, была высказана мысль, что Вы и Ваш муж имели очень разное мировоззрение, разные интересы. Согласны ли Вы с этим?

*Диана:* Нет. Я считаю, что мы имели много общего: мы оба любили людей, свою страну, детей, работали в раковом диспансере, в хосписах. Но я изображалась СМИ, если я правильно помню, как глупая. Однажды я совершила ошибку, сказав ребенку, что я тупая как бревно. И все заголовки газет земного шара пестрели этой фразой. Я раскаиваюсь, что так сказала.

*ВВС:* Принц описывается в биографии как великий мыслитель, человек с разнообразными интересами. Что он думает о Ваших интересах?

*Диана:* Я не думаю, что мне было позволительно иметь их. Я всегда была 18-летней девочкой, с которой он обручился, я не имела толчков для роста. Но, к счастью, я росла.

*ВВС:* Поясните, что Вы имеете в виду, когда так говорите.

*Диана:* Ну...

*ВВС:* Когда Вы говорите, что никогда не имели толчков?

*Диана:* Когда у меня что-нибудь получалось, никто не говорил: «хорошо сделано» или «все хорошо?». Но когда возникали запинки, а это случалось, потому что для меня были непривычными эти условия, тонна кирпичей опускалась на меня.



*ВВС:* Как же Вы справлялись с этим?

*Диана:* Понятно, что было много слез, погружение в булимию, бегство.

*ВВС:* Некоторые люди находят, что Вы были настолько одиноки, что не могли справляться с Вашими обязанностями, а описания наводят на мысль, что Ваши отношения с мужем изначально были не очень хорошими?

*Диана:* Мы испытывали особое давление, мы пытались укрыться, но у нас ничего не вышло.

*ВВС:* Около 1986 года, снова вернемся к биографии Вашего мужа, написанной Джонатаном Димблеби, он говорит, что Ваш муж возобновил отношения с Камиллой Паркер. Вы знали об этом?

*Диана:* Да, я знала, но ничего не могла с этим поделать.

*ВВС:* Какие доказательства у Вас были насчет того, что его отношения с Камиллой продолжались даже после Вашего брака?

*Диана:* Женский инстинкт — хорошая штука.

*ВВС:* И все?

*Диана:* Я просто знала.

*ВВС:* От служебного персонала?

*Диана:* От людей, кто заботился о нашем браке.

*ВВС:* Какое впечатление это произвело на Вас?

*Диана:* Опустошение. Неистовая булимия, которую только можно представить, чувство, что все безнадежно, бесполезно и неудачно.

*ВВС:* И с мужем, который имел отношения с кем-то еще?

*Диана:* Да, и с мужем, который любил еще одну женщину.

*ВВС:* Вы действительно так думали?

*Диана:* Я не думала так, я знала это.

*ВВС:* Как Вы могли знать?

*Диана:* Изменилась манера поведения мужа. Больше полагалась на инстинкт. Это было ужасно и становилось все более ужасным.

*ВВС:* А как это отражалось на практике?

*Диана:* Люди, я имею в виду друзей мужа, представляли меня, как нестабильную, тоскующую и хотели поместить меня в психушку, чтобы я чувствовала себя лучше. Я была в полном замешательстве.

*ВВС:* Вы считаете, что он реально так думал?

*Диана:* Нет лучшего пути для лишения личности, чем изолировать ее.

*BBC:* Вы были изолированы?

*Диана:* Да. Очень сильно.

*BBC:* Считаете ли Вы, что мисс Паркер была причиной распада Вашего брака?

*Диана:* В нашем браке нас было трое, а это уже слишком много.

*BBC:* Вы фактически жили отдельно, хотя в прессе все еще появлялись материалы о счастье королевской пары. Каковы были отношения в королевской семье?

*Диана:* Я думаю, каждый был озабочен происходящим, потому что мог видеть все сложности, но никто не хотел вмешиваться.

*BBC:* Допускаете ли Вы возможное сосуществование двух жизней — общественной и личной?

*Диана:* Нет, потому что СМИ были очень заинтересованы нашей парой. Когда мы ездили за границу, мы брали отдельные комнаты, хотя на одном этаже. Но произошла утечка, и это вызвало разные осложнения. Мы с Чарльзом имели обязанности, это было для нас первостепенно.

*BBC:* Но, по ощущениям. Вы справились с этими двумя жизнями?

*Диана:* Мы были хорошей командой для общественности. Несмотря на то что это все отражалось на нашей личной жизни, мы были хорошей командой.

*BBC:* Некоторые люди считают, что помириться было бы достаточно трудно?

*Диана:* Это их проблемы. Я знаю, что это возможно.

*BBC:* Королева описывала 1992 год как «черную полосу» своей жизни, и в том же году была опубликована книга Эндрю Мортонa о Вас. Встречались ли Вы с автором или лично помогали ему в написании книги?

*Диана:* Я никогда с ним не встречалась.

*BBC:* Вы как-то содействовали в написании книги?

*Диана:* Многие люди видели, насколько я была разбита в тот момент. И они понимали, что это как-то поможет им достичь того, к чему они стремились.

*BBC:* Позволяли ли Вы друзьям, своим близким друзьям общаться с Эндрю Мортонaм?

*Диана:* Да, конечно. Да.

*BBC:* Почему?

*Диана:* Я была на пределе. Я была в отчаянье. Я сильная личность и знаю, что причины трудностей заключены в мире, где я живу.

*ВВС:* Эта книга могла что-то изменить?

*Диана:* Я не знаю. Возможно, люди стали бы лучше понимать, возможно, она помогла бы женщинам, страдающим в похожей ситуации, кто не способен подняться, потому что их самоуважение разбито надвое. Я не знаю.

*ВВС:* Какой эффект эта книга произвела на Вашего мужа и королевскую семью?

*Диана:* Я думаю, они были шокированы и очень разочарованы.

*ВВС:* Вы понимаете, почему?

*Диана:* Я думаю, эта книга была шоком для многих людей и разочаровала их.

*ВВС:* Какое влияние книга произвела на Ваши отношения с принцем Уэльским?

*Диана:* Это было скрыто или, как мы считали, скрыто. Затем это вырвалось наружу, начались обсуждения, давление. Вы остаетесь вместе или собираетесь расстаться? И такие слова, как расставание и развод, поднимались в СМИ ежедневно.

*ВВС:* Что случилось после опубликования книги?

*Диана:* Мы боролись вместе. Мы выполняли наши обязательства совместно. И в нашей личной жизни это вызывало явные беспокойства.

*ВВС:* Разные мысли лезли в голову?

*Диана:* Да, медленно. Мой муж и я обсуждали это очень спокойно. Мы понимали, что общество нуждается в прояснении ситуации, становящейся невыносимой.

*ВВС:* Так что же случилось?

*Диана:* Мы пошли к адвокатам вместе. Мы обсуждали расставание. Очевидно, что много людей обсуждало это с нами: премьер-министр, Ее Величество. И затем это пошло само собой, так об этом заговорили.

*ВВС:* В декабре того года, как Вы сказали. Вы были готовы к законному разводу. Каковы были Ваши ощущения?

*Диана:* Глубокая-глубокая грусть. Потому что мы боролись, но оба иссякли. Я полагаю, что утешением было то, что в итоге мы оба

примирились с этой мыслью. Мой муж заговорил о расставании, и я поддержала его.

*ВВС:* Это была не Ваша идея?

*Диана:* Нет, ничуть. Я выросла в разведенной семье, и я не хотела бы попасть в такую ситуацию снова.

*ВВС:* Что случилось потом?

*Диана:* Я попросила мужа, чтобы мы сообщили об этом детям, пока они еще не вернулись с рождественских каникул. Будучи в школе, они защищены от преследования прессы.

*ВВС:* Вы рассказали детям, что собираетесь расстаться?

*Диана:* Да, я объяснила им, что происходит. Они, как и все дети, начали задавать много вопросов. Я надеялась, что смогу их успокоить. Но кто же мог знать об этом?

*ВВС:* Как повлияло это сообщение на них?

*Диана:* На нас с принцем это оказало огромное воздействие, но на детей оно было еще больше.

*ВВС:* Размолвка случилась в 1993 году. Что случилось за этот период?

*Диана:* Тема обсуждения неожиданно изменилась. Я была тогда отделившаяся жена принца. Я была проблемой, обузой. Все задавались вопросом: «Что делать с ней?» Этого не происходило раньше.

*ВВС:* Кто задавал эти вопросы?

*Диана:* Люди вокруг меня, мое окружение и...

*ВВС:* Королевская семья?

*Диана:* Да. Люди из моего окружения.

*ВВС:* И Вы начали ощущать, что Вы — проблема?

*Диана:* Да, причем очень сильно.

*ВВС:* Как это выражалось?

*Диана:* Мои поездки за границу были приостановлены, многие вещи запрещены, пропадали письма и тому подобное.

*ВВС:* Несмотря на то, что Вы интересовались делами, Вас от многого отстранили?

*Диана:* Да. Много изменилось, когда я стала отделившейся женой, и жизнь становилась сложной для меня.

*ВВС:* Кто же скрывался за этими переменами?

*Диана:* Сторона моего мужа.

*ВВС:* Какова была Ваша реакция на то, что имелась запись телефонных разговоров между Вами и мистером Джеймсом Гилбеем?

*Диана:* Я чувствовала защиту со стороны Джеймса, потому что он был моим хорошим другом. Я не могла вынести, когда его жизнь шла наперекосяк, потому что между нами существовала связь. Это беспокоило меня. Я привыкла защищать своих друзей.

*ВВС:* Вы ссылались на телефонные разговоры?

*Диана:* Да, конечно.

*ВВС:* Судя по записи, мистер Гилбей выражает свою привязанность к Вам. Как Вы можете это объяснить?

*Диана:* На мой взгляд, он очень нежный мужчина. Но неправильно бы было читать подтекст разговора как близкие отношения двух взрослых людей.

*ВВС:* Есть ли у Вас предположения, как разговор попал на страницы национальных газет?

*Диана:* Нет. Но это было сделано для того, чтобы навредить мне.

*ВВС:* Какова цель таких действий?

*Диана:* Чтобы общество изменило свое отношение ко мне. После расставания у моего мужа было на руках больше карт, чем у меня, — это был большой покер или шахматы.

*ВВС:* Была также серия телефонных разговоров, сделанная Вами в отношении мистера Оливера Хоара. Могли бы Вы рассказать нюансы этих разговоров?

*Диана:* Я полагаю, что было сделано три сотни телефонных звонков, я помню свой стиль жизни: в то время я была очень занятой дамой. Так что не могу ответить, не могу. Это было мощное действие для того, чтобы опорочить меня в глазах общественности. Это им почти удалось. Я провела свое собственное расследование и установила, кто был тот молодой человек, который мне так много звонил. Это был мистер Хоар.

*ВВС:* Было несколько таких звонков?

*Диана:* Да.

*ВВС:* Единожды, дважды, трижды?

*Диана:* Я не знаю. За период от шести до девяти месяцев, но, конечно, это происходило в ненавязчивой манере.

*ВВС:* Неужели вы действительно верите, что кампания проводилась против Вас?

*Диана:* Да, я абсолютно в этом уверена.

*ВВС:* Почему?

*Диана:* Я не была женщиной принца, я была проблемой. Нужно было поставить точку на мне. Но как это сделать, если компромата на меня раньше не было?

*ВВС:* Не лучше ли им было тихо Вас выпроводить, а не создавать целую кампанию?

*Диана:* Я не могла уйти тихо, в этом и была проблема. Я знала, что буду сражаться до конца, потому что верила, что сыграю свою роль и воспитаю двух детей.

*ВВС:* К концу 1993 года Вы страдали от упорных домогательств со стороны прессы — Ваши телефонные разговоры были опубликованы — и Вы решили отказаться от общественной жизни. Почему Вы решили так поступить?

*Диана:* Давление было невыносимым. Моя работа, вся моя деятельность были задеты. Я хотела на 100% отдаваться работе. Но могла только на 50%. Я была постоянно изнуренной и усталой, потому что было давление. Это было жестоко. Я приняла решение, что нужно выступить с речью и удалиться, пока я не начну во всем разочаровываться и не выполнять мою работу. Это было мое решение выступить с речью, потому что я должна была публично заявить, чтобы все знали: «Спасибо. Я исчезну на некоторое время, но я вернусь».

*ВВС:* Вскоре Вы вернулись.

*Диана:* Я не знаю. Я делала много работы в тени, без надзора со стороны СМИ, я никогда не останавливалась. И мое возвращение стало сюрпризом для тех, кто стал причиной моего горя. Они этого не ожидали. Я верю в то, что ты всегда можешь сбить с толку своих врагов.

*ВВС:* Кто эти враги?

*Диана:* Окружение моего мужа, потому что я была более знаменита, больше работы выполняла, была более обсуждаема, чем он. Из этого все и вытекает. Я делала хорошие вещи, я хотела творить добро. Я никогда никого не ненавидела, не позволяла упасть.

*ВВС:* Вы действительно считаете, что ревность подорвала Вас?

*Диана:* Скорее страх, когда сильная женщина делает свое дело, где закончится ее сила?

*ВВС:* Какова была Ваша реакция на откровение мужа Джонатану Димблебу, фактически об измене?

*Диана:* Я абсолютно не подозревала о содержании книги. Когда я узнала, то первой реакцией стало беспокойство за детей, потому что они были способны понимать, что происходит. И мне хотелось защитить их. Я была опустошена, но затем я восхитилась честностью, потому что она многое значит.

*ВВС:* В смысле?

*Диана:* Честность насчет отношений с кем-то еще.

*ВВС:* Как Вы урегулировали эту ситуацию с детьми?

*Диана:* Я поехала в школу за Вильямом. В тот момент я поняла, насколько важно, то, что если ты находишь того, кто любит тебя, ты должен крепко за него держаться. Для счастья достаточно найти человека и затем защитить. Вильям начал задавать вопросы, которых я ожидала. Он спросил о причине нашего расставания. Я сказала, что в браке нас было трое, также давление со стороны прессы — другой фактор. Вместе они образовали мощную силу.

*ВВС:* Какой эффект произвело это сообщение на принца Вильяма?

*Диана:* Он ребенок, который глубоко мыслит, он переживал. Я попыталась отдать ему всю свою ласку без чувства обиды и гнева.

*ВВС:* Обернитесь назад. Берете ли Вы на себя всю ответственность за сложности Вашей семейной жизни?

*Диана:* М-м-м. Я не могу взять полную ответственность. Я беру только половину, несмотря на то, хотела бы больше или нет, потому что в семейной жизни все делают два человека.

*ВВС:* Но Вы несете на себе некоторую часть ответственности?

*Диана:* Конечно. Мы оба делали ошибки.

*ВВС:* Другая книга, недавно вышедшая, мистера Джеймса Хевитта, в которой он заявил об очень близких с Вами отношениях, начиная с 1989 года. Какова природа этих отношений?

*Диана:* Мы были хорошими друзьями в тяжелые времена. Он всегда поддерживал меня. И я абсолютно опустошена после выхода этой книги, потому что я верила ему и потому что я снова беспокоилась за реакцию моих детей. И большинство доказательств в этой книге пришли из какого-то другого мира, этого не могло произойти в реальности.

*ВВС:* Что Вы имеете в виду?

*Диана:* Очень много фантазии, и это очень расстроило меня как его друга; тот, кому я верила, сделал на мне деньги. И за десять дней до появления книг на прилавках он позвонил мне и сказал, что лжи там не будет. Я, глупая, верила ему. После выхода первым делом я стремилась поговорить с детьми. Вильям сказал мне: «Мама, я думаю, это тебя так задело. Но ты все равно улыбаешься». Так что...

*ВВС:* Ваши близкие отношения были выше тесной дружбы?

*Диана:* Да. Конечно.

*ВВС:* Вы были преданной?

*Диана:* Да, я обожала его. Я любила его, но оказалась обманутой.

*ВВС:* Как бы Вы могли описать свою теперешнюю жизнь? Вы полагаетесь только на себя, не так ли?

*Диана:* Да, как это ни удивительно. Люди считают, что рядом с женщиной всегда должен находиться мужчина. На самом деле, выполненная работа приносит мне больше удовольствия. *(Смеется.)*

*ВВС:* Что Вы имеете в виду?

*Диана:* Если бы у меня появился мужчина, мы были бы незамедлительно обсуждаемы прессой. И жизнь превратилась бы в ад.

*ВВС:* Чувствуете ли Вы, что для отдыха Вам нужно побыть наедине с собой?

*Диана:* Нет, не обязательно. У меня прекрасные друзья, мои мальчики, моя работа. В принципе, живя в Кенсингтонском дворце, ты уже немного изолирована.

*ВВС:* Что Вы можете сказать об отношении прессы к Вам сейчас?

*Диана:* На сегодняшний день интерес прессы обескураживающий, феноменальный для меня, так как я не люблю быть в центре внимания. Когда я выезжаю на общественные работы, я понимаю, что, взяв машину, я буду поймана фотографами. Но сейчас меня фотографируют, когда я просто выхожу из парадного входа. Я никогда не знаю, где могут оказаться объективы. Для меня уже норма, что за мной следует четверка машин, и когда я возвращаюсь в автомобиль, вокруг меня прыгают фотографы. Журналисты решили, что я продукт, я хорошо продаюсь. Они окликают меня: «О, Диана, посмотри вот сюда. Если ты позволишь сделать фотографию, я смогу отдать своих детей в хорошую школу». Вы, может, отшутитесь. Но когда это происходит все время, это достаточно трудно.



*ВВС:* Некоторые люди склонны считать, что поначалу Вам нравился интерес со стороны прессы: Вы танцевали с такими людьми, как Уэйн Слип, Вы выглядели радостной и имели хорошие и теплые взаимоотношения. Считаете ли Вы, что чем-то обязаны прессе?

*Диана:* Я никогда не одобряла массмедиа. Это были отношения, которые раньше работали, но сейчас я не могу себе этого позволить, потому что это становится жестоким и оскорбительным. Я не хотела бы вызывать жалость к себе. Я не такая. Я понимаю, это их работа. За все ситуации тебе все равно придется расплачиваться, потому что будешь раскритикована. Я свободная личность, к сожалению, для многих.

*ВВС:* А здесь, в Кенсингтонском дворце, Вы изолированы?

*Диана:* Вообще, я нахожусь в среде согласно своему положению. И я ни о чем не жалею. Я выполняю работу, которую выбрала, у меня дети, есть планы на будущее — хочу посетить Аргентину и продолжить ее партнерские отношения с нашей страной.

*ВВС:* В какой роли Вы видите себя в будущем?

*Диана:* Я хочу быть послом и представлять свою страну за границей. Что касается медийного интереса, я не хочу сидеть в стране и быть побитой ими.

*ВВС:* Вы сказали, что видите свое будущее в качестве посла. Это чье-то пожелание или только Ваше личное решение?

*Диана:* Я занимала привилегированное положение в течение пятнадцати лет. Это позволило узнать многое о людях и о том, как нужно общаться. Я изучала это, я поняла это и хочу применить это. Я наблюдала за жизнью людей и поняла, что серьезнейшие болезни нашего общества заключаются в отсутствии любви. И я знаю, что могу дарить любовь каждую минуту, полчаса, в течение дня, месяца. Я могу, и я счастлива, что делаю, это и я хочу делать это.

*ВВС:* Считаете ли Вы, что британцы удовлетворены Вашим выполнением своей миссии?

*Диана:* Я думаю, что британцы нуждаются в государственном человеке, с которым установлено чувство близости, который чувствует их важность, поддерживает их, помогает найти свет в темном туннеле. Я вижу в этом единственно возможную роль.

*ВВС:* Вы считаете, у Вас получается?

*Диана:* Я знаю, что да.

*ВВС:* До вашего прихода в королевскую семью монархия была в сердце жизни Британии. Не кажется ли Вам, что Вы виноваты в том, что стали поговаривать о монархии как о пережитке?

*Диана:* Я не чувствую себя виноватой. Пару раз я слышала от людей: «Диана разрушает монархию». Эти слова привели меня в замешательство: почему я должна разрушать то, что обеспечит дальнейшую жизнь моим детям. Но я не хочу рассуждать о том, как люди дискутируют о монархии.

*ВВС:* В смысле?

*Диана:* Людей это не заботит. Им хватает семейных проблем и другой всякой всячины.

*ВВС:* Считаете ли Вы, что монархия нуждается в изменении, и способна ли она уцелеть?

*Диана:* Я понимаю, что какая-либо перемена пугает людей, особенно если они мало в этом разбираются. Они предпочитают оставаться там, где сейчас находятся. Я понимаю это. Но я думаю, есть некоторые вещи, которые усложняли отношения между монархией и народом, которые могут быть изменены. Я думаю, они смогут пойти рука об руку, преодолев разрозненность.

*ВВС:* Пытались ли Вы совершить что-либо для такого рода изменений?

*Диана:* С Вильямом и Гарри, например, я разрабатывала проекты для бездомных. Я брала своих детей к больным СПИДом, хотя я и рассказывала им, что это беда, я хотела, чтобы мои дети бывали в тех сферах, где никто из нашего окружения раньше не был. У них есть знания, которые, возможно, они никогда не используют, но они приобрели их. Я надеюсь, что они будут расти, потому что знания — это сила.

*ВВС:* Как может все это влиять на Ваших детей?

*Диана:* Я хочу, чтобы они понимали людские волнения, уязвимость, нужду, надежды и мечты людей.

*ВВС:* Какой вид монархии Вы можете назвать?

*Диана:* Я хочу видеть монархию, которая находится в контакте с людьми. Но мне бы не хотелось критиковать существующее устройство.

Я просто хочу сказать то, что я вижу, слышу и чувствую ежедневно, выполняя свой долг, и что соотносится с моим личным

выбором.

*ВВС:* Сейчас достаточно много говорится об отношениях между Вами и принцем Чарльзом. Вы бы поддержали развод? Каковы Ваши мысли по этому поводу?

*Диана:* Я не хочу разводиться. Мы нуждаемся в прояснении ситуации, по поводу которой ведутся ожесточенные дискуссии в течение трех последних лет.

*ВВС:* Если он решит развестись, Вы согласитесь?

*Диана:* Мы бы с ним это обсудили, до сих пор никто из нас не обсуждал этот вопрос.

*ВВС:* Это было бы не Ваше решение?

*Диана:* Нет, не мое.

*ВВС:* Почему? Разве это бы не решило Ваших проблем?

*Диана:* Почему это должно решить мои проблемы?

*ВВС:* Это решило бы обсуждаемые общественностью проблемы, то, что Вас непосредственно коснулось?

*Диана:* Да, но как насчет детей? Наши мальчики — вот самое главное, не так ли?

*ВВС:* Думали ли Вы когда-нибудь стать королевой?

*Диана:* Нет, не думала.

*ВВС:* Почему?

*Диана:* Я бы хотела быть королевой людских сердец, в людских сердцах. Но я не вижу себя в роли королевы своей страны. Я не думаю, что многие люди хотели бы видеть меня на этом посту. В реальности, когда я говорю «многие люди», я имею в виду то правящее общество, в которое я вошла, потому что они считают меня неудачницей.

*ВВС:* Почему Вы так решили?

*Диана:* Потому что я делаю разные вещи, я не иду по написанному, потому что мыслю сердцем, а не головой, из-за этого возникают неприятности на работе. Я понимаю это. Но кто-то должен любить людей и помогать им.

*ВВС:* Неужели Вы думаете, что Ваши действия помешали бы Вам стать королевой?

*Диана:* Я бы так не сказала. Я даже не представляла, что имею столько сторонников в этой среде.

*ВВС:* Вы имеете в виду в пределах королевской семьи?

*Диана:* Они смотрят на меня как на своеобразную угрозу. Я здесь, чтобы делать добро; я не разрушитель.

*ВВС:* Почему они смотрят на Вас как на угрозу?

*Диана:* Я думаю, любая сильная женщина в истории проходила через подобное. Причиной является замешательство и страх. В чем ее сила? Откуда она ее черпает? Почему народ ее поддерживает?

*ВВС:* Считаете ли Вы, что принц будет королем?

*Диана:* Я не думаю, что кто-либо смог бы ответить на этот вопрос. Но, очевидно, что этот вопрос у каждого в голове. Но кто знает, кто знает, как распорядится судьба, кто знает, как сложатся обстоятельства.

*ВВС:* Но Вы же знаете его лучше всех. Как Вы считаете, он мечтает стать королем?

*Диана:* Это всегда очень острый вопрос, когда мы его обсуждаем. Это очень ответственная роль — быть принцем, но равно больше быть королем. Когда ты принц, ты имеешь больше свободы, будучи королем, ты немного задущен. И зная его, зная, каким ограничениям он подвергнется, не уверена, сможет ли он вжиться в эту роль.

*ВВС:* Не считаете ли Вы, что в свете Ваших семейных проблем престол перейдет непосредственно в руки принца Вильяма?

*Диана:* Как вы можете видеть, Вильям еще очень молод на данный момент. Стоит ли обременять его этим? Так что я не могу ответить на этот вопрос.

*ВВС:* Вы больше бы хотели видеть принца Вильяма, чем принца Чарльза, на королевском престоле?

*Диана:* Моя мечта, чтобы мой муж образумился, и из этого уже последует все остальное, да.

*ВВС:* Почему Вы решили дать интервью сейчас? Почему Вы решили заговорить?

*Диана:* Потому что в этом декабре будет три года, как мы расстались. Эти последние три года запутали и обеспокоили меня, и я уверена, что многие-многие люди не доверяют мне. Я хочу убедить всех тех людей, которые любили и поддерживали меня на протяжении последних пятнадцати лет, что я никогда не позволю им погибнуть. Это главное для меня, вместе с моими детьми.

*ВВС:* И Вы считаете, что Вы сможете убедить людей?

*Диана:* Для меня имеет значение просто человек на улице, средний класс. Он важнее всего.

*ВВС:* Некоторые люди растолкуют Ваше выступление просто как удобную возможность вернуть мужа.

*Диана:* Сидя здесь, я не ощущаю обиды: я сижу здесь с печалью, что мой брак не сработал. Я нахожусь здесь, потому что надеюсь на будущее, на будущее для мужа, для себя, для всей монархии.

*ВВС:* Спасибо, Ваше Высочество.

Перевод *Ирины Багаевой*

## **Богатый и могущественный Доди идеально подходил Диане**

1 сентября 1997 года

ПАРИЖ (CNN). Британские таблоиды уже несколько недель подряд выясняют подробности отношений между Дианой, принцессой Уэльской, и наследником «Харродса» Доли Аль-Файедом.

По мнению большинства, пара познакомилась приблизительно десять лет назад, когда Файед играл в поло с бывшим мужем Дианы, принцем Чарльзом. Не так давно, по-видимому, эта дружба превратилась в нечто более серьезное.

Поскольку принцесса проводила с Файедом много времени, скоро возникло предположение, что они влюблены друг в друга. Таблоиды быстро добыли факты, способные подтвердить это.

Газеты, как всегда, жаждущие любых новостей касательно личной жизни Дианы, были поглощены этой историей. Поскольку принцесса и Файед отправились отдыхать вместе, заголовки наперебой кричали об их предполагаемом бракосочетании.

Всего несколько дней назад газеты с уверенностью предсказывали их свадьбу и даже сравнивали пару с покойными Жаклин Кеннеди и Аристотелем Онассисом.

Файед был родом из известной египетской семьи. Его отец, Мохаммед Аль-Файед, владеет лондонским универмагом «Харродс» и отелем «Ритц» в Париже.

Сам Файед был кинопродюсером, его фильмы «Колесницы огня» и «Мир по Гарпу» получили престижную премию.

Он владел домами в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Лос-Анджелесе и Швейцарии. Он встречался со знаменитостями, в том числе с моделью Брук Шилдс и актрисой Бритт Экланд. Даже после

того, как Файед расстался с моделью Келли Фишер, она не перестает хорошо отзываться о нем.

«Он был очень спокойный, выдержанный и вообще очаровательный, — сообщила она Ларри Кингу на прошлой неделе. — Я очень любила его».

Как и Диана, Файед был разведен. В его жизни был только единственный законный брак.

В Файеде принцесса увидела человека, который смог бы заполнить пустоту в ее жизни. 42-летний мультимиллионер способен был обеспечить ей роскошную жизнь, в то время как для нее, прежде всего, требовалась защита от прессы, следившей за каждым ее шагом.

Возможно, именно желание Файеда защитить принцессу от назойливых папарацци и явилось причиной несчастного случая в воскресенье.

Перевод *Ирины Багаевой*

## **Послания с соболезнованиями заполнили веб-сайты**

Репортаж подготовили корреспондент Брайан Нельсон и агентство «Рейтер». 31 августа 1997 года.

ЛОНДОН (CNN). Официальный веб-сайт Британской монархии представил информацию о смерти Дианы с фотографией в черной рамке и заголовком: «Диана, принцесса Уэльская, 1 июля 1961 — 31 августа 1997 года».

Сайт, созданный в начале этого года, причисляет Диану к членам королевской семьи, хотя она и развелась с принцем Чарльзом в прошлом году.

В воскресенье королевская семья попросила присутствующих на похоронах посетить сайт и выразить свои соболезнования.

«Спасибо Вам за Ваше искреннее сочувствие в связи с трагической гибелью Дианы, принцессы Уэльской», — такое сообщение люди получают при посещении сайта.

Сообщения, наполненные как сочувствием, так и негодованием, заполонившие сайты, сильно затрудняют вход на них. Послания приходят из всех уголков земного шара — Австралии, Новой Зеландии, Объединенных Арабских Эмиратов, Малайзии, Соединенных Штатов.

Один из посетителей сайта назвал Диану «элегантной и красивой, истинной королевой». Некая женщина написала, что однажды она беседовала с Дианой и сейчас ей так тяжело, как если бы она потеряла близкого друга.

Сайт, однажды назвавший Диану низкопробной знаменитостью, изменил свое мнение.

Пара в Аллентауне, штат Пенсильвания, создала комнату для общения, и скоро поступили такие сообщения: «Прощай, Диана...», «Невозможно поверить в это...», «Глубоко скорбим...», «Смерть, которая дорого обойдется всем нам...».

Фотографы, преследующие автомобиль Дианы в Париже, были названы невольными виновниками аварии.

Один человек написал: «Репортеры должны были умереть, а не она. Я надеюсь, кто-нибудь уже, наконец, что-нибудь предпримет в отношении этой больной прессы».

Одна женщина поместила это сообщение на доске объявлений CNN:

«Мы все виновны в смерти Дианы. Называйте это болезненным любопытством или как угодно... Публика продолжает требовать все более подробную информацию о людях, которые нам известны... Если бы мы сами стали меньше интересоваться жизнью богатых и знаменитых людей, то и средства массовой информации уменьшили бы свои требования к ним. Да простит нас Бог».

Перевод *Ирины Багаевой*

## Смерть прекрасного

Журнал Time

Понедельник, 8 сентября 1997 года

Роджер Росенблатт

Внезапная смерть яркой личности всегда выглядит невероятно. Мы склонны приписывать своим кумирам неуязвимость и вечное бессмертие. Джон Кеннеди умер, и этого не могло случиться; Джон Леннон умер, и этого тоже не могло случиться; Элвис и Грейс Келли... Потрясение за потрясением. И сейчас — смерть молодой женщины, той, которая взбудоражила весь мир с момента ее первого появления, чье имя содержит множество загадок — принцессы Ди.

Кто может в это поверить? Люди думают о ней, а не о ее смерти, потому что она была прекрасна, противоположна самому понятию смерти. Но истинная красота никогда не умирает, поэтому она и ее достижения будут жить вечно.

Публичные заявления Дианы не были выдающимися и не блистали остроумием. Она была больше простой, чем талантливой, даже ее откровения перед репортерами выглядели как девические. Сложно в точности сказать, что делало ее столь важной персоной, особенно за пределами Англии. Но ни один человек не мог отвести глаз от этой женщины.

Еще одна немаловажная деталь ее биографии: Диана верила в голубую мечту. Она имела мягкое сердце и обладала умением помочь людям в несчастье. Выйдя замуж за нечестного человека, будучи нелюбимой всей королевской семьей, она и ее жизнь никогда не выглядели трагичными: только грусть и ничего больше. На ее лице всегда был такой румянец, что каждому было приятно просто смотреть на нее.

В Диане было больше королевского, чем в самих королях. Для простых людей она занимала более высокое положение, чем сама королева. Диана была титулованной юной монархиней, но не имела полномочий ставить подписи на договорах, командовать армиями, начинать войны. Всем запомнились ее манеры, ее подача и поступки. Никакая модель или актриса не годилась ей в подметки. Фотографы всего мира охотились за ней: одни желали сфотографировать ее в удивительных вечерних платьях и шляпках, другие скрывались в кустах, чтобы застать врасплох.

Для каждого ребенка Диана олицетворяла образ принцессы — той, которая чувствует горошину под матрацами, целует лягушку, спускает свои волосы из окна башни.

Ее семейная жизнь рухнула задолго до смерти. Что стало бы с ней дальше, трудно предсказать. Она могла остаться помощником для больных и бедных, время от времени изображалась бы на званом обеде или на борту судна. В старости она могла стать матерью короля, вернувшись обратно в королевскую семью.

Ее волосы стали бы светлее, кожа более морщинистая, и только глаза, эта сладкая смесь доброты и кротости, остались бы прежними. К



тому времени история с принцем Чарльзом, скандалы и взаимные обвинения могли просто рассеяться в тумане.

Перевод *Ирины Багаевой*

## Принцесса и монахиня

Диана и мать Тереза связаны не только в жизни, но и в смерти.

В этой истории:

- Ошеломляющая действительность
- Внутренняя незащищенность
- Жизнь в деятельности
- Власть, слава, богатство
- Верное следование цели

*Джон Криапенсен, CNN*

*31 августа 1998 г.*

(CNN) Во второй половине дня 18 июня 1997 года Диана, принцесса Уэльская, встретила в Нью-Йорке с матерью Терезой, калькуттской монахиней, известной как «святая с улицы», лауреатом Нобелевской премии мира 1979 года.

Они встретились не в люксе фешенебельного отеля, как и подобает известным людям, и не в Организации Объединенных Наций, что соответствовало бы их статусу.

Они встретились, напротив, в мрачном кирпичном здании в восточной части 145-й улицы, в бедствующей области района Бронкс, известной как Молт Хавен. Здание, окруженное забором из колючей проволоки, является Домом Милосердия миссионерки матери Терезы.

Принцесса и сестра встречались и раньше, связанные общим интересом помощи обездоленным. «Она очень интересовалась бедными, — говорила мать Тереза. — Вот почему она была близка мне по духу».

В тот день они держались за руки — полная энергии Диана, в дорогом белом костюме, и монахиня, крошечная и высохшая, выглядевшая немощной и хилой в своем белом сари с голубой отделкой за один доллар.

Ослепленные вспышками фотоаппаратов, под наблюдением монахинь, полицейских и просто обыкновенных прохожих, они пожали друг другу руки, а затем мать Тереза сложила ладони в знак уважения, как принято на Востоке, и выразила ряд искренних пожеланий принцессе.

Диана обняла ее, а затем направилась в сторону лимузина. На секунду остановившись, она помахала рукой, дабы фотоаппараты успели запечатлеть ее сияющую улыбку.

### **Ошеломляющая действительность**

Два месяца спустя судьба вновь устроила им встречу.

В воскресенье, 31 августа, принцесса Диана скончалась от многочисленных травм, которые она получила в автомобильной катастрофе в Париже. Спустя пять дней мать Тереза умерла от остановки сердца в Калькутте, Индия.

Редко в столь короткий срок гибнут двое известных и к тому же хорошо знающих друг друга людей.

Обеим женщинам устроили торжественные похороны, дабы все желающие пришли проводить их в последний путь. Похороны Дианы в Лондоне, транслируемые каналами всего мира, выглядели как международный день траура.

Похороны матери Терезы передавало и местное, и международное телевидение. Многие, прорываясь сквозь миллионную толпу, стремились прикоснуться к святой.

Мать Тереза прожила 87 лет долгой и чрезвычайно плодотворной жизни. Диане, однако, было всего 36. Ее смерть является не только преждевременной, но и трагической, насильственной. Двум своим молодым сыновьям она оставила глубокое чувство потери.

Как выразился премьер-министр Тони Блэр, она была «народной принцессой», в некотором смысле даже государственной собственностью, поскольку женой принца Чарльза и, соответственно, принцессой Диана стала в 19 лет.

### **Внутренняя незащищенность**

Поистине сказочная свадьба уступила место жестокой действительности, проявившейся в неблагополучии королевской семьи. Это была наиболее захватывающая британская мыльная опера, в которой принц был совершенно пленен другой женщиной и, очевидно, от Дианы требовал лишь предоставления ему наследников.

Диана, и сама повинная в супружеской неверности, стала инициатором королевского развода и всячески акцентировала внимание на своей болезни, что сделалось пищей для таблоидов.

В свои годы Диана представлялась больше наивной, нежели опытной женщиной, чья ослепительная улыбка не могла скрыть печаль в глазах и внутреннюю незащищенность.

Даже в простом платье она производила потрясающий эффект. Но Диана казалась застенчивой, неуверенной в себе и была бы бесконечно признательна человеку, который смог бы направлять ее в жизни.

Ее роман с миллиардером Доди Файедом оказался настолько бурным и ошеломляющим, что таблоиды с воодушевлением цеплялись за каждый грешок принцессы. Наиболее примечательно фото Дианы, сделанное во время ее отдыха на яхте с Файедом. С бретелькой купальника, неприлично съехавшей вниз, Диана выглядит на фотографии скорее как звезда кино, нежели как мать будущего короля Англии.

### **Жизнь в деятельности**

Ее собственная вина во всем случившемся, возможно, гораздо меньше, чем это можно представить. Сразу по окончании школы вступив в брак, Диана была лишена юности, возможности чего-то желать, к чему-то стремиться.

В любви она испытывала одни мучения, стремясь лишь к одобрению окружающих.

Камеры наблюдения в гостинице, где Диана и Файед ужинали в ту роковую ночь, зафиксировали их в тот момент, когда они ждали машину, которая и привела их к смерти. На этих кадрах они выглядят не как взрослые люди, но как подростки, возвращающиеся домой с танцев.

Если бы Диана была жива, она, возможно, так никогда и не нашла бы смысла в своей жизни. Миллионы людей сочувствовали ей и поддерживали ее, и вполне возможно, что смерть ее столь возмутительна, потому что жизнь ее была столь плодотворна и деятельна.

Ирония пересечения ее судьбы с судьбой матери Терезы состоит в том, что, когда монахине было 36 лет, то есть столько же, сколько было перед смертью Диане, она осознала свое истинное призвание.

Тереза стала преподавать в католическом Калькуттском монастыре в 18 лет, но именно в то время, когда она направлялась поездом в гималайский район Дарджилинг, только тогда, по ее словам, Бог приказал ей посвятить свою жизнь «беднейшим из бедных».

### **Власть, слава, богатство**

Со своей первой миссией она отправилась в один из самых населенных кварталов Калькутты, и в течение следующих пятидесяти лет мать Тереза работала с бедными, больными, бездомными и беспомощными.

За ее искреннее рвение папа Павел VI подарил ей белый «линкольн континенталь», но она продала его с аукциона и использовала эти деньги для создания колонии для прокаженных. В другой раз мать Тереза убедила ливанских боевиков и израильские войска прекратить стрельбу, дабы она могла эвакуировать 37 детей, находившихся в госпитале Бейрута.

Будучи невестой Христа, мать Тереза отрицала власть, славу и богатство, тем не менее она сделалась мощной, знаменитой и накопила достаточно средств для поддержки международной организации 4000 рабочих.

Но и она не избежала критики в свой адрес. В 1994 году Британское телевидение осудило ее за принятие пожертвований и за жесткую позицию в отношении аборт и разводов. Мать Тереза не обратила внимания на это.

«Неважно, кто говорит и что говорит, — сказала она, — вы должны принять это с улыбкой и продолжать делать свое дело».

Мать Тереза заслужила похвалу. Однако, узнав, что она удостоена Нобелевской премии мира, она сказала: «Я недостойна».

### **Верное следование цели**

Мать Тереза была обыкновенной женщиной, руководствовавшейся высшей целью, побуждавшей ее к состраданию более чем в ста странах.

И по прошествии года после смерти принцессы и монахини Диану помнят за ее нежную доброту, словно доказывающую несправедливость жизни. Но у нее была возможность узнать о том, что это не совсем так. Ибо в матери Терезе принцесса Диана встретила женщину, которая вступила на мировую арену не через рождение, брак или связь, но через плоды собственных решительных усилий.

Мать Тереза не искала одобрения или восхищения, а, скорее, смиренно выполняла свое призвание. В этом процессе она нашла себя.

Диана стремилась привлечь к себе внимание... и затем стремилась избавиться от него.

(CNN) Принцесса Диана стремилась укрепить свой авторитет после развода с Чарльзом, который завершился 28 августа 1996 года.

Лишившись престижного звания «Ее Королевское Высочество», Диана, тем не менее, добилась того, что газета «Вашингтон Пост» назвала ее «великодушным монархом».

Диана посетила множество стран, в том числе Боснию и Анголу, с миссией по избавлению мира от противопехотных мин и участвовала в передаче пожертвований организациям помощи больным СПИДом, а также благотворительным учреждениям для детей.

Однажды она сказала, что хочет быть своего рода послом, «королевой людских сердец», и премьер-министр Тони Блэр заметил, что она должна продолжать творить свои добрые дела, тем самым она «заслуживает безмерного уважения и восхищения».

Население гораздо охотнее наделило бы королевской властью Диану, нежели тех, кто до сих пор занимает Виндзор, — людей, как представляется, больше озабоченных своими проблемами, нежели проблемами своего народа. Опрос общественного мнения, проведенный в Лондоне в начале 1997 года, показал, что только 21% опрошенных считает, что королевская семья «заботится о людях, которые действительно в этом нуждаются».

Словно желая подчеркнуть свою независимость и свой новый имидж, Диана устроила аукцион «Кристи», на котором были выставлены 79 платьев, приобретенных ею в течение пятнадцати лет, когда она была полноправным членом королевской семьи. Все доходы от июньского аукциона пошли на благотворительность.

«Эти платья действительно не вписываются в образ жизни, который она ведет теперь, — сказал Мередит Этерингтон-Смит, маркетинговый директор „Кристи“. — Она оставила прошлое там, где ему и место, — в прошлом».

Что касается ее личной жизни, всемирно известная женщина, по-видимому, держала посягателей на ее сердце на безопасном расстоянии до тех пор, пока она не сблизилась с Доди Файедом, миллионером, с которым она погибла в парижской автокатастрофе.

Их отношения наконец-то сделались достоянием общественности. Пресса получила возможность запечатлеть возлюбленных в моменты их нежности и страсти. Их последний день был полон романтики — ужин в ресторане отеля «Ритц», который принадлежит отцу Файеда, а затем и ночь в частной вилле на берегу Сены.

Но пара так и не добралась туда, и мечта Дианы о тихом уик-энде в Париже со своим возлюбленным закончилась трагедией.

Непримиримые противоречия: королевский развод  
(CNN) В июле 1996 года, меньше чем за три недели до пятнадцатой годовщины свадьбы, принц Чарльз и принцесса Диана официально объявили о планах по расторжению их брака.

К этому времени их семейная жизнь, так сказочно начинавшаяся, превратилась в бульварное зрелище, с участием принца и принцессы, являющих пример супружеской неверности.

Многие говорили, что брак был обречен с самого начала. Пара зачастую рассматривалась как совершенно несовместимая: Чарльз — аристократ, интеллектуал, увлекающийся лошадьми, архитектурой и садоводством. Диана же любила поп-музыку, маскарадные костюмы и сплетни.

Однако различие жизненных интересов вовсе не является оправданием для близких отношений Чарльза с Камиллой Паркер-Боулз, которую он назвал в 1986 году «любовью всей его жизни». К концу 80-х годов проблемы личной жизни королевской четы стали достоянием гласности — напряжение в их отношениях, которое они старались скрыть, вырвалось наружу.

В 1992 году британский «королевский биограф» Эндрю Мортон опубликовал книгу под названием «Диана: ее правдивая история», где говорится о том, что Диана страдала приступами депрессии, булимии и даже совершала попытки самоубийства, в то время как ее жизнь была охарактеризована как «роскошное одиночество».

Книга, которая была официально разрешена, и, как говорят, написана даже в соавторстве с Дианой, нанесла оскорбление Чарльзу и его матери, королеве Елизавете. В результате взаимных антипатий в декабре 1992 года пара подала на развод.

Одинокая и преследуемая вездесущей бульварной прессой, Диана все же стремилась укрепить после развода свой авторитет.

В ноябре 1993 года она поразила журналистов, когда на лондонском благотворительном мероприятии выступила с неожиданным заявлением. «Леди и джентльмены, — сказала она, — я должна была бы склоняться над уборной большую часть дня. Я должна была бы покинуть это место в сопровождении врачей. Но с вами мне хорошо. Я думаю, мой нервный срыв подождет».

В 1995 году Диана в интервью ВВС рассказала об одолевающей ее булимии, призналась в своей измене мужу и обвинила королевскую семью в равнодушии и невнимании. Для королевы Елизаветы это ее заявление стало верхом неуважения. Она потребовала, чтобы ее сын немедленно получил развод.

В июле 1996 года Диана получила развод ценою отказа от права на звание «Ее Королевское Высочество» и возможность стать королевой Англии. В свою очередь, она получила единовременную выплату в сумме более 20 млн. долларов наличными и еще 600 тыс. долларов в год на содержание ее частного офиса, а также полноценный доступ к своим детям, принцу Уильяму и принцу Гарри.

На какие бы только соглашения не пошла Диана ради того, чтобы ее жизнь принадлежала ей одной — вдали от фото- и видеокамер навязчивой прессы.

Перевод *Марии Шубиной*

## **Секретная служба Соединенных Штатов прослушивала телефонные разговоры Дианы в ночь автокатастрофы**

Газета The Observer

Воскресенье, 10 декабря 2006 года

Марк Таунсенд и Питер Ален

Согласно докладу о смерти принцессы Дианы, который будет опубликован на этой неделе, американская секретная служба прослушивала телефонные разговоры принцессы в ночь ее смерти без санкций британской службы безопасности. Интересный факт, что прослушивания велись за несколько часов до автокатастрофы. Бывший комиссар лондонской полиции Лорд Стивене, подготовивший доклад, уверен, что 39 секретных документов о подробностях смерти Дианы не содержат материалов, которые могут помочь объяснить причины ее гибели.

Стивене утверждает, что водитель «Мерседеса Анри» Поль работал на французскую спецслужбу МИ5. На принадлежащих Полю 14 счетах во французских банках Стивене обнаружил около 200 тыс. долларов, но поступление денег на счета, согласно выводам, не связано с гибелью принцессы.

Расследователь заключил, что Диана, сопровождающий ее сын египетского миллиардера Доди Аль-Файед и сам водитель погибли в результате несчастного случая, основной причиной которого стало превышение скорости автомобиля нетрезвым водителем на парижском мосту Алма. Проверка подтвердила, что Поль превысил установленный во Франции алкогольный лимит в три раза и ехал на бешеной скорости. Возможно, это было вызвано тем, что машина была преследуема папарацци. Предположение, что водитель не справился с управлением вследствие ослепления встречным светом, не подтверждается.

Версию, что во время катастрофы Диана была беременна от Доди, сына египетского миллиардера Мохаммеда Файеда, также можно аннулировать. Но отец Доди уверен, что образцы крови подменили и истинной причиной катастрофы является желание разрушить союз Дианы и Доди.

Перевод *Ирины Багаевой*



# **Журналистика и публицистика Германии, Франции и Италии**

Германия:

Рудольф Аугштайн

Ульрика Мария Майнхоф

Гельмут Шмидт

Франция:

Морис Лесан

Италия:

Индро Монтанелли

## Рудольф Аугштайн

### Коммунисты и остальные немцы

«48-летний доктор Эрих Апель<sup>[35]</sup>, ушел из жизни, как истинный немец», — написано в большинстве западногерманских некрологов. Будучи живым, он был не немцем, а коммунистом. Обращение Эриха к оружию, неверно понятое как предупреждение членам партии и советам, позволило бы прислушиваться к Федеративной республике [Германии], если бы политический смысл поступка не был заклеен лозунгами.

Вот что пишет официальная служба партии ХДС: «Апель был одним из немногих функционеров Ульбрихта, знающим преимущества известных послаблений в экономике, которые были проведены в Румынии, Польше и Венгрии по сравнению с закрытой экономикой СССР, и требующим таких же послаблений для ГДР. Требовал напрасно».

Для чего Апель выступил таким образом (а именно, с выводами, которые нашим западноевропейцам могут показаться странными)? Для большей экономической независимости национальной экономики ГДР. Любое коммунистическое правительство за пределами России недолго отказывается от попытки, которую практики советов упорно отвергают, — увеличивать расходы на всеобщие нужды.

Моральная поддержка, о которой ходатайствует Вашингтон из-за Вьетнамской войны, удовлетворила бы работоспособных американцев. А Советская Россия, напротив, сама загоняет себя в угол, но придает большое значение материальным жертвам союзных с ней коммунистических правительств. Таким образом, строятся национальные отношения в защиту советско-русских прав. Конфликты возникают, вероятно, даже с совестью.

Такие конфликты приводят не только к тому, что кто-то снабжает газету или депутата секретной информацией и таким образом ставит себя под удар, но также и к тому, что потом под давлением жизненных потребностей возникают ситуации, в которых этот человек застреливается.

Достаточно ли этого для того, чтобы теперь запоздало вешать на ленте Эриху Апелю медаль за сопротивление против красного злого духа? (Газета «Бильд» в воскресном номере сравнивает его с вымоиной, которой Гитлер сунул бы в руку пистолет, как теперь Апелю Ульбрихт: хороша же нелепая пропаганда на Западе, которая уже активно используется на Востоке?) Или нужно направить взор на ту страну, в которой, по официальным данным, проживают граждане ГДР?

Можно допустить, что, если бы это было нужно на Западе, даже Ульбрихт с удовольствием продал бы свои продукты дорожке. Подписал ли он советские требования только из раболепия? Вероятно, все же не совсем. Его режим не может существовать без тесного сотрудничества с Советами. Он зависит от них гораздо больше, чем Федеративная республика от США.

Федеративная республика также должна соглашаться с активно высказываемыми желаниями США (торговля с Китаем, трубное эмбарго, Вьетнам), хотя она несравненно самостоятельнее (или могла бы быть самостоятельнее), чем ГДР. Но она черпает из полного ведра, а ее оборонительные силы — из самого полного. Россия — первая по величине страна в мире, а ГДР как седьмое по величине индустриальное государство является сравнительно бедной страной, чья экономика дорого платит за эксперименты правых сил.

Конечно, Федеративная республика могла бы смягчить зависимость СЕПГ<sup>[36]</sup> от Москвы. Каждый руководитель СЕПГ должен уступать Советам, до тех пор пока ГДР объявлена вне закона на Западе и экономически изолируема. Если бы имелись, однако, лучшие политические и экономические отношения между Бонном и Восточным Берлином<sup>[37]</sup>, то Апель имел бы защиту с тыла, то появилось бы больше Апелей и не было бы ни в коем случае сказано, что Ульбрихт, который является опытным оппортунистом, им не помогал.

Хотя Вилли Брандт сумел сообщить свои сказочные сведения о «тяжелых дискуссиях» между Ульбрихтом и Апелем, имевших место ранее, можно предполагать, что оба политически двигались к веревке. Только экономист, который расплатился за противоречия, очевидно, не осознавал преимущества политика.

Мы можем и дальше радоваться, когда на Востоке появляются экономические проблемы. Но зачем нам это нужно? Мы можем с чистой совестью считать экономическое укрепление СЕПГ политической помощью, которая только укрепляет упрямство коммунистов, но неверно, преувеличенно произнесенная, приводит к хорошим результатам. Поначалу это может отражаться так. Только если мы хотим эволюции в Центральной и Восточной Европе — а что еще мы можем желать? — тогда мы должны делать ее возможной. В СЕПГ имеются силы, схожие с силами в Румынии, Польше и Венгрии, которые хотят лучше вести хозяйство и использовать достижения экономики ГДР. Они не имеют никакой позиции против Москвы до тех пор, пока их и ФРГ рассматривают и с ними обращаются как с кликой.

Москва и Восточный Берлин имеют объединение, которое теснее, чем какое-либо другое между двумя коммунистическими системами. Но люди СЕПГ не были бы людьми, если они не пытались выбраться из тесных оков, из строгой опеки. Однако Федеративная республика, которая, как единственная власть, могла бы активно помогать ей в этом, желает, чтобы ГДР оставалась известной как эксплуатируемая армейская колония, для того чтобы еще дальше отдалить страну от мирного дня «икс» и от мирного освобождения, для того чтобы можно было требовать от западных властей «эффективную немецкую инициативу с содержанием».

Эрих Апель — это немецкая действительность, это инициатива с содержанием. Но в чем ее цель — спорить с политиками, которые все вместе выступают против правильной торговли между западным союзником и ГДР. Они не желают согласиться с этим. Как прекрасно, что наш бундестаг так единодушен!

Журнал «Шпигель», 1965 год  
Перевод *Екатерины Врединой*

**Лекс Шпрингер** [\[38\]](#)

Демократия необязательно подразумевает народовластие, господство народа. Народ высмеян Генрихом Гейне как «колоссальный Санчо Панса» и «суверенный король крыс», как «бестолковейший Иван-дурак», который для того же самого Гейне, однако, и «справедливый император, призывающий действовать», поэтому народ

не может господствовать. Он не знает, для чего с ним беседуют и торгуются, указывают ему X и Y и разражаются слезами радости, когда он отмечает на выборах X и Y.

Народ обычно спит или смотрит футбол. Он не может господствовать. Но все-таки он может во сне разваливаться и потягиваться, может поворачиваться с одного бока на другой и этим вызывает то, что называется сменой правительства. Для того чтобы определить, может ли страна называть себя демократической, не является критерием тот факт, есть ли в стране компетентное большинство граждан или же правители влияют на человеческий рассудок, к благоразумию которого так часто апеллируют.

Таким образом, имеются ступени демократии, и можно с уверенностью сказать, когда образованное демократическим путем общество с легкостью выберется из климата демократии. Так или иначе, один критерий беспристрастно указывает на поворотный пункт: ни один отдельный гражданин, каким бы богачейшим и могущественнейшим он ни был, не может преуспеть в разрушении общества, не получив отпора общественности. Мужчина, существование которого несовместимо с правилами демократического общества, либо вызывает на дуэль демократическое правительство, либо пытается сорвать с него маску и указать на отсутствие в нем демократии.

Тот, кто угрожает демократической конституции, не обязательно должен быть плохим парнем. Иногда это человек с большой буквы, такой как маршал Пилсудский или генерал де Голль; тогда он пользуется огромным уважением, как, например, генерал Дуглас Макартур. Также может быть, что он безумно богат и владеет экономическими ресурсами бедной страны, как это делает, например, «Юнайтед фрут компани» в Центральной Америке.

У нас в Федеративной республике имеется со времени развала католического папства только один мужчина, который должен доказать, что, хотя мы стоим противостоим СЕПГ с ее ложью и правдой, для нас высшей заповедью является благо народа, а не интересов клики: я подразумеваю гамбургца-издателя Акселя Шпрингера. Он кажется до глубины души невинным, когда его разрастающийся концерн угрожает свободному формированию общественного мнения. Он, мечтательный преобразователь и гениальный торговый агент, вдохновленный

мистификатор его собственного успеха, принимает, вероятно, как судьбу и расположение Бога то, что таит для честных людей, живущих вне его мало-великого космоса, гигантскую опасность. Сделал ли он, человек, хорошо разбирающийся в законах федеративного капитализма, что-нибудь еще для достижения гармонии сначала с большинством населения, а потом и со всеми политическими партиями?

Он, несмотря на бесконечное вращение, не сделал ничего. Он мелочно просчитывал, как добиться того, чтобы не только свободная капиталистическая игра денежных сил, но и благосклонность нескольких находящихся в оккупации англичан швырнули его катапультой с подножия на самую вершину горы. И не было ли в том его вины, что британцы за бесценок передали ему, человеку, который уже был самым великим, вдобавок еще и «Ди Вельт», «Вельтам Зонтаг» и «Нойе Блат»?

До тех пор, пока мир стоит на холмах и равнинах, а черт устраивает пакости, Шпрингер палец о палец не ударит. Если появляется продавец газет с гениальными способностями, он становится гением. Идея «народной общности» Адольфа Гитлера не была унаследована никем более искусно, чем этими двумя — канцлером Аденауэром и как раз Шпрингером.

Он не является адресатом, которому идет наш упрек. Только к неокапиталистическому фундаментальному порядку, который все власть имущие благодарят за его власть, а все богачи — за его богатство, потихоньку разрывая его на куски. Так кто правит в Бонне? Такой вопрос срывается с лицемерных ртов и губ благородных людей и долетает к нам из Восточного Берлина.

В будущем мало что изменится, если мы ответим: в Бонне правит бундестаг и выбранное им правительство. Только, конечно, если кто-то коснется стада овец господина Акселя Шпрингера, тогда все будет немного не так. Не требуйте от нас, пожалуйста, выполнения закона, который запретил бы ему распространяться в прессе, издательстве, типографии и в сфере производства общественного мнения о расходах своих конкурентов. Этот человек имеет, знает Бог, средства донимать нас. Он может созывать бундестаг в Берлин или, скорее, он мог бы и он может вызвать депутатов с каникул, если такая никуда не спешащая

проблема, как повышение телефонных пошлин, нуждается в их присутствии.

Был ли такой закон, который бы оказался недемократическим, некорректным и некапиталистическим не только для одного Шпрингера? Ах, старая капиталистическая демократия Англии и Америки, на гумусе которойросло понятие «корректность», не могла этого допустить. То, что экономическая концентрация власти и справедливая власть мнений, демократия, может быть заторможена на окраинах, знают в тех демократических странах, где этого никогда еще не было, но только не в Германии, где это произошло уже дважды. Один социал-демократ, соблазненный самым прекрасным обещанием, которому недавно кто-то предложил закон для защиты мнений от монополистических идей, ошарашенно вытаращил глаза, будто бы ему предложили политическое самоубийство.

Шпрингер снова и снова не имеет к этому никакого отношения. Он не знает, куда деть заработанные деньги. Естественно, он приносит их туда, где они быстрее всего умножатся и чье производство он понимает лучшего всего. Весь мир с облегчением вздыхает и смеется. Его поздравляют с государственно-мужеподобной сдержанностью. «Аксель Шпрингер, — пишет «Шпигель», — хорош для реализации возможностей многообразного ассортимента журналов. Это отношение признано в кругах издателя и оценено им».

<...> Трансляции уже еле-еле возможны без его разрешения (разве только «Франкфуртер Альгемайне» и «Шпигель» соединились бы вместе). Каждая полоса газеты укрепляет его положение за счет оптовиков и киосков, каждая отдельная типография помогает ему, для того чтобы печатать сообщения и мнения дешевле, чем может конкурент. Больше нет ни одной такой дефектной проигрышной газетенки, которую бы он не смог поднять целенаправленным покрывающим слоем объявлений на ее страницах. Не являются ли люди СЕПГ правыми, когда отправляются разносить страх по домам, что Шпрингер в случае присоединения ГДР не только бы преобразовал 40% всех там продаваемых ежедневных и воскресных газет, как это уже сделано в Федеративной республике, но и 70%, как сегодня уже в Берлине и Гамбурге? Раньше Шпрингер был гениальным покупателем. Сегодня, однако, не нужно больше гениальности для того, чтобы

сдвигать рыночные механизмы в пользу гиганта, а только лишь организация, которая у него также превосходна.

Издательский дом Шпрингера растет не как лавина, но как прожорливая опухоль. Никакой отдельный человек в Германии (исключая Бисмарка и обоих императоров) не накопил до и после Гитлера столько власти в своих руках. Неизвестна ни одна западная страна, в которой отдельный мужчина контролирует 40% напечатанных сообщений и мнений, и не как важный акционер меньшинства, а как исключительный владелец своих газет, журналов и типографий, который может завещать Содружество тому, кто его больше развеселит.

Сесиль Кинг, самый могущественный магнат прессы Англии, «самой большой издательской фирмы свободного мира», хотя и контролирует на одну треть больше, чем Шпрингер, сам владеет, однако, всего 4% акций своего концерна. Кинг имеет «сердце для затравленных и любит обнаруживать несправедливость». Хорошо хоть так. Но он также скупил массу газет. И так как Англия является все еще демократией, по этому вопросу была создана королевская комиссия. Ее постановления оставляют на законе осадок, экстракт которого недавно был опубликован в «Ди Вельт» в такой форме: «Парламент связывает захват ежедневной и воскресной газет другим издательством с постановлением министерства торговли, если объединения руководят изданиями с общим тиражом больше чем 3 млн. экземпляров. При этих обстоятельствах министерство должно передавать дело на рассмотрение Антимонопольной комиссии. Тем не менее исключения из этого правила допустимы только в том случае, если захваченная газета была убыточной и издательство или само не может больше оставаться собственником, или ему требуется немедленная помощь».

Так данное постановление выглядит в напечатанном виде. Однако при захвате ежедневной, воскресной или местной газеты другим изданием разрешение министерства торговли требуется в том случае, если покупатель имеет уже общий тираж одной газеты или в сумме всех газет объединения 500 000 экземпляров. Откуда корреспондент «Ди Вельт» взял цифру 3 млн., я никак не смог выяснить. Она ложна.

Законодатель Англии считает несовместимым с основным правом свободы слова, если большие газетные издательства скупают новые



маленькие газетенки. Поэтому Антимонопольная комиссия обязана рассматривать каждое заявление и определять, оказывается запланированное слияние в «противоречии с общественными интересами» или нет. В принципе, министерство торговли может отказать в разрешении, даже если захвачиваемая ежедневная или воскресная газета стоит перед разорением или ее тираж меньше 25 000 экземпляров. Как обстоит дело с похожим регулированием в Федеративной республике?

Народное мнение, говорит «Ди Вельт», не выступает против Сесилия Кинга. Ай-ай, народного мнения также нет. Разве общественному мнению не все равно, от кого он получает по почте развлечения: от Кинга или Шпрингера? Но «Ди Вельт» использует эту удобную основу для создания популярности Кинга среди народа: все его операции совершались бы тогда в светлом свете общественности, а отчет о состоянии дел Кинга явился бы «образцом ясности». Как если бы немецкие издательства также должны были опубликовывать отчеты о состоянии дел, добиться наряду с другими достойными уважения качествами еще и «образца в ясности»? Додумайся до этого, и ты — верный господин страны!

«Я не нахожу ничего плохого во власти, — говорит Сесиль Кинг, — до тех пор пока я являюсь тем, кто ею обладает». Истинно британское преувеличение. Он ее тоже не имеет, приятный мужчина, он владеет достойной уважения, но контролируемой и ограниченной частью власти. Четыре английских группы владеют 66% ежедневных и воскресных изданий. Кинг, четырехпроцентный, владеет (на всякий случай указываю на кухонный характер подсчетов) 2% английских дневных и воскресных изданий — его континентальный конкурент Шпрингер подобен мамонту и, напротив, держит в руках 40: 90% всех воскресных изданий, 81,5% одиннадцати надрегиональных ежедневных газет.

Также Сесиль Хармсворс Кинг, племянник не сильно любимого в Германии лорда Нортклиффа, обладает качеством, которым не стоит пренебрегать и которое, к сожалению, было потеряно другим крупным газетным магнатом на пике успеха: не политика стала его страстью, а газетное дело, так говорит «Ди Вельт». Это дополнительное замечание справедливо и для Шпрингера: «Если политика и издание попадают в

конфликт интересов, Кинг сосредотачивается на интересах издания». Здесь оба издателя оказываются в согласии.

Официальный представитель правительства господин фон Хазе полагал, что должен обязательно встретить тонкое различие между «моральным» и «неполитическим» издателем в его деловой хватке. Разве не знал господин фон Хазе, что «моральный» издатель, если он является, кроме того, еще самым оперативным, будет гораздо опаснее, чем бизнесмен? Федеральное правительство, можно заключить из слов господина фон Хазе, не будет делать ничего ни сейчас, ни в ближайшее время и так вести политику, чтобы не наступить на ботинок Шпрингера.

Остается надеяться, что мы прочитаем в «Ди Вельт» еще одно сообщение, на этот раз о концентрации прессы в США. Там существует лидирующая группа из десяти концернов, четыре самых крупных из которых удерживают от 4,1 до 6,4% рынка.

Доля рынка выше 4% уже рискованна. Объединение пивоварни в Милуоки с другой пивоварней было запрещено, потому что обе фирмы вместе заняли бы долю рынка 4,49%. Позвольте Шпрингеру, если он захочет, покупать лес, бумажные мельницы, все химические фабрики, но мешайте ему продолжать захватывать все новые доли любых ежедневных, воскресных или еженедельных газет! <...>

Журнал «Шпигель», 1966

Перевод *Екатерины Врединой*

## Ульрика Мария Майнхоф

### Поджог универмага<sup>[39]</sup>

Журнал «Конкрет» № 14, 1968

Против поджогов в целом как метода политической борьбы говорит то, что страдают не те люди, которые должны страдать.

Против конкретного поджога универмага говорит то, что это нападение на капиталистический мир потребления (а именно так сформулировали свои мотивы обвиняемые) этот самый мир не сорвало с петель, нисколько не задело тех, кто на нем греет руки.

Принципам, по которым в нашей стране производят и потребляют товары, принципам извлечения прибыли и накопления капитала скорее отвечает простое уничтожение товаров, нежели продвижение их на рынок. Потому что тех, кто наживается на массовой продукции и продаже в торговых домах, ничто не радует так, как бесплатное уничтожение товаров.

Ущерб (снова в пользу барыша) возместит страховка. Проблема переполненности рынка, включая залежавшуюся нереализованную продукцию, решается как раз этим способом (поджогом), который не очень отличается от тех, к которым прибегает промышленность. Например, в книге «Вижн» Вэнс Паккард<sup>[40]</sup> строит «город будущего», где «все здания состоят из особенной бумажной массы, поэтому каждую весну и каждую осень во время большой уборки их разрушают и строят заново». И «каждая четвертая фабрика расположена на крутом обрыве; ее конвейеры можно развернуть и к главным воротам, и к задним. Если спрос небольшой, ленты разворачивают к задним воротам, и весь выпуск холодильников или другой продукции исчезает в бездне и отправляется в металлолом, прежде чем наводнить собой потребительский рынок».

Уничтожение общественного богатства пока еще не осуществляется такими сенсационными способами, как поджог и отправка прямиком на свалку. Индустрия пытается превозмочь проблемы рынка при помощи формулы «каждые два года — новая модель»; расточительством миллионов на исследования, которые

помогают сбыть товар, но не улучшить его качество; при помощи одноразовых ведер для мусора, бессмысленных дорогих упаковок, лишь увеличивающих прибыль (расходы за вывоз мусора потребитель берет на себя); с помощью заведомо ложной дорогостоящей рекламы. Миллионы часов, огромное количество сил и денег вкладывается в износ («устаревание»), запланированную дату смерти продукта, так, что холодильники, электрические бритвы, дамские чулки, игрушки, лампочки быстрее приходят в негодность, чем это предполагают использованные материалы, потраченное время и силы. И все это для того, чтобы искусственно поддерживать спрос, чтобы при помощи продукции и потребления достичь норм прибыли, которые вновь будут пущены в оборот, не для удовлетворения общественных потребностей, а для накопления капитала. (В универмаге все — как в капитализме. Правда, в капитализме есть еще и больницы, школы, детские сады и т.д., но их недостаточно, и они, как правило, плохие).

Итак, уничтожение общественно производимого богатства посредством поджога качественно не отличается от систематического его уничтожения при помощи моды, упаковки, рекламы, установленного износа. Таким образом, поджог универмага не является антикапиталистической акцией, скорее, контрреволюционной, сохраняющей Систему.

Прогрессивный момент поджога универмага — не в уничтожении товаров, а в криминальности, преступности действия. Закон, который был нарушен, не ограждает людей оттого, что их рабочее время, силы и созданная ими прибавочная стоимость уничтожаются, портятся и разбазариваются. Через рекламу людям лгут об их собственной продукции, разделяют их с помощью организации труда и утайки всевозможной информации о продукте. В обоих качествах — и как производители, и как потребители — они подчинены тем, кто прибирает деньги к рукам и использует их по собственному усмотрению. «По собственному усмотрению» означает «по логике прибыли», другими словами, там, где есть возможность присвоить еще большую прибавочную стоимость, а не там, где деньги будут использованы всеми и эффективно (образование, здравоохранение, общественный транспорт, порядок, чистый воздух, сексуальное просвещение и т.д.).

Закон, который был нарушен, защищает не людей, а собственность. Закон постановляет, что чужая собственность не должна быть разрушена, подвергнута опасности, повреждена, сожжена. Не жертвы глумления над собственностью, не те, что обеспечивают рыночную стоимость собственным потреблением, будут защищены этим законом, а другие — глумливые «законные» собственники, подкармливаемые капиталистическим государством. Закон призван отдалить производителей от собственного товара. Товар есть для того, чтобы потребитель делал с ним то, что ему нравится. Поджигатели сделали с продукцией то, что хотели, но закон нарушен, ибо то, что приходит в голову, дозволено делать со своим так называемым собственником. Логика этого закона выступает против людей, она защищает накопление, а не людей, которые им поработаны и варварские последствия такого накопления. Это нарушение — прогрессивный момент поджога универмага, несмотря на то, что уничтожение товаров таким путем — кирпич в стене капитализма и, следовательно, вступает в противоречие с антикапиталистическим замыслом.

Плюс акции в том, что во время поджога был нарушен закон, прикрывающий преступников. Остается вопрос, как это может нам помочь. Что могут сделать люди с горящим магазином? Они могут его опустошить. Негр из гетто, который мародерствует в торговом доме, узнает, что система не обрушится, если он бесплатно возьмет то, в чем безотлагательно нуждается, но из-за бедности и безработицы не может купить. Ему наглядно продемонстрировано, что Система ленива, раз отказывает ему в жизненно необходимом.

Напротив, товары, которые жители Франкфурта утанули из магазина, едва ли им нужны. Исключение составили посудомоечные машины, которых, по статистике, недостает в немецком быту, несмотря на то, что в Германии почти десять миллионов экономически независимых женщин и все они должны иметь посудомоечные машины. Этот предмет не только тяжело купить, но и утащить.

Коллективные потребности в богатых капиталистических странах явно остаются неудовлетворенными. Поджог универмага не обеспечит и даже не поможет людям осознать это.

Таким образом, действия, которые сейчас рассматриваются во Франкфурте, нельзя взять за образец (дело усугубляется угрозой

сурового наказания). Но остается еще то, что Фритц Тойфель<sup>[41]</sup> сказал на конференции Социалистического союза немецких студентов: «Всегда лучше поджечь универмаг, чем вести его дела». Фритц Тойфель иногда действительно хорошо формулирует.

Перевод *Марки Шамфаровой*

## Гельмут Шмидт

### Нам необходимо мужество<sup>[42]</sup>

«Ди Цайт», № 24, 9 июня 2005 года

#### **У Европы есть много слабостей, однако на деле она сильна**

Полтора года назад мне надо было выступать с докладом о Европейском союзе в Париже перед аудиторией, состоящей из историков и политологов. Хотя проект европейской конституции уже лежал на столе, я говорил о «кризисе дееспособности» Европейского союза и о том, что распад ЕС, «к сожалению, уже больше нельзя полностью исключить».

Народное голосование во Франции и Голландии подтвердило мои опасения, прежде всего, вызвав общеевропейскую обескураженность. Лидеры государств и правительств стран-членов Европейского союза, независимо от того, хотят ли они продолжить процесс ратификации или его прекратить, в полном недоразумении стоят перед развалинами своего конструкторского сооружения, над которым они прилежно трудились со времени подписания Маастрихтского договора. В Маастрихте нас было еще двенадцать, сегодня уже двадцать пять стран-членов ЕС. Однако при решении всех важных вопросов все еще действует правило единогласного принятия документов, которое срабатывало не очень хорошо еще и при двенадцати членах.

Поэтому Конституция ЕС могла бы привнести ясности и обозримости в работу ЕС; поскольку она теперь уже не вступит в действие — в форме уже существующего проекта она не вступит в действие, скорее всего, никогда — все еще остаются в силе многие уже ратифицированные законы.

Законную силу имеет не только Маастрихтский договор со всеми изменениями Договора о Европейском сообществе по углю и стали от 1952 года и Римские договоры 1957—1958 годов, законную силу имеют не только семнадцать Маастрихтских протоколов и 33 декларации, но и Амстердамский договор 1997 года и — что особенно важно! — договор Ниццы 2000 года, со всеми содержащимися в нем изменениями и дополнениями предшествующих договоров. Законную

силу имеют все тринадцать с тех пор вступивших в силу договоров со всеми их особенными положениями. С точки зрения международного права все государства-члены ЕС обязаны выполнять все эти договоры. В действительности же ни один из 25 министров иностранных дел и лидеров правительств не в состоянии удержать в голове всю совокупность этих текстов, занимающих несколько сотен страниц. Они являются собой прекрасный пример бюрократической неразберихи.

Политическое руководство может исходить только из отдельных личностей. Рассудительность, дееспособность, мужество и чувство ответственности проявляются не только в обновлении документов. Министры иностранных дел и лидеры правительств хотя и предчувствовали возможность провала народного голосования, но у них не хватило сил, чтобы хотя бы только представить себе альтернативный «план Б».

Большинство европейских государств и их народных хозяйств страдает сразу от многих болезней; кризис Европейского союза, ставший очевидным в прошедшие две недели, стал теперь дополнительным болезненным фактором. Однако ни в случае Польши или какого-либо другого нового государства-члена ЕС, находящегося в фазе социально-экономической перестройки, ни в случае Германии, Франции, Италии и так далее этот фактор не имеет решающего значения.

Когда к больному зовут врача, он сначала позаботится о прекращении боли и об оказании первой помощи, а затем, прежде чем поставить диагноз и перейти к необходимой терапии, займется выяснением истории болезни. В среднесрочной перспективе драматичное снижение рождаемости и связанное с этим старение почти всех европейских наций станут причиной опасной потери жизнеспособности, окажутся самой основной причиной всех европейских болезней. За — весьма значимым — исключением Франции почти повсюду не хватает способов терапии, поскольку предыстория и диагноз болезни все еще недостаточно проникли в общественное сознание. Поэтому недостает также прогнозов о последствиях старения населения, что сопровождается сокращением финансирования социального государства.

Например, через пятнадцать лет большинство всех живущих немцев в Германии будет старше 60 лет; но уже сегодня положенные



по закону пенсии могут финансироваться округленно лишь на три пятых из страховых взносов; две пятых поступают из налоговой кассы. Дания, находившаяся несколько лет назад в похожей ситуации, уже давно провела образцовые реформы своего рабочего рынка и социального государства. Поэтому Дания сегодня экономически здорова, остальные государства Скандинавии следуют за ней. Однако большинство европейских политиков остерегаются проводить подобные реформы — из страха перед избирателями.

Одной из самых серьезных болезней, очевидно, является господствующая в большинстве государств ЕС высокая безработица. Тот, кто хочет понять причины ее появления, должен признать: ее причины лишь на малую толику могут объясняться какими-либо ошибками ЕС, ни в коем случае не введением евро, вряд ли глобализацией, а, скорее всего, неправильными решениями в самих государствах-членах. Это касается политики рынка труда и заработной платы, некоторых социальных и социально-политических преувеличений, а также излишнего регулирования всех экономически важных областей. Поэтому кажется, что Франция, Германия и другие государства сидят в одной и той же лодке; но не ЕС как совокупность государств, а отдельные государства ответственны в этом! Именно национальные правительства и парламенты должны привести в порядок по линии доходов и расходов свои нездоровые бюджеты. Однако для всех необходимых способов лечения нужны дееспособность и мужество.

Многие граждане и избиратели чувствуют надвигающуюся катастрофу и боятся этого. Чем старше человек, тем менее он готов примириться с изменениями жизненных обстоятельств. Лучше всего все должно оставаться так, как есть: никаких нововведений, никаких новых изобретений, никаких новых конкурентов в области сбыта и рабочих мест, никакой иммиграции, никакой глобализации. Однако и для многих представителей молодого поколения это кажется слишком трудным. У отрицательных результатов народного голосования во Франции и Голландии — в Германии референдум, скорее всего, привел бы к таким же результатам — есть разные причины. Самая важная общая причина — страх перед нововведениями, последствия которых нельзя предугадать, и отторжение их. Так же и в Германии.

Расширение общего рынка на десять новых членов вступило в юридическую силу. Оно обязательно принесет всем дополнительную конкуренцию, так же как и экономический подъем Китая, Индии и так далее. Если у нас не будет новых изобретений, если мы не сможем предложить никаких новых продуктов и услуг, то скоро не только текстиль, игрушки, фотокамеры или корабли будут поставляться из других стран. Ведь другие страны могут производить такие же товары, как и мы, но по более низким ценам и при более низкой оплате труда. Поэтому для нас исследования и наука бесконечно более важны, чем акционерные общества, состоящие из одного человека<sup>[43]</sup>, или другие игры на рынке труда.

Поиск выхода во все новых и новых параграфах никому не нужен, неважно, приходят ли они из Брюсселя или из Берлина. Если парламенты германских земель должны заниматься переносом (в германское право) европейской директивы по строительству канатных дорог, которая во многих землях абсолютно не нужна, или если Собрание министров культуры Германии<sup>[44]</sup> в который раз, но как всегда чересчур рьяно, собирается провести реформу правописания, то значит, что везде в Европе в основе этого лежит растущее маниакальное желание регулировать и предписывать все и вся.

Только такие популисты, как Ле Пен, Фортин или Лафонтен<sup>[45]</sup> мыслят подобным образом, как будто было бы возможно отделить европейские народные хозяйства от мирового рынка и конкуренции. На самом деле наше благосостояние уже в течение десятилетий зависит от нашего успеха на мировых рынках: например, в Германии импорт и экспорт с давнего времени составляют около 30% валового социального продукта. Глобализация — только новое слово, в которое облечено старое содержание; ведь и Airbus, и Peugeot, и Volkswagen, и Siemens, и контейнерные корабли Гамбургского пароходства были бы немыслимы без международного рынка.

### **Отказ от евро? Невозможно быть столь глупым!**

Если некоторые легкомысленные журналисты и политики задаются вопросом, не был бы преимуществом отказ от общей денежной единицы — евро, то они в равной степени и глупы, и безответственны! Брюссельские министры и комиссары не могут быть настолько недалекими, даже если до сего времени мышление в долгосрочной перспективе не являлось их сильной стороной. Вновь

введенная в оборот лира сразу же стала бы объектом спекуляции тысяч глобально действующих фондов по хеджированию и инвестиционных банков. Без включения в европейскую валютную систему такое могло бы произойти и с вновь введенной в оборот немецкой маркой — как некогда с британским фунтом стерлингов.

Институты ЕС не могут вылечить социальные и экономические болезни своих государств-членов. Они могут помочь в лучшем случае Польше, Венгрии и Чехии, всем новым членам ЕС разобраться в тысяче предписаний, которые были преждевременно навязаны им в качестве *acquis communautaire*. Но ЕС не может оказывать им финансовую помощь, даже приблизительно равную той, которую он оказывал ранее ирландцам, испанцам или грекам, или участвовать в подъеме их благосостояния в той мере, в которой западные немцы вносят вклад в благосостояние восточных. Скорее, правительства и парламенты всех европейских стран и их общественное мнение сами должны осознать свои болезни и недостатки и сделать необходимые выводы.

То же самое касается и Германии. Неважно, кто придет к власти осенью этого года<sup>[46]</sup>, он или она должны знать: «Агенда—2010» Шредера<sup>[47]</sup> хоть и появилась поздно, была все равно правильной. Однако и она ни в коей мере не была достаточной. Речь о «новом толчке» Германии, произнесенная президентом Романом Херцогом в 1997 году и содержащая многочисленные и далеко ведущие предложения по терапии страны, все еще остается правильной. Однако мы не должны упускать из внимания застой восточногерманского процесса реформирования, проявляющийся экономически и психологически, поскольку именно он — самый важный из всех немецких факторов болезни. Кто бы ни был у власти, ему понадобится мужество, чтобы признать истину со всеми вытекающими отсюда последствиями, и необходимость этого не отличает нас от всех наших соседей по ЕС.

Невозможность прояснения полномочий и распределения голосов в рамках ЕС сравнима с провалом Европейского оборонного сообщества в 1954 году; тогда это привело к замешательству и отчаянию, однако не прекратило дальнейшее развитие европейской интеграции. Провал Конституции ЕС — перелом костей, а не полный

паралич. Однако это не препятствует ни одной из стран-членов решать свои проблемы и лечить свои болезни.

### **Достижение, равного которому не было в истории**

Хотя в обозримом будущем не предвидится европейской эйфории, это все же не повод для пессимизма. Его место займет реализм. Европа ни в коем случае не подошла к своему концу. Ведь у сегодняшних европейцев те же самые гены, что и у прошлых поколений. Эти наследственные черты позволили европейцам вынести огромные жертвы двух мировых войн и национал-социалистской, фашистской и коммунистической диктатур, а также заново восстановить свои общественные структуры — с большой затратой сил, однако без гражданских и иных войн. Ни один из живущих ныне европейцев не был когда-либо свободнее, чем сейчас, ни один не жил когда-либо в большем благосостоянии — громадное достижение! Добровольное и без насилия со стороны произошедшее объединение в единый союз пятисот миллионов европейцев, разделенных на 25 наций с 20 языками, образовавшимися в течение столетий и тысячелетий, остается единичным примером в мировой истории. В этом ничего не изменит и провал голосования по Конституции ЕС.

Возможны и различные другие пути развития ЕС. Вполне возможно, что останется незавершенным уже начатый процесс дополнительного расширения ЕС. Возможно и сужение ЕС до зоны свободной торговли с общими институтами; англичане были бы вполне этим довольны. Возможно, что Европарламент и без конституции добьется принятия, по крайней мере, насущно необходимого проведения через парламент всех брюссельских решений. Однако возможно также, что через несколько лет посредством слаженного взаимодействия нескольких правительств и государств образуется внутреннее ядро Европы.

Мы, немцы, живущие бок о бок с девятью непосредственными соседями в центре Европы, обладая самым многочисленным населением и самым мощным народным хозяйством, должны осознавать: у нас нет никаких стратегических задач мирового масштаба в других частях планеты; самой важной нашей задачей было и остается поддержание тесных мирных связей со всеми нашими соседями. И через сто лет они останутся нашими соседями, а Франция и Польша — важнейшие из них еще со времен европейского

средневековья. Мы, немцы, в этом становящемся все более перенаселенным мире еще сильнее, чем все остальные наши соседи, заинтересованы в Европейском союзе.

Поскольку народы Европы имеют за собой более чем тысячелетнюю историю национального развития, образование союза не может быть завершено за несколько десятилетий лишь только министрами и дипломатами. ЕС нуждается в согласии и воле своих граждан. На опыте растущего бессилия отдельно действующих небольших и средних государств, который еще предстоит испытать, граждане будут постепенно приобретать понимание необходимости единого союза. Для этого нужны время и выдержка. Жан Моне, Роберт Шуман, Жискара д'Эстен, Жак Делор, многие из прежних государственных деятелей знали: только шаг за шагом мы можем преодолеть укорененный в истории эгоцентричный национализм европейцев. Сегодняшние государственные мужи и слишком рьяные брюссельские комиссары должны равняться на эти примеры!

Перевод доктора *Анны Розэ*

### Большой развод

«Наш разговор закончен!» — кричали манифестанты, шествуя по улицам города.

Мы не сомневаемся в том, что этот крик, вырывающийся из груди, больше, чем просто какой-то рекламный слоган, — это популярная формулировка того большого развода, который произошел между улицей и властью.

Это развод, который всегда провозглашали анархисты, разоблачая непорочность власти, эта пропасть, которая разделяет народ и правительство, это развод, осознание которого до сих пор было неясным, осознание, которое утверждается и уточняется день ото дня.

Наконец-то стало понятно, что проблемы не решаются путем разговоров, что не надо бежать при звуке популярных требований и национальных гимнов, что гнев людей не успокаивается одним изменением «этикеток».

Де Голль ничего не понял — от этого его предохраняет его тщеславие — он продолжает говорить с французами так, как будто его поддерживает Объединение в поддержку Республики.

Он отдает себе отчет в том, что авторитет режима, полного высокомерия, самодовольства, презрения к «кепи», стал более чем относительным (последние события полностью доказали это).

Сегодня Де Голль снизошел до того, чтобы услышать требования представителей профсоюзов, но слышит он их только тогда, когда сам посчитает нужным.

Подвергнутые издевательствам, обманутые правительством, теперь они видят, что их требования отодвинуты на задний план.

Они переместили борьбу из «зеленого сукна» на улицу, из парламента — в оккупированные заводы и начали бунтовать. Движение приняло серьезный оборот, и оно будет действительно очень трудным для всех старых лис.

В действительности нужно, чтобы эта элита была очень глупой и очень невежественной для того, чтобы завести ее в тупик. Она бы

размышляла о приключениях Карла Десятого, автора таких же постановлений и уступающего только силой. Так же глупый, как Де Голль, он верил, что спас свой режим усилением власти.

Но это было слишком трудно.

Народ требовал его отставки без права на возвращение.

В нынешней ситуации правительство совершило бы большую ошибку, если бы поверило, что ему удалось заслужить уважение профсоюзных организаций, что это народ отказывается уважать государство.

Потому что когда будет заключено соглашение между профсоюзными конфедерациями и приверженцами режима, оно будет принято и студентами Сорбонны, и рабочими, оккупирующими заводы, и крестьянами, принимающими участие в демонстрациях перед префектурами.

Те и другие, может быть, откажутся подписывать это соглашение, от составления которого они были тщательно отодвинуты. Их называют неконтролируемыми. Они принимают власть и порядки кого угодно, они чересчур подвержены влиянию. И именно такое движение, встряхнувшее всю страну, очень типично для революции.

Он не намеревается предоставлять одним то, в чем он отказывает другим, разрушать Карла Десятого, чтобы унаследовать Луи Филиппа. Требования должны быть в определенных рамках, которых хотят еще больше ограничить некоторые. Но тогда анархия будет протестовать, мещанин придет в ужас! Никакого возобновления работы, парализованная экономика, страна без коммуникаций, без транспорта и — вскоре — без продовольствия.

Нет!

Анархия как беспорядок или, вы слышите, это буржуазная, капиталистическая и государственная система. Именно она ответственна за бедность, именно она ответственна за эту искусственную преступную экономику, экономику, которая продает чудодейственный порошок, за «Франс-диманш», когда она не изготавливает машины смерти.

Вы хотите восстановить порядок, говорите вы?

Какой порядок?

Миллиардеров, старые трудящиеся, которых мы находим повешенными в их кабинетах, молодые, которым с детства внушается

великолепие и мудрость системы, рабочие, которые сокращают покупательную способность, капитализм, который надувает своих покупателей, политики, которые хотят все решить за всех, и полицейские, которые наказывают тех, кто не соглашается с этим. Власти, которая забирает миллионы, чтобы отдать их помпе международных рэкетиоров... Это тот порядок, по которому вы так ностальгируете? Мы — нет.

Наша анархия не в том, чтобы плохо замаскировывать уловки, изменения, доходы с церковного имущества одних и нищету огромного числа людей. Наша анархия не безответственна за овец, приведенных пастухами и укушенными собаками и идущим к сомнительным овчарням и бойням.

Наша анархия — в социальном строе, который не спускается к нам из королевского или парламентского храма, но который поднимается из осознания всех остальных. Наша анархия отказывается говорить голосом общества, отрезанного от массы, но эта масса уже учится на своем опыте в координировании деятельности каждой из своих ветвей.

Настоящие события нам дают доказательство: глава государства может оставить Францию, палата может продлить свои каникулы. И пусть железнодорожники и булочники будут бастовать и страна будет парализована.

Вы хотите восстановить порядок, созданный вами.

Какой порядок?

Если он позволит всем жить в свободе, если это принесет реальную пользу, начиная с уменьшения рабочих часов, если именно он распределит ресурсы между всеми людьми поровну, вместо того чтобы обогащать несколько почитаемых граждан, если это тот порядок, который хотите восстановить вы, то мы тоже этого хотим. Но мы призываем увидеть несостоятельность всей системы, которая есть только постоянный беспорядок и постоянная ложь.

Давайте провозгласим необратимый развод, который нация только что испытала и который перенесет проблему из Елисейских дворцов, Замка Бурбонов или Сената на улицу.

Закончим с этими призывами большинства французов решать проблему путем референдума, с этими демократическими гримасами, с этими призывами к суверенному народу, хотя в итоге решение будут



принимать, играя в кости. Избавимся от обмана режима, который все больше и больше делает вид, что предоставляет народу какую-то власть, в то время все происходит вне его желаний.

Вопреки богатству концернов, власть — в народе, потому что только системой автоматического регулирования народа добывается это богатство. Если бы народ был настолько умен, чтобы игнорировать это правительство (единственная функция которого состоит в том, чтобы открыто защищать капиталистические интересы), если бы он был настолько умен, чтобы организовывать свою жизнь параллельно правительству и презирать его, революция бы свершилась, и рядом с нею расположилась бы анархия.

Перевод *Юлии Варшавской*

### Левый морж

«Коррере делла сера», 7 июня 2001 года

Думаю, Берлускони в эти дни горько сожалеет о славных годах оппозиции, когда он вел сомкнутые ряды своих войск, неустанно совершая нападки на правительство. При разделе добычи (я говорю, естественно, о политической добыче, ни о какой другой) все меняется, и разговор становится сложнее. Конечно, каким-то образом ему удастся разобраться с этим. И одним он утешается в любом случае — фактом, что противник, кажется, даже не проявляет осторожности перед трудностями, перед которыми большинство разрывается и думает обо всем, только не о наживе. Я говорю это не потому, что следует взвалить эти трудности на себя, что было бы помимо прочего неправильно; но для того, чтобы созвать собственные отряды и натолкнуть их на некоторые размышления.

Я допускаю, что, возможно, это напрасный труд, потому что левая Италия — из тех, кто ничего не забывает, но ничему и не учится. Рожденная из раскола (в Генуе в 1892 году), переживавшая расколы в течение всего двадцатого века и проигрывавшая из-за расколов все свои битвы. Накануне Первой мировой войны ее силы представляли большинство ее электората, не хотевшего кровопролития. После войны, чтобы поделить улицу между муссолиниевскими бедняками, не знали, кому довериться, и выбрали Факте — честного малого, каких не сыщешь, но наименее одаренного решительностью в принятии решений и, возможно, именно поэтому победившего.

О событиях прошлого я читал в книгах. Но к этому могу добавить собственный жизненный опыт, полученный на конгрессах левых сил, начиная с дней Освобождения, когда после двадцатилетних ограничений, наложенных фашистским режимом, левые снова сцепились друг с другом. Едва разрешили гимн возрожденной Демократии и стали возносить хвалы «ценностям Сопротивления», сразу начались конфликты из-за будущего левых партий и течений. Я помню, как тонула новорожденная партия действия: едва попав в

колыбель, ее члены стали соревноваться друг с другом, и в партии воцарился дух шайки детоубийц. Помню и выражение глубокого ликования на обычно хмуром лице одного из лучших — морально и интеллектуально — людей Первой Республики, Риккардо Ломбарди. когда ему случалось (и случалось почему-то почти всегда именно ему, сначала в качестве акционера, потом как социалисту) составлять свидетельство о смерти партии.

В общем, эту левую Италию я видел все время в роли жертвы обоюдных предательств и отлучений. Вот что помогает понять, как же в Италии пятьдесят лет могла существовать христианская демократия — единственная партия, которая, несмотря на исступленную внутреннюю борьбу течений и фракций, ни разу не доходила до раскола. Все было дозволено внутри партии: клевета, кинжалы, яд. Но банда оставалась бандой. Тот, кто выходил из нее, заканчивал, как морж, который, однажды будучи изгнанным из стада, следует за ним, издавая душераздирающие и вместе с тем бесполезные мольбы быть принятым обратно. Кто она сегодня, о чем говорит, что делает левая Италия в то время, как правая терпит неудачи и становится видно, что она не фабрика чудес, как того, возможно, ждали избиратели? Она решает принять имя, облик, программу либо хочет продолжить проводить (все-таки следует признать это — вполголоса и вежливо) «репетицию оркестра» по Феллини?

Эти вопросы не ждут ответов, потому что, к сожалению, никто не имеет права их давать, но их задает половина Италии. Правда, другая половина страны не задает подобных вопросов. Но это не утешение.

Перевод *Ольги Овчинниковой*

# **Журналистика и публицистика Восточной Европы**

Польша:

Адам Михник

Чехия:

Вацлав Гавел

Сербия:

Деян Анастасиевич

**Адам Михник**

**Возрожденная независимость и бесы Бархатной революции** [\[50\]](#)

Понимать историю Польши означает верить в чудеса. Вы только подумайте: чтобы в 1984 году допустить, что Польша через пять лет вернет свою свободу и независимость, надо было предположить, что возможны чудеса. При всей своей богобоязненности и католичности поляки в такое чудо не верили. Да и, в конце концов, кто из нас, сотрудников «Газеты Выборчей», мог тогда поверить, что в ближайшем будущем окажется сотрудником крупной и важной ежедневной газеты, уважаемой и в Польше, и во всем мире?

Но кто же признается в своем маловерии? Вот мы и спорим друг с другом: кто, какой политический лагерь, какие силы вернули Польше независимость?

<...> Но, в конце концов, чудо совершилось: Польша обрела свободу, и каждый поляк получил право на мгновение счастья по поводу независимости родного болота.

Сотрудники «Газеты Выборчей» не были отстраненными наблюдателями польских событий. Мы были и остаемся активными участниками споров о Польше.

<...> Польский путь к демократии через переговоры и соглашения стал возможным благодаря соглашению «круглого» стола. Я считаю «круглый» стол самым разумным политическим актом польской истории двадцатого века. Почти никто не верил в соглашение правящей коммунистической партии с антикоммунистической оппозицией. И все же такое соглашение стало фактом: без блокад и карательных отрядов, без единого выбитого окна Польша смогла сама с собой договориться о пути к свободе и независимости. Если бы в 1984 году поляк-патриот поймал золотую рыбку, какие бы три желания он загадал? Прежде всего, чтобы Польша из диктатуры стала демократией, без полицейского пресса, без цензуры, без закрытых границ. Во-вторых, чтобы польская экономика стала рациональной, чтобы логика свободного рынка пришла на место логики приказа,

распределения и дефицита, чтобы растущая задолженность сменилась устойчивым экономическим ростом. В-третьих, чтобы Польша стала суверенной страной, чтобы советские войска оставили Польшу, чтобы распался Советский Союз и наша страна стала постоянным членом демократической Европы. «И слово стало плотию и обитало с нами».

Почему коммунизм в Польше рухнул? Благодаря избранию Папой Иоанна Павла II и его знаменитым поездкам в Польшу? Благодаря политике американских президентов Картера и Рейгана, сделавших права человека орудием американской политики против тоталитарного коммунизма? Благодаря Михаилу Горбачеву, который в попытке модернизировать советскую империю нанес ей смертельный удар?

Каждый из этих факторов был очень существенным. Но решающим было другое: тот факт, что поляки хотели сломать диктатуру, то, что поляки, которые служили диктатуре, сумели договориться на этот счет с теми, кто против диктатуры восстал.

Это и была Великая Польская Бархатная революция. Наша революция, подобно любой другой, породила чрезвычайные надежды и чрезвычайные разочарования. Были разочарованы власти, которые рассчитывали рационализировать и модернизировать систему, а не ликвидировать ее. Разочарована была «Солидарность», мечтавшая о наступлении эпохи всеобщего благоденствия, а получившая время безработицы, грызни среди лидеров, ловкачества бывшей номенклатуры и коррупции новой властной элиты. Все просто: разочаровано было все общество, которое верило, что с падением коммунизма Польша превратится в страну с американскими зарплатами, скандинавским социальным обеспечением и «трудовой этикой» эпохи первого секретаря Эдварда Терека. Но чаемая манна не упала с небес, потому что с небес наша земная манна не падает.

Однако на самом деле для «Газеты Выборчей» манна небесная состоялась: к нашему счастью, вода превратилась в вино. Мы сознавали, что «круглый» стол — это огромное достижение, что за столом переговоров демократическая оппозиция добилась всего, к чему стремилась.

За легализацию «Солидарности» нужно было заплатить огромную цену: согласиться участвовать в выборах нижней палаты сейма, пойдя на компромисс и согласившись с тем, что оппозиция получит не более 35% мест. Участники «круглого» стола превратили это соглашение в

средство революционных перемен. В результате выборов появилась соответствующая нижняя палата сейма и абсолютно демократическая верхняя палата, так что мы добились сокрушительной победы.

Я отлично помню это время. Победа потребовала от нас воображения, отваги и осторожности. Она шокировала всех: коммунистическую элиту, католический епископат и нас — членов «Солидарности». Чтобы двигаться дальше и заменить коммунистическую власть некоммунистической, следовало искать компромиссы, избегать невидимых рифов и минных полей, воздерживаться от столкновения с естественными врагами демократии — силовыми министерствами, а также с Москвой, ведь тогда никто не мог себе представить распада СССР.

Нам повезло: с согласия всех актеров польской политической сцены возникло правительство Тадеуша Мазовецкого, первое некоммунистическое правительство в социалистическом лагере. Это правительство выполнило историческую миссию декоммунизации Польши. Спустя десятилетие мы с благодарностью вспоминаем это правительство и его сторонников. Это было правительство надежды. Посреди ужасной экономической разрухи, после многих лет внутренних конфликтов, раздиравших государство, было образовано правительство согласия и единства. Правительство это было призвано после многих лет диктатуры и угнетения заложить основы свободы и независимости. Правительство Мазовецкого, Куроня, Бальцеровича и Скубишевского умело вести переговоры с президентом Ярузельским, с Горбачевым и с политиками демократических стран. Это правительство положило начало исторической Осени Народов: падению Берлинской стены и Бархатной революции в Чехословакии. И именно это правительство со своим премьером спустя несколько месяцев стало объектом беспощадной атаки, начатой людьми, которые не хотели забыть прошлое, которые требовали «ускорения демократизации и декоммунизации», «завершения революции». Во главе этой атаки стоял символ польского сопротивления, лауреат Нобелевской премии мира и вождь «Солидарности» Лех Валенса.

<...> Я боялся Валенсы. Меня пугало его умение жонглировать словами, ловкость, с которой он устранял оппонентов. Я боялся его компромиссов и того, как ему нравится вести переговоры с правительством. Я боялся его склонности верить в существование

всемирного заговора, в его окружении я видел многих не лучших и случайных людей. Я боялся его ревности к способным людям и того, как он постоянно твердит: «Солидарность» — это я!

Здесь будет уместно открыто признать, что в целом я ошибался относительно Валенсы. Руководитель профсоюза «Солидарность» (NSZZ) оказался достойным своего места. Если не обращать внимания на отдельные ошибки, положение Леха Валенсы в «Солидарности», его настойчивость обеспечили преемственность в «Солидарности». Когда он вернулся работать на верфь, не переставая комментировать происходящее в обществе, он стал зримым символом польского сопротивления, маяком, который из Гданьска периодически посылал всей Польше сигналы веры и надежды. Соединяя настойчивость с умеренностью, Лех получил Нобелевскую премию и положение общепризнанного авторитета, что доказала реакция людей на его речь над могилой священника Ежи Попелюшко.

<...> Таким я вижу Леха Валенсу: человек гениальной интуиции и бесстыдной самовлюбленности, прирожденный политик и самонадеянный автократ, крестный отец польской свободы и ее невольный разрушитель. Никто столько не сделал для польской свободы и никто не растоптал столько идеалов Польши. Вместе с тем никто так твердо не защищал рыночную экономику и прозападную ориентацию польской внешней политики.

Лех Валенса не хотел и не мог ждать. Может быть, поэтому я все еще думаю о Валенсе со смешанными чувствами: теплотой и отвращением, страхом и восхищением? Он не уважал соратников, он признавал только преданных себе придворных. Он жаждал президентской власти, как наркоман кокаина. Но не личные особенности вождя «Солидарности» вызвали в конечном счете «войну в верхах». Атака Валенсы на правительство Тадеуша Мазовецкого оказалась успешной благодаря всеобщему разочарованию.

Философия правительства Мазовецкого основывалась на политике последовательных, но осторожных реформ, из которых важнейшей частью была трансформация экономики по Бальцеровичу, позднее названная «шоковой терапией». Мазовецкий хотел нейтрализовать все прочие общественные конфликты. Именно в этом был смысл решимости поставить крест на прошлом, дав каждому



возможность трудиться на благо демократической Польши, а не тонуть в океане мстительности.

Однако эти разочарования и конфликты были естественным следствием трансформации. Валенса гениально почувствовал и выразил всеобщее разочарование. Разочарованы были активисты «Солидарности», которые надеялись, что их союз станет новой «руководящей силой», назначающей ректоров университетов и директоров заводов, воевод, министров. Разочарованы были работники крупных предприятий, которые полагали, что свобода пришла благодаря их забастовкам, а теперь они оказались лицом к лицу с перспективой безработицы. Разочарованы были католики, которые ожидали, что на смену рухнувшей коммунистической Польше придет время Польши католической. Люди, которых преследовали при диктатуре, чувствовали себя обманутыми, потому что они ожидали вознаграждения, а вместо этого наблюдали, как обогащается коммунистическая номенклатура.

Всякая новая власть хочет, чтобы ее любили, и готова за это платить. Но правительство Мазовецкого опиралось на жесткую экономическую политику Бальцеровича. Теперь видно невооруженным глазом, что нынешнее процветание Польши обусловлено именно этой политикой. Однако в то время проходили демонстрации под лозунгом «Бальцерович — доктор Менгеле польской экономики». Такое разочарование коренится в природе всякой революции: за героическим сражением за свободу следует борьба за власть и доходные должности. Затем, как правило, бывшая диктатура сменяется диктатурой революционного режима. К счастью, в Польше вышло по-иному.

Бальцерович — политик с железной волей, великого и революционного воображения, которого яростно критиковали с самого начала его деятельности. Его обвиняли в бездушном монетаризме, бесчеловечной приверженности к волчьим законам рынка, в появлении безработицы и равнодушии к социальным проблемам, в помощи богатым и в разорении бедных. Однако у Бальцеровича были могущественные союзники: премьер-министр Мазовецкий и Яцек Куронь, министр польской бедноты; была на его стороне и галопирующая инфляция. Благоприятствовало ему и отсутствие альтернативных программ, уверенность в том, что всякая другая

политика хуже. Поддерживало его парламентское большинство и большая часть средств массовой информации.

Журналисты «Газеты Выборчей» всегда последовательно поддерживали политику Бальцеровича.

У нас было из-за этого много проблем. Большинство из нас вступили в эпоху свободы с глубоко укорененной верой в необходимость защиты прав рабочих: их достоинства, их прав, их интересов. Идеал освобождения рабочих коренился в социалистической традиции и в энцикликах папы Иоанна Павла II; он был, естественно, противоположен политике Бальцеровича. Вместо самоуправления трудящихся — приватизация. Вместо роста зарплаты — рост цен и затягивание поясов. Вместо социальных гарантий — призрак безработицы. Мы часто спрашивали себя, не предаем ли мы собственные идеалы? Десять лет спустя мы, оглядываясь, твердо отвечаем: нет. Мы не отказались от своей мечты, мы только отвергли наши заблуждения. Здесь и теперь мы полагаем, что не было для Польши иного пути, чем каменистая тропа шоковой терапии Бальцеровича. На этом пути, пускай он и был проторен не без ошибок, отклонений и скандалов, Польша достигла небывалого экономического роста и социального прогресса.

Мы понимаем, что будущее всегда неоднозначно. Жесткая логика рыночной экономики часто сопровождается холодной рыночной жестокостью, бездушной ментальностью бизнеса, ригоризмом технократов и попранием человеческого достоинства. В такие мгновения мы вспоминаем и будем вспоминать, что наша высшая цель — свобода Польши и свобода человека в Польше, создание гражданского общества, в котором каждый имеет право жить достойно. Мы понимаем, что свободный рынок есть обязательная часть пути к этой цели. Но мы отнюдь не считаем, что обогащение одних и обнищание других — это результат божественной справедливости. Напротив. Мы должны контролировать богачей, предоставляя бедным помощь и возможность вырваться из нищеты.

<...> «Газета Выборча» описывала сломленных и несчастных людей языком репортажа, но на языке комментария мы всегда говорили о том, что принимаем сторону реформаторов. Мы понимали, что естественным результатом модернизации является уход в недовольство. Поэтому мы выступали за политику общественного

диалога, компромисса и за «Пакт о предпринимательстве», регулирующий отношения между работодателем и рабочими. Мы знали, что где кончается диалог, там начинается разрушение демократических принципов правового государства. Мы не призывали к ужесточению уголовного кодекса, но мы требовали последовательного применения норм права к тем, кто их нарушает.

<...> С самого начала, с 1989 года, наша газета поддерживала единство Польши — родины для всех своих граждан, государства, основанного на компромиссе, а не на преобладании одного политического лагеря, не на беспощадной грызне и бесконечном сведении счетов. Мы не хотели, чтобы «Солидарность» стала новой «руководящей и направляющей силой», мы не хотели, чтобы на место принудительного марксизма-ленинизма и просоветской ориентации пришли принудительный католицизм и ориентация на западный капитал.

Мы с радостью наблюдали, как польское общество обретает утраченную свободу, а польское государство — независимость. Сменявшие друг друга правительства проводили разумную политику по отношению к национальным меньшинствам и к нашим соседям, и мы эту политику поддерживали. Мы с удовлетворением отмечали, что впервые в своей истории Польша не конфликтует со своими национальными меньшинствами и соседними государствами. Это несомненное достижение. Но прийти к нему было не так-то легко. Мы же видели, как в других посткоммунистических странах агрессивный национализм занимал место коммунистической идеологии, так что изгнанные бесы возвращались. Мы видели зарождение кровавого конфликта в Югославии, как он развивается и продолжается, как вчерашние коммунисты превращаются в агрессивных националистов, а вчерашние демократы разговаривают языком этнического фашизма. Мы видели также, как христианское духовенство благословляло этнические чистки. Мы видели, как Россию и другие страны бывшего СССР захлестывает национализм, подпитываемый и коммунизмом, и антикоммунизмом; с тяжелым сердцем мы слушали образчики великодержавного российского шовинизма из уст Жириновского или Зюганова. Мы были свидетелями кровавых столкновений в Румынии, распада Чехословакии, поджогов убежищ для африканцев в Восточной Германии. Мы видели все это, и мы должны сделать все, что в наших

силах, чтобы такие сцены не повторились в Польше. Это была бы гибель польской свободы.

<...> Мы были сторонниками новой системы отношений между государствами и народами Центральной и Восточной Европы. Ради утверждения такой системы мы широко публиковали русских авторов, в том числе русских демократов, которым мир многим обязан.

Мы гордимся количеством русских среди друзей нашей газеты. Мы тем более имеем право гордиться, что мы сумели по-новому взглянуть на запутанные польско-украинские отношения. Улучшение этих отношений мы считаем одним из важнейших достижений польской внешней политики, и «Газета Выборча» внесла в это дело свой вклад. Мы полагали, что наиболее эффективная дорога на Запад, в НАТО и в Европейский союз пролегает через внутреннюю стабилизацию страны, налаживание хороших отношений с соседями и активную региональную политику. Поэтому мы много писали о Чехии, Словакии, Венгрии, поэтому давали обширные материалы о Литве, Латвии, Эстонии, Украине и Белоруссии.

Мы отдавали себе отчет в том, что у прозападной ориентации, которую наша газета всегда поддерживала, есть последовательные противники. Мы сталкивались с такими противниками среди членов бывшей антикоммунистической оппозиции, среди церковных лидеров, среди членов бывшей коммунистической номенклатуры. Поэтому мы с радостью отмечали каждое слабое движение в сторону Запада среди политиков из Христианско-национального союза (ZCHN) и несомненный поворот к Западу у посткоммунистического Демократического левого союза (SLD). Однако настоящим прорывом в этом отношении стало посещение польскими епископами Брюсселя и их проевропейские заявления.

С самого первого номера «Газета Выборча» проявляла огромное уважение к Католической Церкви. Мы признавали колоссальную роль Церкви в польской истории, ее выдающееся значение во время коммунистической диктатуры и во время переговоров правительства и «Солидарности». Мы восхищались величием дела папы Иоанна Павла II. Несмотря на все это, несмотря на величайшую осторожность, с которой мы критиковали некоторые заявления епископата, нас часто обвиняли во враждебности к Церкви. Мы считали и считаем эти заявления несправедливыми.

Мы никогда не пытались выглядеть католической газетой, хотя всегда считали себя друзьями Церкви. Вслед за Лешеком Колаковским мы полагали, что «Церковь находится как бы на рубеже неба и земли; она раздает благодать и охраняет Закон, распределяет в видимом мире невидимые блага. <...> Сила христианства проявляется не в теологии и не в монополии на регулирование всех сфер жизни канонами. Эта сила в том, что христианство способно создать в человеческом сознании преграду ненависти. В сущности, одна только вера в Христа Искупителя была бы тщетна и ничтожна, если бы она не несла с собой отказа от ненависти, независимо от обстоятельств, если бы вслед за словами «и остави нам долги наши» христиане не должны были бы произносить «как и мы оставляем должником нашим». Этот отказ от ненависти есть вызов христианства, который актуален по сей день. Но если настоящий христианин — это человек, который исполнил эту заповедь, ученик Христа, не бегущий с поля сражения, но свободный от ненависти, — много ли было и есть христиан на Земле? Я не знаю. Я не знаю, больше ли их было в Средние века или в наши дни. Сколько бы их ни было, они соль земли, и европейская цивилизация без них была бы пустыней».

Мы начали понимать Церковь, глядя на нее под этим углом зрения. Поэтому нас беспокоят голоса ненависти и презрения, вдохновляемые ненавистью, люди, во имя Евангелия и под знаком Креста идущие в крестовый поход на инакомыслящих. Мы намеревались показать другую сторону христианства, показать Церковь всеобщей веры и надежды, сострадания и диалога, прощения и примирения. Мы были и остаемся верны диалогу, а не слепому послушанию, критике, а не враждебности. Из ежедневных газет наша первая стала регулярно посвящать особую полосу Католической Церкви и религии.

Было время, когда Церковь неприязненно поглядывала на сотрудничество с «Газетой Выборчей». Тем больше наша благодарность тем представителям Церкви, которые делились с нами своими мыслями, статьями, эссе, проявляя и смелость, и понимание нашей миссии.

Преданность лучше всего познается, когда тебя несправедливо критикуют. Благодаря людям Церкви, которые оставались нашими друзьями в тяжелые дни, мы не теряли уважения и восхищения

Церковью. Трудно представить себе Польшу без католичества. Католическая Церковь глубоко интегрирована в польское общество. Поэтому Церковь воплощает в себе и лучшие, и худшие стороны Польши. Мы счастливы, что смогли принять сторону лучшего.

Сотрудников «Газеты Выборчей» и лично меня часто обвиняли в том, что мы слишком благожелательно относимся к представителям коммунистического режима. Нас критиковали за то, что мы не сводим счеты, не участвуем в люстрации и декоммунизации, а в результате размываем границу между добром и злом, правдой и ложью. Один критик назвал это «дружеским пактом с Каином».

Недавнее десятилетие «Газеты Выборчей» стало хорошим поводом для ответа на такие обвинения.

В течение многих лет мы принадлежали к антикоммунистической оппозиции. Многие из нас провели немало времени в подполье, в тюрьмах, на задворках общественной жизни, подвергаясь дискриминации и унижениям. Наши идеи и наши друзья были исключены из дискуссий о Польше и ее будущем пути. Так продолжалось очень долго.

На страницах подпольных газет мы яростно ниспровергали коммунистический режим. Только в 1989 году, во время переговоров «Солидарности» с правительством, мы признали, что Польша увидела свет в конце туннеля. Тогда мы поняли, что путь к польской демократии должен напоминать испанский, что диктатура эволюционирует в демократию через компромисс и национальное примирение. Такая эволюция предполагает, что не будет мести, не будет победителей и побежденных, что судьбу новых правительств решит избирательный бюллетень. <...>

Мы считаем, что создание демократического и суверенного государства является процессом примирения заклятых противников — Польши коммунистической и Польши «Солидарности». Поэтому мы были против любых попыток декоммунизации и люстрации. Мы считаем декоммунизацию (то есть дискриминацию бывших активистов компартии) антидемократичной. Мы считаем неверными аналогии между декоммунизацией и денацификацией в Германии. Гомулка, Терек и Ярузельский — не то же, что Гитлер, Гиммлер или Геббельс. Они были диктаторами, но не виновны в геноциде, поэтому ставить их на одну доску с нацистами неверно.

Нам импонировал испанский переход к демократии. Мы также обращались к опыту Филиппин, Южной Африки и Чили, где вчерашние враги заняли свои места в одном демократически избранном парламенте. Мы считали, что лучше превратить многочисленных сторонников «бывшего режима» в защитников демократии, независимости и рыночной экономики, а не в их заклятых врагов.

Конечно, мы часто писали о коммунистическом прошлом, не слишком скрывая своей глубокой к нему антипатии. Но, даже осуждая систему в теории и на практике, особенно смешение лжи с насилием, мы пытались понять тех, кого система поймала в свои сети. Говоря иначе, более по-христиански: мы отличали грех от грешника. Для нас коммунист не был воплощением зла, дьяволом во плоти, Каином, преступником, чьи руки запачканы невинной кровью. Мы не хотели демонизировать сторонников ушедшего режима, хотя мы постоянно писали о демонической природе тоталитаризма; не хотели мы и «обожествлять» антикоммунистическую оппозицию, хотя бы то были наши друзья из «Солидарности», страдальцы подполья или тюрем.

<...> Рассказывая о польской экономике и участвуя в политических дискуссиях, мы понимали, что одной политикой жизнь не ограничивается. Поэтому мы хотели создать газету жизнеутверждающую и помогающую людям.

Мы стали писать о демократии и правах человека на уровне, внятном каждому человеку, — например, два года мы вели кампанию «Роды по-человечески», которая изменила польские роддома. Мы добивались, чтобы персонал роддомов относился к роженице доброжелательно и уважительно, а не отстраненно и даже наплевательски. Мы выступали за право родственников присутствовать при родах, за возможность постоянного контакта матери с новорожденным. Мы просили читателей присылать нам письма с описанием роддомов и на основе этих писем создавали рейтинг польских роддомов. Врачи и власти сперва не обращали внимания на эту кампанию, но уже через несколько месяцев роддома ожесточенно соревновались за место в рейтинге. Мы добились перелома в общественном сознании, и само выражение «рожать по-человечески» стало расхожим. Специалисты даже полагают, что резкое

сокращение детской смертности было в какой-то степени обусловлено и гуманизацией родов.

«Газета Выборча» выступала также в защиту детей алкоголиков, против насилия в семье и на телеэкранах. Мы спасли государственные детские дома, организовав сбор пожертвований для них, поддерживали создание семейных детских домов. Мы поощряли отказ от жизни в блочных многоквартирных домах, организовав акцию «Жить по-человечески». Несколько раз мы прямо выступали за внесение изменений в законодательство. Когда в 1997 году внезапно были отменены льготы по квартплате, мы собрали тысячи подписей под обращением с призывом выступить против налогового законодательства. Мы касались самых сложных вопросов, зачастую таких, о которых не принято говорить в обществе, например, о сексуальном воспитании или, совсем уже недавно, о необходимости хосписов для неизлечимых больных. Наша газета постоянно пытается привить полякам вкус к здоровому образу жизни: бросить курить, питаться нормально и т.д.

На протяжении многих лет мы постоянно публикуем материалы, помогающие правильно платить налоги и распорядиться своими финансами, не говоря уже о бесчисленных советах по строительству, ремонту, украшению, покупке жилья (в разделе «Дом») или автомобиля (в разделе «Авто-Мото»). Мы также публикуем простейшие тесты, помогая студентам подготовиться к несложным экзаменам. Недавно стала пользоваться огромной популярностью информация о социальных реформах, особенно потому, что новое всегда сопровождается неразберихой. Самыми популярными стали серии статей на темы «Как в этом кавардаке получить медицинскую помощь» и «Как выбрать пенсионный план».

Читателям также очень нравятся наши региональные приложения. Они содержат и объявления о пропавших животных, и шуточные конкурсы, и объявления о театральных спектаклях и киносеансах. Читатели могут поместить некролог или поздравить новорожденного в разделе «Добро пожаловать в мир» (такой раздел есть в любом из двадцати наших региональных приложений). Приложения включают в себя хронику городской жизни и развлекательные повествования — например, о многомесячном поиске убежавшего из зоопарка африканского кабанчика.



Эти приложения постоянно следят за действиями местных властей. Перед муниципальными выборами 1998 года они давали цикл статей «Город изнутри», который стал первым подведением итогов деятельности местных властей. Приложения также участвуют в полемике вокруг новых границ воеводств, организуя местные референдумы, и не только в тех городах, которые могут потерять свой статус областных центров.

<...> В первом номере «Газеты Выборчей» говорилось: «Эта газета появилась на свет в результате договоренностей, заключенных во время переговоров правительства и „Солидарности“ за круглым столом, но мы будем издавать и редактировать ее сами, сами будем нести ответственность за газету. Мы связаны с „Солидарностью“, но намерены представлять взгляды и мнения всего общества, самых различных противоборствующих сторон».

Удалось ли нам сдержать слово? Об этом — судить сотням тысяч наших читателей.

Мы верим, что политическая и финансовая независимость нашей газеты является необходимым условием ее объективности. Мы достигали этой независимости в течение десяти лет, и за это время нас и хвалили, и ругали. Юбилей стал прекрасным поводом поблагодарить и наших критиков, и наших друзей.

<...> Мы счастливы, что самое счастливое десятилетие польской истории последних трех веков в то же время оказалось самым счастливым десятилетием нашей жизни. «Газета Выборча» — это не только наш вклад в это десятилетие, это заслуга всей демократической и независимой Польши.

## Вацлав Гавел

### Символы Литомишля

Газета «Лидове новини», 28 апреля 1994 года

Обдумывая спустя некоторое время недавнюю встречу семи президентов в Литомишле, осознаешь одну замечательную вещь: как мало мы — перенасыщенные бесчисленными конкретными политическими темами дня — слушаем и оцениваем то, что я бы назвал знаковою данностью политики. Политические события, как я снова и снова убеждаюсь, не заключаются только в том, что кто в их рамках скажет, сделает или подпишет, но — никогда менее и в этот раз прежде всего — и в том, что значит встреча на своем фоне и какая, так сказать, невербальная информация проскальзывает на заднем плане.

Не было бы таких больших проблем, если бы в Литомишле подписали некие соглашения, провозглашающие вообще отношение к различным периодам истории и декларирующие всякие добрые намерения участвовавших стран. К сотням таких документов, сплошь встречающихся и даже к целому ассортименту неопубликованных и попадающих после торжественного подписания напрямую в архив, прибавился еще один. Но никто из нас не хотел принимать правила этой несколько лицемерной игры, рассчитанной на «конкретный успех». Такой поступок мог бы в принципе отлично прикрыть истинный смысл встречи и, в конце концов, сделать ее бессмысленной. А ее истинный смысл, собственно, мы на этот раз хотели вложить — и думаю, что нам это удалось, — не во что иное, как в составление нескольких немаловажных для восприимчивых и недремлющих наблюдателей и совершенно значительных своими долгосрочными последствиями политических символов. Символов, которые-то и могут внятно поведать правду, потому что они, как говорят естествоиспытатели, «мягкие», стало быть, до немалой степени расфокусированные, живые и провоцирующие нечто живое. Попытка перевести все это на язык официального коммюнике была бы наилучшим способом эти символы развеять и уничтожить.

Попытаюсь описать политические символы, или знаки, которые я увидел в прошедших событиях.

### **Феномен Средней Европы**

Сам факт встречи участвовавших президентов, равно как и то, что на ней звучали различные мнения, ясно дает понять, что феномен Средней Европы вечно жив в сознании среднеевропейца и что задействованы страны открыто объявляют себя принадлежащими к Средней Европе. Литомышльские встречи осветили этот феномен, как что-то, что раньше доходило лишь до кабинетов культурологов и историков, однако что так или иначе пережито и сегодня осознается до конца. Ведь мы живем в пору, когда драматически изменяются политические системы огромных частей света и когда совершенно логично многие государства и народы возвращаются к своей оригинальной самобытности и принадлежности. Среднюю Европу, правда, нельзя точно ограничить географически. И уж вообще нет никакого самостоятельного среднеевропейского этноса. Тем не менее как свободное пространство, объединенное родственными историческими, культурными и социальными традициями, это явление существует и с точки зрения геополитической даже опять — так было в истории многократно — играет немаловажную роль, т.е. речь снова идет о том, кому будем принадлежать и какую роль будем играть.

### **Россию никто не хочет изолировать**

На встрече еще однозначно стало ясно, какой ответ участвующие страны готовят на вопрос о положении и принадлежности региона в контексте всего мира: никто из них не хочет появления новой буферной и якобы нейтральной зоны между Западом и Востоком, даже появления моста — ни между кем. И тем более не желают входить в сферу влияния России или быть неким русским «близким зарубежьем», что означает — особенно с точки зрения безопасности — специфическую привязанность к России. Разумеется, что никто ничего не имеет против России, никто ни в чем не стремится ее ущемить, все хотят иметь с ней такие хорошие отношения, какие только можно представить. Отношения во всем равноправные, основанные на уважении России к тому, что ее партнер ориентирует свою жизнь туда, куда хочет. Просто непонятно, почему это мы должны быть под влиянием России, когда ни Бельгия, ни Норвегия ничего от нее не требует. Иными словами, Средняя Европа воспринимается как

деятельный член той Европы, которую до сих пор называли Западной, или просто Западом, и вполне логично, что поэтому мы хотим влиться в их оборонные, политические и хозяйственные структуры. Отличаемся ли мы чем-нибудь, как какие-либо иные объединения, например, Скандинавия, от жизни Европы, и если да, то не отдельными цивилизационными, духовными и политическими ценностями (они у всех одни и те же), но теми оттенками, которые наша средневропейская культурная среда может им дать (подобно тому, как другие регионы передавали им свои особенности). Именно сегодня, когда в российской внешней политике прослеживаются неожиданные нотки, нужно быть очень дипломатичными и осторожными — учитывая особые российские претензии или требования по отношению к бывшим советским сателлитам, — было несказанно важно, чтобы Литомишль послал такой общий средневропейский сигнал. (Мимоходом: все чешские комментаторы в один голос рассказывали, что на завершающей церемонии звучала «Ода к Радости» Бетховена, красивая и знаменитая композиция, а что это — разумеется, с согласия участников — гимн Европейского союза, не отметил никто.) <...>

### **Человеческие масштабы политики**

Когда размышляешь о нашей недавней встрече, нужно вспомнить еще кое-что: «человеческие масштабы» политики. Самого меня снова и снова удивляет, но это факт: хорошие личные взаимоотношения и действительно тесная дружба между политиками имеет в политике большее значение, чем кажется на первый взгляд. В теледебатах мы все можем быть чуть-чуть осторожными, сознающими свою ответственность, которую несем перед миллионами людей за каждое слово. Другое дело во время встречи: все участники во время своих частных бесед были общительны, откровенны и сердечны. За те два дня мы снова лучше поняли не только свои души, но и в первую очередь политические проблемы, надежды и опасения своих стран, равно как и образы, которые те страны и их политики о себе создают. А это неоценимое достижение.

Сдается мне, на Литомишле мы не остановимся, но президенты участвовавших стран будут в таком же составе (а если понадобится, состав можно видоизменить) периодически встречаться. Новый международный союз от этого не возникнет, о чем-то подобном и речи

нет. Но когда бы после встречи появилась определенная традиция, тогда бы она, несомненно, могла бы быть и дальше инструментом развития добрых отношений в Европе.

Перевод *Игоря Говрякова*

## **Зачем же нам нужен радар?**

Газета «Право», 6 февраля 2007 года

Две недели назад Соединенные Штаты выдвинули официальное предложение о размещении на территории Чешской республики военного радара, который способствовал бы защите от баллистических ракет. Это произошло через пару часов после того, как новое правительство получило разрешение от Палаты депутатов, и спустя пять месяцев абсурдных рассуждений о чем-то, о чем в ту пору никто ничего конкретного не знал. Сегодня, значит, нам известно, что Соединенные Штаты намерены охранять свою собственную территорию, и к тому же одновременно и территорию стран Западной и Центральной Европы. Нам известно также, что речь не идет о ракетах с боеголовками, а только о радаре, что США заинтересованы в его постройке в юго-западной части страны и что для этого потребуется четыре квадратных километра. Условия и подробности проекта будут обговорены только в ближайшие месяцы, а потом будут предложены правительству к рассмотрению. В то время, когда тон евроатлантическим стратегическим отношениям задают такие страны, как Северная Корея или Иран, когда все сложнее сдерживать международный терроризм и распространение оружия массового поражения, наши союзники уже реально делают для нас то, о чем мы и не мечтали.

Все же мне кажется, что со своими предложениями и договорами американцы зашли слишком далеко. Значительная часть чешского общества к открытым переговорам и партнерским отношениям с великой державой до сих пор не привыкла. Напрасно мы вспоминали, когда и кто в истории с нами по подобному поводу считался. Мы готовы за два месяца привыкнуть к громадной вооруженной армаде оккупантов, которая вот-вот нападет на нас, однако, когда от нас ожидают согласия на размещение одного пассивного компонента будущей совместной системы обороны, у нас вдруг возникают акции

протеста. Вот сейчас-то и запретил бы кто-нибудь вопить во все горло «Нет!», да кто посмеет.

Позвольте мне пару комментариев к некоторым аргументам, которые приходится слышать.

1. Европа в двадцатом столетии не была способна разрешить даже те конфликты, которые сама спровоцировала и расширила до масштабов целого мира. Даже сегодня и, сдаётся мне, ещё долго она не сможет без помощи США сопротивляться угрозам, которые породила цивилизация XXI века, не то что угрозам войны.

2. Утверждение, что Чешская республика не может заключить двусторонний договор с Соединёнными Штатами, но как государство-член могла бы совместно использовать оборонную систему Североатлантического альянса, абсурдно прежде всего потому, что американский проект представляет собой первый шаг к обороне целого евроатлантического пространства. Без американского проекта в будущем не возникнет никакой оборонной системы НАТО.

3. Россия же в рамках партнёрских отношений с НАТО обо всем уже давно информирована. Речь не идёт ни о каких гонках вооружений, ведь русским самим хорошо ясно, что они тоже должны иметь подобную оборонную систему, в первую очередь против тех государств, в которые после распада Советского Союза устремились, покинув прежние дома, ставшие вдруг ненужными ядерные и военные эксперты.

4. Референдум о размещении одного-единственного радара представляется несколько курьёзным. Я сторонник референдума, но только по совершенно иным вопросам. Решение о радаре — задача правительства и парламента, им же мы доверили свою старость и безопасность.

Независимость Чешской республики никак затронута не будет. Решительно не больше, чем зарубежными владельцами акций наших стратегических нефтехимических предприятий. Провозгласить референдум по такому поводу означало бы констатировать недоверие к компетенции власти, а впоследствии и предопределило бы результаты выборов.

5. Союзнический договор с демократическим партнёром никоим образом не сделает нас связанными. А связанными и оставленными на

милость и немилость других мы будем, наоборот, тогда, когда не окажемся вовремя готовыми к настоящей опасности.

Пока наше правительство будет отказываться от американского предложения, внешне ничего особенного происходить не будет. Поезда и автобусы будут отправляться в рейсы, пекари будут печь свой хлеб, а банки открываться, как обычно. Никто нас ни в чем не упрекнет. Только удивятся, что мы, которые не в состоянии обеспечить государственный военный бюджет даже настолько, насколько обязались обеспечивать его при вступлении в НАТО, отклоняем предложение о сотрудничестве и охране. Тогда они должны были бы задать вопрос, что нам, собственно говоря, в этом мире надо. Не удастся Соединенным Штатам разместить средства противоракетной обороны у нас и в Польше, построят их хотя бы в Великобритании. И тогда, скорее всего, вздохнут спокойно. Свою собственную территорию они так и так охраняют. Вот только мы здесь как-то не у дел получаемся.

*Перевод Игоря Говрякова*

## Деян Анастасиевич

### Гаагский дневник

Судебный пристав пришел ко мне и проводил меня в зал суда. Милошевич на своем месте, довольно хмурый. «Дружеский» прокурорский допрос закончен, и очередь дошла до Милошевича. Должен признать, я испытывал некоторое волнение, так как у Милошевича признанный исключительный талант унижать других людей. Впрочем, со временем этот трепет отступает, когда я замечаю, что обвиняемый, в соответствии со своим знаменитым презрением к журналистам, совсем не подготовлен.

Понедельник, 7 октября

Самолет в Амстердам взлетает отвратительно рано, так что я должен встать раньше пяти и едва успеваю попрощаться со своей женой и дочерью. В аэропорту Схипхол меня, как мне сообщили, ждет шофер с табличкой «101», так как мой приезд в Голландию не был известен непосвященным лицам. Меня эта конспирация порядком насмешила: я приехал под своим именем, и у меня не было даже никакой охраны. Кроме того, это мне напомнило пресловутую квартиру 101 из романа Оруэлла «1984». Между тем, по приезде в Схевенинген меня поселили во вполне приличный отель, и с террасы своей комнаты я даже могу между бетонных зданий разглядеть маленький кусочек моря, которое стало серым, несмотря на солнечный день.

Встречаюсь с личным составом Службы защиты свидетелей, которого вокруг меня не так уж много, так как я говорю по-английски и отчасти знаю город и окрестности. Первая встреча с людьми из прокуратуры назначена на следующее утро, так что я весь день предоставлен сам себе. Схевенинген — это приятный туристический город в нескольких километрах от Гааги, хотя сейчас, в межсезонье, выглядит он довольно мрачным. Если бы я приехал сюда по другому поводу, то бы больше наслаждался пребыванием в Голландии, но мои мысли о предстоящей встрече с Милошевичем портят все настроение. Кроме того, страна сейчас в трауре — предыдущей ночью на



семьдесят шестом году жизни умер принц Клаус, муж королевы Беатрикс и один из самых любимых членов королевской семьи.

Многие из нас не знают, что в течение Второй мировой войны название этого курортного городка служило своеобразным тестом, по которому сторонники голландского движения Сопротивления узнавали немецких шпионов и провокаторов. Никто, кроме урожденных голландцев, не мог правильно произнести Схевенинген, т.е. говорить «сх», а не «ш», да еще и с характерным горловым звуком «h». За время моего пребывания здесь, которое продлилось дольше, чем я рассчитывал, я научился произносить это название довольно хорошо.

Вторник, 8 октября

Первый день с сотрудниками прокуратуры. Водитель приехал за мной в девять часов утра и привез к зданию Трибунала на площади Черчилля, дом 1, где я оставался до вечера. По пути мы проезжали мимо местной тюрьмы, которая была переоборудована под нужды Трибунала. Тюрьма была когда-то крепостью, окруженною лесом, и снаружи выглядит очень красиво: никакой колючей проволоки и современных охранных вышек, которые возвышаются над стенами. В это время Милошевича там нет: он в здании суда, где допрашивает Николу Самарджича, когда-то министра иностранных дел Черногории.

Меня проводят в здание Трибунала через тщательно охраняемый задний вход, а затем через лабиринт коридоров и дверей с электронной защитой до одной из канцелярий. Там встречаю людей, которым я два с половиной года назад на том же самом месте отдал заявление — его теперь мне нужно отстоять на суде. Тогда, в июне двухтысячного, Милошевич казался твердо стоявшим у власти, и я сам не верил, что этот суд покажется ему чем-то серьезным, хотя, конечно, откликнулся на вызов Трибунала без колебаний. Я осознавал, какое большое делаю дело, несмотря на то, что информация, которой я располагал, была из третьих рук, и мне хотелось послужить своего рода указательным знаком другим свидетелям. На деле я не верил до конца, что меня действительно позовут свидетельствовать, и в известной мере был согласен с Милошевичем в том, что я не являюсь хорошим свидетелем. С другой стороны, мне казалось, что, может быть, отказаться предстать перед судом и открыто подтвердить свои слова было бы беспринципно и подло.

Тогдашнее мое заявление состояло из около сорока печатных страниц и охватывало большой разброс тем, о которых меня допрашивали. Между тем, прокурора интересовала лишь часть вопросов, и сейчас нужно было написать сильно сокращенную версию. Над этим я работал весь день и, когда вышел из здания, неожиданно понял, что солнце уже зашло. Мне сообщили, что предстать перед судом, возможно, нужно будет уже на следующий день. Это значило, что я смогу вернуться в Белград еще до конца рабочей недели. Ободренный этой мыслью, я иду на ужин, а затем и в кровать.

Среда, 9 октября

Утром, в девять часов, водитель снова отвозит меня к зданию Трибунала. Я продолжаю то, что начал делать вчера, хотя и менее быстрым темпом, и к полудню успеваю все закончить. Остался один небольшой вопрос, который нужно разрешить с Джеффри Найсом, прокурором в процессе против Милошевича. Найс дожидается меня в своей канцелярии во время обеденного перерыва, с ногами на столе, сэндвичем в одной и бокалом красного вина в другой руке. Оказалось, что под строгим костюмом Найс носит рубашку цвета лаванды и разноцветные пестрые носки. После короткого разговора я убрал из заявления одну формулировку, которая мне не нравилась, и на этом нужно было бы и закрыть дело.

Дело, между тем, далеко не было закрыто, пока существовала теоретическая возможность, что Милошевич раньше закончит с Самарджичем, в этом случае нужно было выступить сразу после него, так что я должен дежурить и ждать до конца дня. Это время я провожу главным образом на террасе — единственном месте, где можно курить. И вдруг — неожиданная встреча: я и не мечтал, но мои довоенные друзья, с которыми я потерял связь, работают в Трибунале переводчиками (все они, естественно, курят). Поздоровался с Педжем, Хамдием, Антом... Они тоже не знали, что я здесь, и наша встреча была взаимно приятной.

После этого, как холодный душ: узнаю, что Милошевич не закончил перекрестный допрос Самарджича и просит дополнительное время для допроса свидетеля в четверг. Затем я узнаю, что суд не работает в пятницу и понедельник, чтобы хрупкое сердце Милошевича могло оправиться после такого напряжения. Все это означает, что мое

пребывание в Голландии продлится до вторника следующей недели. Это резко испортило мне настроение.

Четверг, 10 октября

Сегодня этот день. Я надеваю галстук, что делаю обычно только в том случае, если встречаюсь с главой государства или правительства (это бывает не особенно часто). Милошевич как бывший глава государства уже не попадает в эту категорию, но я решаю ради такого случая все-таки придать себе парадный вид. Вообще, покойный принц Клаус, который в это время положен в королевской палате в Гааге, не носил галстук, и все голландцы в знак траура решили до его похорон, которые пройдут во вторник, не надевать галстуков. Поэтому мне казалось, что в лобби отеля особенно мрачно.

В здании Трибунала меня поместили в комнату для свидетелей, где следующие три с половиной часа я жду, пока Милошевич закончит с Самарджичем. Комната три на два, с ужасным запахом застоявшегося табачного дыма, похожа на угрюмую келью. Здесь есть голландский кофе и сок, который я пью до тех пор, пока меня не начинает тошнить, и курю сигарету за сигаретой. Для развлечения свидетелям предлагаются женские журналы, в основном хорватские. Время от времени ко мне кто-нибудь заглядывает — видимо, проверить, не повесился ли я на своем галстуке. В течение этого ожидания я, кажется, забыл, о чем нужно свидетельствовать, но зато узнал все о нанесении румян на кожу.

Наконец, судебный пристав пришел ко мне и проводил меня в зал суда. Милошевич на своем месте, довольно хмурый. Только я присягнул говорить правду и ничего кроме правды, как судья объявляет перерыв на обед, который займет два часа. Назад в комнату. Углубляюсь в методы антицеллюлитного массажа.

После перерыва все начинается снова. «Дружеский» прокурорский допрос закончен, и очередь дошла до Милошевича. Должен признать, я испытывал некоторое волнение, так как у Милошевича признанный исключительный талант унижать других людей. Впрочем, со временем этот трепет отступает, когда я замечаю, что обвиняемый, в соответствии со своим знаменитым презрением к журналистам, совсем не подготовлен. Я теряю понятие о времени, и мне кажется, что мой допрос только-только начался, а судья Мей уже объявляет конец. «Увидимся во вторник», — говорит он с усмешкой.

Супер. Это значит, что у Милошевича есть целых четыре дня до следующего тайма, а я должен остаться здесь до вторника.

Назад в гостиницу. Там я принимаю звонки от родных и редакции, а звонят мне коллеги и приятели со всего света, чтобы выразить свое мнение, как правило, положительное, о моем решении выступить в суде. От них я узнаю о «небольшой шутке» Милошевича над Самарджичем, который из-за диабета потерял обе ноги. Когда Мей предупредил, что Милошевич может задать еще один вопрос, тот спросил Самарджича, известна ли ему поговорка, что у лгуна коротка нога. Это и есть наш Слоба, т.е. человек, который двенадцать лет управлял Сербией.

Дополнительный уик-энд (11—14 октября)

Как назло, солнечная погода, стоявшая первые четыре дня, уступила место проливным дождям, которые шли до самого вторника. Воспользовавшись моментом, я еду в Амстердам и провожу вечер с одним старым другом, а присоединяется к нам Дубравка Угрешич, который год назад закончил Гарвард. Дубравка очень нервничает из-за мастеров, которые переделывают ему кухню, а в Голландии это гораздо сложнее (да и дороже), чем у нас.

Вернувшись в Схевенинген, я провожу время с коллегой из Белграда, который как свидетель проходит под шифром С-4 (так, кроме того, называется разрушительная американская взрывчатка). Мы не смеем разговаривать о нашем деле — иметь приятеля на нашем месте уже хорошо. Когда мы гуляем вдоль моря под ледяным дождем, кажется, что мы единственные люди в Схевенингене. «Зачем нам это?» — спрашивает С-4. «Мы охраняем пляж зимой», — говорю я.

Вторник, 15 октября

Просыпаюсь в плохом настроении, на нервах. К тому же я успел подхватить простуду, и теперь у меня болит горло, и я кашляю, и, кроме всего прочего, чувствую себя довольно глупо, как будто иду на переэкзаменовку. Милошевич гораздо лучше меня подготовлен и пытается презрительными комментариями оспорить важность моих показаний, назвав меня в конце «пятиразрядным свидетелем». Я рад, что все закончилось. Не могу дождаться, когда вернусь домой, и на сей момент (вторник, около полудня) это единственное, что меня занимает.

Перевод *Александры Панферовой*

---

## notes

Министерство иностранных дел — *прим. перев.*

Дебаты между кандидатами в президенты США сенатором Джоном Ф. Кеннеди и вице-президентом США Ричардом М. Никсоном проходили в студии Си-Би-Эс в Чикаго, штат Иллинойс. Ведущим был Говард К. Смит. — *Прим. перев.*

В Сенате США вице-президент может повлиять на исход какого-либо голосования своим голосом. — *Прим. перев.*



Эта речь была произнесена Мартином Лютером Кингом на подмостках Мемориала Линкольна в Вашингтоне (округ Колумбия) 28 августа 1963 года и стала одной из самых известных его речей. — *Здесь и далее прим. перев.*

*Сегрегация* — вид расовой дискриминации — отделение негров и других цветных народов от белых.

*Гетто* — в некоторых странах: особые городские кварталы, за пределами которых не имеют право селиться представители дискриминируемых расовых или религиозных групп.

Мартин Лютер Кинг выступил с этой речью у храма масонов в Мемфисе, штат Теннесси, 3 апреля 1968 года в поддержку бунтующих санитарных рабочих штата Теннесси, накануне убийства.

*Трумэн Капоте* (настоящее имя — Трумэн Стрекфас Персенз, 1924—1984) — американский писатель, журналист и публицист, один из основателей жанра «невывмышленного» романа и рассказа, или так называемой новой журналистики.

«Хладнокровное убийство» (1966) — самое знаменитое произведение Т. Капоте в жанре «новой журналистики» — документальный роман-репортаж о зверском истреблении фермерской семьи в штате Канзас.

*Том Вулф* (р. 1931) — один из основоположников школы «нового американского журнализма», одним из первых стал делать из низкокачественной ежедневной журналистики высококачественную прозу. Он взял на вооружение журналистские методы сбора информации (интервью, репортаж, работа в архивах) и начал писать книги на основе реальных фактов. Так в прозе зародился особый жанр — *faction* (от слов *fact* — факт и *fiction* — художественная литература). Для Вулфа характерны графические и стилистические приемы воздействия на читателя. Он широко использует сложносочиненные предложения, ему свойственно обилие запятых и тире, курсив, а также необычное использование знаков препинания.

Книга написана в 1968 г., русский перевод вышел в 1996 г. В этом фрагменте описывается та же вечеринка в доме писателя Кена Кизи, что и во фрагменте репортажного романа Хантера Стоктона Томпсона «Ангелы Ада». Томпсон делал на вечеринке диктофонные записи и позднее передал их Вулфу. Поэтому прямая речь некоторых героев абсолютно идентична.



*Хантер Стоктон Томпсон* (1937—2005) — одна из самых значимых фигур в «новой американской журналистике», автор нескольких книг, среди которых культовые «Страх и отвращение в Лас-Вегасе» и «Ангелы Ада». Томпсон считается основоположником гонзо-журналистики, которую писатель Курт Воннегут называл литературным эквивалентом кубизма из-за полного отсутствия правил. Ранние произведения Томпсона — «Ангелы Ада», «Страх и отвращение в Лас-Вегасе» — классический пример репортажных романов о жизни «разбитого поколения» 1960-х годов. Позднее творчество Томпсона связано с политической журналистикой: это шокирующая критика внутренней и внешней политики США (сборники статей «Поколение свиней», «Песни обреченного», мемуары «Царство страха»).

В этом фрагменте описывается та же самая вечеринка в доме писателя Кена Кизи, что и во фрагменте репортажного романа Тома Вулфа «Электропрохладительный кислотный тест». Томпсон делал на вечеринке диктофонные записи и позднее передал их Вулфу. Поэтому прямая речь некоторых героев абсолютно идентична.

*En route* (фр.) — в пути. — Прим. перев.

*Raison d'être (фр.)* — право на существование. — *Прим. перев.*

*Aficionada (исп.)* — поклонник. — *Прим. перев.*

*Стэн Фреберг* (полное имя — Стэнли Виктор Фреберг; р. 1926 г.)  
— американский пародист, комедиант, кукловод и рекламный агент. —  
*Здесь и далее прим. перев.*

*Боб Дилан* (настоящее имя — Роберт Аллен Циммерман; р. 1941 г.) — американский автор-исполнитель песен, который, по мнению большинства наблюдателей, является наиболее влиятельной фигурой в истории популярной музыки послевоенного времени, в особенности рок-музыки.

*Джерри Ли Льюис* (р. 1935 г.) — американский рок-н-ролл певец, автор песен, пианист, первопроходец рок-н-ролл-движения.



*Фэтс Домино* (настоящее имя — Антуан Доминик Домино; р. 1928 г.) — американский пианист и вокалист, один из родоначальников рок-н-ролла.

*Грил Маркус* (родился в 1945 г.) — музыкальный журналист и критик.

*Чарли Рич* (1932—1995) — американский музыкант, автор-исполнитель песен и пианист; *Конуэй Твитти* (1933—1993, настоящее имя — Гарольд Ллойд Дженкинс) — один из самых успешных американских кантри-музыкантов XX века; *Карл Ли Перкинс* (1932—1998) — американский автор-исполнитель песен, впервые соединивший ритм-энд-блюз и кантри-музыку.

«Rubber Soul» — шестой по счету студийный альбом группы The Beatles, выпущенный в конце 1965 года на лейбле Parlophone. «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» — восьмой по счету студийный альбом группы The Beatles.

Имеется в виду первый визит группы The Beatles в США — Нью-Йорк, аэропорт Кеннеди, 7 февраля 1964 года. В Нью-Йорке группа дала два концерта в Карнеги-Холле.

*Тони Джо Уайт* (р. 1943 г.) — американский автор-исполнитель песен и гитарист; *Баффи Сент-Мари* (настоящее имя — Беверли Сент-Мари; р. 1941 г.) — композитор, музыкант, художница, активный социальный деятель Канады; *Дасты Спрингфилд* (настоящее имя — Мэри Изобел Кэтрин Бернадетт О’Брайен; 1939—1999) — английская певица.

*Кристофер Кристофферсон* (р. 1936 г.) — американский поэт-бард, который в 1960-е годы изменил облик музыки кантри, развернув ее от эксплуатации шаблонных ковбойских и романтических мотивов к более глубоким формам личного выражения.

*Коул Альберт Портер* (1891—1964) — американский композитор и автор песен.



Кэтрин Грэм, издатель «Вашингтон Пост». — *Прим. перев.*

Эдвард Беннетт Уиллиамс, владелец юридической фирмы, которая представляет Демократическую партию, так же как и «Вашингтон Пост». — *Прим. перев.*

7 ноября 1972 года проходили выборы президента США. — *Прим. перев.*

Рабочий кабинет президента США в Белом доме. — *Прим. перев.]*

С этой речью президент США Билл Клинтон выступил во время ежегодного «молитвенного завтрака» в Белом доме 11 сентября 1998 года перед аудиторией из более ста представителей духовенства. На завтраке присутствовала и первая леди Хиллари Клинтон.

Речь, собственноручно написанная президентом, была произнесена вскоре после публикации доклада прокурора Кеннета Старра Конгрессу. Прокурор обвинял Клинтона в лжесвидетельствах, препятствовании следствию и других нарушениях, связанных с его делом о сексуальной связи с бывшим стажером Белого дома Моникой Левински. Этот доклад подготовил почву для объявления президенту импичмента.

Эта речь произнесена Маргарет Тэтчер в британском парламенте 19 января 1976 года. 24 января 1976 года советский журналист Юрий Гаврилов опубликовал в газете «Красная звезда» заметку под названием «Железная дама страшает» (реплика на воинственное заявление Тэтчер в парламенте: «...русские стремятся к мировому господству»). На следующий день эту заметку перепечатала лондонская «Санди Таймс», и Железная дама в переводе превратилась в Железную леди. Удачное прозвище утвердилось в англоязычной печати, а когда пришла пора и карательной кампании 1979 года, Тэтчер не преминула пустить в ход слоган «Британии нужна Железная леди!». — *Прим. перев*

СССР — *Прим. перев.*

*Эрих Апель* — политический деятель, председатель плановой экономической комиссии, разрабатывавшей и проводившей «Новую экономическую систему планирования и руководства» (НЭС), предложенную одним из руководителей ГДР Вальтером Ульбрихтом в 1963 году. Программа была направлена на внедрение в экономику ГДР элементов рыночной экономики. Не получив поддержки у Брежнева, Ульбрихт начал резко критиковать Апеля за неудачи НЭС, хотя эти неудачи были следствием недопоставок сырья из СССР. Вскоре после этого Апель был найден застреленным в своем кабинете. До сих пор неизвестно, было ли это самоубийство или политический заказ. — *Прим. авт.*



*СЕПГ* — Социалистическая единая партия Германии — правившая в ГДР партия, ориентировавшаяся на СССР и КПСС.

*Бонн* — столица ФРГ, *Восточный Берлин* — столица ГДР.

*Аксель Шпрингер* (1912—1985) — основатель газетно-издательского концерна *Alex Springer Verlag* (1947) в Германии, крупнейшего концерна в Западной Европе.

В апреле 1968 года Андреас Ваадер, Гудрун Энслин, Торвальд Проль и Хорст Зенляйн устроили поджог универмага во Франкфурте-на-Майне, причинив серьезный материальный ущерб. На следующий день все четверо были арестованы. Во время процесса в октябре того же года они объяснили свои действия протестом против безразличия общества по отношению к убийствам во Вьетнаме. За этот поджог подсудимые были приговорены к трем годам тюрьмы.

*Вэнс Паккард* — леворадикальный американский социолог, теоретик и политолог.

*Фритц Тойфель* — видный деятель западноберлинской контркультуры конца 1960 — начала 1970-х годов.

Эта статья написана в 2005 году, в пору, когда Германия и ЕС стояли перед принятием судьбоносных решений. Эти решения повлияли на ход политического, социального и экономического развития всего Европейского союза. Гельмут Шмидт, канцлер Германии в 1974—1982 годах, мудро анализируя недуги европейского сообщества начала XXI века, предсказал и возможные пути выхода из европейского кризиса, вызванного провалом проекта европейской конституции в 2004 году.

Одно из социальных нововведений на рынке рабочей силы в Германии в 2005 году — *Ред.*



В Германии не существует отдельного общегосударственного министерства культуры, поэтому на федеральном уровне все вопросы решаются Собранием министров культуры всех земель — *Ред.*

Ле Пен (Франция — *Ред.*), Фортайн (Нидерланды — *Ред.*),  
Лафонтен (Германия — *Ред.*).

2005-го, после того как бундесканцлер Герхард Шредер покинул свой пост в результате вотума недоверия, вынесенного им в германском парламенте, и досрочных выборов нового канцлера. — *Прим. перев.*

Спорная программа по сокращению безработицы в стране, принятая накануне вотума недоверия правительством канцлера Шредера в 2004 году. — *Прим. перев.*

*Морис Лесан* — французский журналист, известный своими анархическими взглядами, антимилитарист. Статья «Большой развод» написана после парижских событий 1968 г. и опубликована в газете *Le Monde Libertarie* в июне 1968 г.

*Индро Монтанелли* (1909—2001) — одна из центральных фигур итальянской журналистики XX в., публицист с семидесятилетним стажем, бравший интервью у Эйнштейна и Гитлера, автор более ста публицистических книг (первая вышла в 1935 г., последняя — в 2001 г.).

Эта речь произнесена А. Михником 25 сентября 1999 года в Варшаве на IV Международных чтениях памяти главного редактора журнала «Континент» Владимира Максимова. Публикуется с сокращениями по: «Континент», 2000. № 3.